

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 16, № 4, 2025

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2025

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головко Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich's Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 23.12.2025

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 16, No. 4, 2025

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2025

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 23.12.2025

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025

Содержание

Беклемешева Н.Н., Малыгина Е.В. <i>Английские атрибутивные композиты как средство синтаксической компрессии научного текста с точки зрения перевода</i>	7
Декатова К.И. <i>Композиты-алогизмы в русской поэзии Серебряного века: структурно-семантические и функциональные особенности</i>	27
Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б. <i>Лингвоаксиология ценностей в медиадискурсе Казахстана: анализ ключевых слов как репрезентантов общественных концептов</i>	41
Корышев М.В., Хохлова М.В. <i>Именованные сущности в немецкоязычной прессе: корпусный и экспертный анализ</i>	59
Кушнерук С.Л. <i>Индикаторы конфликтности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов</i>	74
Манёрова К.В. <i>Динамика прагматикализации немецкой прагматемы <i>prost Mahlzeit</i> в экспрессивных речевых актах</i>	92
Уразаев М.Д. <i>Образ агрессии в русской метафорике алкогольного опьянения</i>	110
Habibova K.A. <i>Machine Metaphorics in Techno-Modern Texts</i>	128
Khramchenko D.S. <i>The Geography of Conflict: How Locative Metaphors and Moral Cartographies Correlate with Polarization in American Political Discourse</i>	141
Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L. <i>Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse</i>	159

Contents

Beklemesheva N.N., Malygina E.V. <i>English Attributive Compounds as a Means of Structural Compression in Academic Discourse from a Translation Perspective</i>	7
Dekatova K.I. <i>Compound Alogisms in Russian Poetry of the Silver Age: Structural, Semantic and Functional Features</i>	27
Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B. <i>Linguistic Axiology of Values in Kazakhstan's Media Discourse: an Analysis of Keywords as Representations of Social Concepts</i>	41
Koryshev M.V., Khokhlova M.V. <i>Named Entities in the German-Language Press: Corpus and Expert Analysis</i>	59
Kushneruk S.L. <i>Conflictogenicity of Intercultural Interaction on Telegram Channels: Discourse Analysis of Visual Frames</i>	74
Manerova K.V. <i>Dynamics of Pragmaticalization of the German Pragmateme <i>prost Mahlzeit!</i> in Expressive Speech Acts</i>	92
Urazaev M.D. <i>Image of Aggression in the Russian Metaphorics of Inebriation</i>	110
Habibova K.A. <i>Machine Metaphorics in Techno-Modern Texts</i>	128
Khramchenko D.S. <i>The Geography of Conflict: How Locative Metaphors and Moral Cartographies Correlate with Polarization in American Political Discourse</i>	141
Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L. <i>Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse</i>	159

Научная статья

УДК 81.2.347.78.034

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16401>

EDN: <https://elibrary/SOZUQM>

АНГЛИЙСКИЕ АТРИБУТИВНЫЕ КОМПОЗИТЫ КАК СРЕДСТВО СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Н.Н. Беклемешева , Е.В. Малыгина

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

 beclemesheva@mail.ru

Аннотация. Английские атрибутивные композиты рассматриваются в статье как средство языковой компрессии за счет преобразования многокомпонентной структуры со сложными и многообразными связями в компактные единицы, которые чрезвычайно частотны в англоязычном научном дискурсе. Высокая распространенность наряду с отсутствием описания различных видов многокомпонентных атрибутивных дефисных образований и особенностей их функционирования в научных текстах делают задачу описания таких единиц актуальной. Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей использования в научном дискурсе структур — носителей вторичной предикативности: английских атрибутивных композитов с точки зрения перевода. Эмпирический материал работы составили 628 контекстов с атрибутивными композитами, отобранными на сайте ScienceDirect.com из научных статей на английском языке по темам: медицинские, инженерно-технические исследования, социология, педагогика. Методика исследования включала предпереводческий анализ примеров эмпирической базы с точки зрения структурно-семантического подхода, далее выполнялся анализ переводов для выявления принципов корреляции между русскими и английскими структурами. В результате выделены две основные группы дефисных атрибутивных словосочетаний: 1) устойчивые модели с закрепленными функциями компонентов (сложные определения); 2) окказиональные структуры (атрибутивные цепочки). Отсутствие атрибутивных цепочек, а также низкая частотность сложных определений в русском языке требуют серьезных структурных трансформаций при переводе. Результаты сравнения переводов атрибутивных композитов, представленных в параллельных текстах на сайтах Linguee.ru и Reverso.net, позволили сделать выводы о наиболее частотных способах перевода каждой группы композитов в научных текстах разной направленности. При переводе инженерно-технических/медицинских текстов достаточно часто используются калькирование (терминология) и русские именные группы (что обусловлено требованиями стилового регистра). В текстах по темам социология/педагогика самый частотный способ передачи сложных определений на русский язык представляют развертывание атрибутивной предикативности в причастный оборот и использование отглагольного существительного. Выявлены и систематизированы случаи опущения предикативности при переводе атрибутивных композитов на русский язык.

Ключевые слова: синтаксическая компрессия, дефисные атрибутивные композиты, вторичная предикативность, научный дискурс, перевод с английского языка на русский, сложные определения, атрибутивные цепочки.

Для цитирования: Беклемешева Н.Н., Малыгина Е.В. Английские атрибутивные композиты как средство синтаксической компрессии научного текста с точки зрения перевода // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 7–26. DOI: 10.18721/JHSS.16401

ENGLISH ATTRIBUTIVE COMPOUNDS AS A MEANS OF STRUCTURAL COMPRESSION IN ACADEMIC DISCOURSE FROM A TRANSLATION PERSPECTIVE

N.N. Beklemesheva , E.V. Malygina

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 beclemesheva@mail.ru

Abstract. The paper studies English attributive compounds as a means of sentence compression in academic discourse. They transform multi-component structures with complex and diverse syntactic relationships into compact units, which are extremely frequent in English-language academic discourse. The high prevalence of these constructions, coupled with the lack of comprehensive description of various types of multi-component hyphenated attributive formations and their functional peculiarities in scientific texts, makes the task of describing such units highly relevant. The aim of this study is to identify the specific features of using structures with secondary predication – English attributive compounds – in academic discourse from a translation standpoint. The empirical corpus of 628 occurrences of attributive compounds from English-language scientific articles on the ScienceDirect.com platform covering the following fields: medical and engineering research, sociology and pedagogy. The research methodology involved a pre-translation analysis of the empirical data from a structural-semantic perspective, followed by an analysis of their translations to identify correlation principles between Russian and English structures. As a result, two main groups of hyphenated attributive phrases were identified: 1) stable models with fixed component functions (complex modifiers), 2) occasional structures (attributive chains). The absence of attributive chains and the low frequency of complex modifiers in Russian necessitate significant structural transformations in translation. A comparison of translations for attributive compounds, drawn from parallel texts on Linguee.ru and Reverso.net, allowed for conclusions about the most frequent translation strategies for each group of compounds in different scientific fields. In engineering/medical texts, calquing (for terminology) and using Russian nominal groups are quite common, which is dictated by the requirements of the stylistic register. In sociology/pedagogy texts, the most frequent strategies for rendering complex modifiers into Russian are expanding the attributive predication into a participial phrase and using a verbal noun. Cases where predicativity is omitted in the translation of attributive compounds into Russian have also been identified and systematized.

Keywords: syntactic compression, attributive compounds, secondary predication, academic discourse, translation from English into Russian, compound attributes, hyphenated attribute “strings”.

Citation: Beklemesheva N.N., Malygina E.V., English Attributive Compounds as a Means of Structural Compression in Academic Discourse from a Translation Perspective, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 7–26. DOI: 10.18721/JHSS.16401

Введение

Различия в способах выражения и оформления научной мысли на русском и английском языках (далее РЯ и АЯ) неизменно вызывают интерес у лингвистов и интерпретируются как культурно обусловленная особенность: в русскоязычной традиции научная коммуникация «ориентирована скорее на автора, чем читателя» [1, с. 88], т.е. носит монологический характер, представляя информацию для узкого круга специалистов, в то время как англоязычный научный дискурс имеет ярко выраженную диалогическую направленность и предназначен для широкого круга образованных реципиентов [2–4]. Таким образом, постулируемые в ряде работ различия в традициях русской и английской научной коммуникации нуждаются в осмыслении и выстраивании межязыковых корреляций. Необходимость в выстраивании таких

корреляций и тем самым оптимизации перевода атрибутивных структур составляет актуальность данной работы.

За последнее десятилетие в лингвистике появился ряд работ, в которых жанровые конвенции научного дискурса в АЯ подвергаются сомнению, что также свидетельствует в пользу актуальности настоящего исследования. В частности, Д. Бибер и Б. Грей утверждают, что англоязычный научный дискурс в письменном формате за последние десятилетия демонстрирует отчетливую тенденцию к структурно-грамматическим изменениям, которые не совпадают с привычными представлениями о научной статье как о тексте с осложненным синтаксисом, что выражается в использовании сложных конструкций с сочинением и подчинением, сложности простых предложений, отягощенных различными обособленными оборотами, который, тем не менее, представляется ясным и логичным [6]. Результаты корпусных исследований показывают поворот англоязычного научного дискурса от развернутых сложных предложений к более экономным способам передачи информации, прежде всего с помощью развернутых именных групп, отглагольных существительных, атрибутивных словосочетаний препозитивного и постпозитивного типа (предложных), в том числе и сложных определений (атрибутивных композитов), что свидетельствует о курсе на номинализацию и компрессию письменного английского научного стиля, в отличие от устного академического дискурса, который сохраняет хорошо известные предпочтения в использовании развернутых сложно-подчиненных предложений [5–7].

В то же время анализ структурных изменений позволяет утверждать, что компрессия на уровне грамматики как таковая не способствует ясности изложения; напротив, именные группы и атрибутивные конструкции скорее требуют приложения когнитивных усилий для их декодирования, поэтому при сжатости и структурно более лаконичном стиле преподнесения информации письменные научные тексты стали гораздо менее «прозрачными» [6; 7]. Данные структурные изменения имеют непосредственное отношение к феномену предикативности как основному способу языковой «упаковки» информации. Предикативность в лингвистике традиционно трактуется как установление отношений между объектом и приписываемым ему признаком, соотнося высказывание с действительностью и получая выражение в категориях времени, модальности и лица¹ [8]. При наличии в высказывании данных категорий предикативные отношения получают свое полное выражение в единстве подлежащего и сказуемого (субъекта и предиката) в двусоставном предложении, однако предикативность в языке может существовать и в конструкциях меньшего размера — структурах-носителях вторичной предикативности, в которых эти категории проявляются не всегда и не полностью. Степень эксплицитности проявления категорий предикативности в высказывании определяет типы и виды предикативных структур: полупредикативные структуры (причастные, деепричастные, инфинитивные и др. обороты), носители свернутой (отглагольные существительные или английские атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией) и даже скрытой предикативности (в АЯ) [9]. При этом термин *вторичная предикативность* и используемый также термин *редуцированная предикативность* используются недифференцированно как зонтичные обозначения всех видов вторичной предикативности, акцентируя производность — *вторичность*, или *редукцию* — ослабленность признака.

Постановка проблемы

Подобная вариативность средств предикативности в языке предполагает наличие определенных условий, от которых зависит выбор той или иной структуры. Предпочтения в выборе «объема» предикативности при описании денотативной ситуации (и в РЯ, и в АЯ), во-первых,

¹ Николаева Т.Г. Предложения английского языка с конструкциями незавершённой предикации: семиологический подход: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2019. 382 с.

зависят от формата коммуникации (письменный vs устный), т.е. степени близости коммуникантов и ситуации общения: в устном общении коммуниканты, как правило, используют полные предикативные структуры — личную форму глагола, в том числе и сложные предложения. Однако, чем больше дистанция между коммуникантами (которая традиционно выше в письменной коммуникации), тем больше используется структур редуцированной предикативности, ср.: *Во избежание падения держитесь за поручень* (объявление в поликлинике) vs *Нужно держаться за поручень, чтобы не упасть. No smoking except in designated areas vs You cannot smoke here, it is allowed only in designated areas.*

Маркерами коммуникации с большей дистанцией между коммуникантами (письменные vs устные тексты; официально-деловой стиль, в том числе стиль инструкций, научный функциональный стиль vs разговорный), помимо прочих показателей, являются номинативность, адъективность и словосложение [10], что в РЯ, например, проявляется в высокой частотности отглагольных существительных (ср.: *использование программ машинного перевода для передачи английских структур*). Среди распространенных средств компрессии научного текста в АЯ, помимо отглагольных существительных, исследователи называют атрибутивные группы, в том числе атрибутивные композиты с внутренней предикацией [5] (*The use of learning games in education, particularly for second language acquisition, has gained significant traction recently, establishing game-based learning as a notable academic discipline*).

Иными словами, синтаксическая компрессия письменных текстов выше, чем в устном дискурсе, в том числе в силу того, что помимо создания эффекта официальности коммуникации, причиной компрессии также является время, необходимое на оформление мысли в слова, — использовать личную форму глагола, т.е. полные предикативные структуры, в условиях устной коммуникации гораздо легче. Синтаксическая компрессия, а именно использование в диалоге эллиптических элементов, которые состоят только из рематических групп, т.е. эллиптируется тематическая информация, наблюдается и в устной речи, поскольку собеседники находятся в одном временном и физическом пространстве и, соответственно, разделяют один и тот же ситуационный контекст, ср.: *Есть ли ответ на этот вопрос? — Пока нет.* Однако использование вторичной, т.е. редуцированной предикативности, требует больших усилий и более характерно для письменного и официального формата общения, что отмечается в работах ряда исследователей, ср.: «имплицитная предикативность заложена в синтагматических свойствах научного текста»².

Помимо вышеперечисленных факторов, необходимо также учитывать предпочтения носителей разных языков в выборе структур — носителей редуцированной предикативности для описания схожих ситуаций, что делает передачу вторичной предикативности на другой язык непростой переводческой задачей.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей использования в научном дискурсе структур — носителей свернутой предикативности: английских атрибутивных композитов в переводческой перспективе (в паре АЯ—РЯ).

Английские атрибутивные композиты

Атрибутивные композиты в АЯ представляют собой достаточно неоднородное явление, хотя единое название предполагает, по крайней мере, две объединяющих характеристики: функцию определения по отношению к главному слову-существительному и принцип построения с помощью словосложения. Однако данный словообразовательный процесс осуществляется в языке по разным схемам, которые с трудом поддаются описанию. Именно поэтому исследователи до сих пор не пришли к консенсусу по поводу используемой терминологии, ср.: «атрибутивные сочетания с внутренней предикацией» [11]; «сложные определения» [9]; «свернутые

² Кузьмина Е.С. Синтагматика научного текста: На материале русской научной литературы: специальность 10.02.01 «Русский язык»: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 5.

конструкции»³; «атрибутивная группа существительное + причастие» [5]; «причастно-номинативная модель»⁴; «(окказиональный) многокомпонентный композит» [12; 13]; «атрибутивные цепочки»; «атрибуты-соединения слов» [14] и пр.; в некоторых работах используется общий термин «атрибутивный дефисный композит» [15; 16].

Тем не менее в лингвистике были предприняты попытки найти общий принцип, на основе которого можно выявить логику образования разных видов атрибутивных композитов. Дж. Пафель, в частности, предлагает использовать два дифференцирующих критерия: наличие сформированной синтаксической структуры и характер модифицирующего компонента, который может быть «quotative» или «indexical» [17]. Можно предположить, что под этими определениями Дж. Пафель имеет в виду, представляет ли атрибут неслучайный, типичный признак объекта (indexical), либо окказиональный, представленный фрагментом прямой речи (quotative), т.е. характеристикой *ad hoc* в сложившейся ситуации. Дж. Пафель использует эту логику в отношении композитов в целом на примере разных языков, включая английский (при этом автор утверждает, что в славянских языках такие словообразования отсутствуют), и выделяет несколько видов композитных образований. В рамках данного исследования принцип Дж. Пафеля был применен в отношении английских атрибутивных дефисных композитов, что также позволило выделить устойчивые группы, релевантные для научного стиля.

В первую группу мы отнесли двухкомпонентные композиты типа *automobile-oriented (cultures)*, *tonsillitis-specific (symptoms)*, *life-threatening (situations)*, поскольку они обладают сформированной синтаксической и семантической структурой и указывают на устойчивую характеристику объекта.

Ко второй группе были отнесены многокомпонентные композиты, не имеющие устойчивой структуры, модифицирующий компонент которых представляет собой стяжение самых разных частей речи в цепочку, «центральным элементом которой выступает имя существительное. На него „нализываются“ все остальные компоненты словосочетания» [14, с. 105], относящиеся к разным лексико-грамматическим типам и оформленные как цельный компонент — через дефис: *graft-versus-host disease*; *off-target binding*.

Методы и материал исследования

Исследование выполнено на материале научных статей по темам медицинские исследования (22 статьи), социология (20 статей), педагогика (10 статей), инженерно-технические исследования (13 статей), отобранных с сайта ScienceDirect.com за период 2023–2025 гг. Критерием отбора послужило визуальное наличие дефиса в названии статьи и тексте, далее атрибутивные композиты отбирались вручную. Количество атрибутивных композитов в фрагментах текстов, вошедших в эмпирический корпус исследования, составило 628 единиц, причем частотность исследуемых структур в научном дискурсе на АЯ довольно высока, ср. произвольно взятые статьи разной тематики с сайта из открытого доступа: 61 атрибутивный композит на одну статью из 7772 слов (*Knowledge representation in global environmental assessments*, 2025 (социология)); 60 единиц на 9607 слов (*Disinformation for hire: A field experiment on unethical jobs in online labor markets*, 2025 (социология)); 188 единиц на 13499 слов (*Non-clinical, quality and environmental impact assessments of cell and gene therapy products*, 2022 (медицинские исследования)); 426 атрибутивных композитов на 33174 слова (*Grain-based DEM modelling of mechanical and coupled hydro-mechanical behaviour of crystalline rocks*, 2024 (инженерно-технические исследования)). Следует отметить, что при подсчете композитов, использованных в одной статье, в общее количество композитов были включены повторяющиеся единицы, но

³ Петрова Т.А. Свёрнутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 145 с.

⁴ Никуличев М.Ю. Когнитивные принципы образования и функционирования номинативно-причастных композитов в языке аналитического типа: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 271 с.

при итоговом подсчете количества композитов в эмпирическом корпусе всего исследования они не учитывались.

На первом этапе исследования выполнялся контекстный и компонентный анализ примеров эмпирической базы, который позволил выявить и описать определенные закономерности в способах языковой компрессии, осуществляемой с помощью данных структур; затем примеры рассматривались в рамках предпереводческого анализа с точки зрения структурно-семантического подхода; далее параллельные контексты, отобранные с сайтов Linguee.ru и Reverso.net (оригинальный текст и перевод), анализировались с помощью сравнительно-сопоставительного метода для дальнейшего выявления принципов корреляции между русскими и английскими структурами.

Результаты

Все отобранные на начальном этапе структуры были разделены на две группы: двухкомпонентные атрибутивные композиты, построенные по устойчивым моделям (сложные определения), и композиты, не имеющие четкой структуры, в которых в качестве определения используются именные группы (с предлогами/прилагательными), соединенные дефисами (атрибутивные цепочки).

**Таблица 1. Виды атрибутивных композитов
в англоязычных научных текстах (ScienceDirect.com, 2023–2025 гг.)**
**Table 1. Types of attributive composites
in English-language scientific texts (ScienceDirect.com, 2023–2025)**

N + ed (P2)	N + -ing (P1)	N + Adj.	Adj./Adv. + ed (P2)	A dj. + Adj/ A dv. + A dj.	N + N/ A dj. + N
However, it remains unclear whether this <u>gender-differentiated response</u> to the UTC policy directly translates into intra-household income inequality between spouses. <u>The relaxation of birth control policies adversely affects women's income: Evidence from China's universal two-child policy - ScienceDirect</u>	Extensive literature illustrates how fertility and <u>child-rearing responsibilities</u> affect women's participation in the labor force, manifesting in reduced work hours and labor force participation rates. <u>The relaxation of birth control policies adversely affects women's income: Evidence from China's universal two-child policy - ScienceDirect</u>	Such scientific knowledge is informed by the ideal of objectivity and <u>value-free facts</u> . <u>Knowledge representation in global environmental assessments - Patterns among authors of the Global Environmental Outlook - ScienceDirect</u>	Third, this particular functional form is highly tractable, which allows us to analyze the game in detail and obtain <u>clear-cut predictions</u> . Though a regular and <u>well-established phenomenon</u> , our knowledge of the effects of interpersonal comparisons on certain domains of human behavior is still somewhat limited. <u>The invisible family load and the gender earnings gap in Kenya - ScienceDirect</u>	Some countries regulate GMOs for pharmaceuticals by using <u>pharmaceutical-specific rules</u> , some guidelines, or a sort of lower-level notification. Many jurisdictions allow the enrolment of <u>decisionally-incompetent research subjects</u> . <u>Birds of a feather flock together? Gender differences in decision-making homophily of friendships - ScienceDirect</u>	Second, college students are close to adults and have similar social interactions such as co-residence, club activities, <u>team-work project</u> , and off-campus activities. <u>Birds of a feather flock together? Gender differences in decision-making homophily of friendships - ScienceDirect</u>

В рамках этих групп анализ позволил выделить четыре вида атрибутивных композитов (табл. 1). Это три основные модели двухкомпонентных композитов с причастием/прилагательным, а именно:

- (1) N + Part II (*gender-differentiated*) в количестве 258 единиц;
- (2) N + Part I (*child-bearing*) в количестве 52 единиц;
- (3) N + Adj (*value-free*) в количестве 64 единиц с вариациями.

В модели (1) вместо существительного роль первого компонента может выполнять прилагательное или наречие: Adv/Adj + Part II (*well-established phenomenon*); как и в модели (2): Adj/Adv + Part I (*digital intelligent upgrading*), впрочем, количество таких единиц в научном дискурсе невелико. К четвертой группе отнесены все виды атрибутивных цепочек, самые частотные из этих типов – дефисные сочетания: существительных – N + N (*country-level indicator*); прилагательного и существительного – Adj + N (*low-carbon market mechanisms*); предложные именные группы: Prep + N (*wisdom-of-crowds effect*). Общее количество атрибутивных цепочек составило 256 единиц.

При этом частотность композитов в текстах естественнонаучной и медицинской тематики оказалась выше (522 = 83%), чем в гуманитарных текстах (108 = 17%). По всей видимости, причиной является тот факт, что атрибутивные композиты в точных и естественных науках часто являются устоявшимися терминами (что также объясняет высокий процент их повторяемости в одном и том же тексте): *grain-scale behaviour crystalline rocks* – *граномодулирующие типы кристаллических горных пород*; *particle-based method* – *метод количественного анализа гранулометрического состава (породы)*; *quasy-static assumption* – *предположение о квазистатическом режиме*.

В целом, атрибутивные композиты представляют собой структуры – носители свернутой предикативности, поскольку ни одна из синтаксических категорий, связанных с выражением предикативности (модальность, время, наклонение, число) в данных структурах не представлена. Тем не менее эти категории достаточно легко восстанавливаются в сознании реципиента с помощью метода экстраполяции предикативного признака в виде трансформации в том же окружении, что и исходная конструкция (в контексте) без потери значения [18], ср.: *Life-threatening medical emergencies are severe situations that can be quite scary* vs *Medical emergencies which threaten your life can be quite scary*. *Off-target binding* vs *Binding a small molecule of therapeutic interest to a target other than the primary one for which it was intended, sort of going off-the-beaten track*.

Первый вид сложных определений существует в АЯ в составе словосочетаний с прозрачной структурой, все разнообразие которых сводится к трем устойчивым моделям:

- существительное (N1) (реже наречие (Adv) / прилагательное (Adj)) + причастие II (V-ed) + существительное – носитель предикативного признака (N2): *corporate- and industry-sponsored projects*; *travel-disadvantaged group*;
- существительное (N1) (реже прилагательное (Adj)) + причастие I (V-ing) + существительное – носитель предикативного признака (N2): *gas-consuming sectors*; *coal-mining facility*; *production-sharing agreements*; *long-standing problem*;
- существительное (N1) + прилагательное (Adj) + существительное – носитель предикативного признака (N2): *carbon-neutral pledge*; *value-free facts*.

Данные модели являются носителями «атрибутивной предикативности» – композиты указывают на постоянный (неслучайный) предикативный признак определяемого объекта и таким образом вводят в предложение описание дополнительной ситуации в сжатом виде. Композит может быть развернут в полную предикативную структуру, ср.: *travel-disadvantaged group* – *group which is disadvantaged in terms of travelling*; *a coal-mining facility* – *a facility which is mining/mines coal*; *value-free facts* – *facts which are not influenced of personal values/are free of personal attitudes and perceptions*.

Атрибутивные композиты первых двух типов (существительное + причастие I / причастие II) существуют и в РЯ (*нефтеперерабатывающий, пивоваренный (завод)*), однако в качестве

объединяющего компонента используется не дефис, а соединительные гласные *e/o*; при этом они достаточно малочисленны (по сравнению с АЯ) и не являются столь продуктивной словообразовательной моделью, как в АЯ.

Как отмечает М.Ю. Никуличев, по сравнению с развернутой предикативной структурой композит с внутренней предикацией обладает большей абстрактностью, ср.: «*teacher-produced tape recordings*, что однозначно воспринимается как *записи, сделанные учителями*, а не конкретным учителем, ср. также невозможность существования конструкций **Bob-married girl* — букв. „находящаяся замужем за Бобом женщина“, **Clinton-cut grass* — букв. „подстриженная Клинтоном трава“ (поскольку указывается конкретное, не входящее в сферу профессиональной компетенции, действие)»⁵.

В случае с окказиональными многокомпонентными определениями (атрибутивные цепочки) роль определения, как правило, выполняет фрагмент текста, не имеющий четкой структуры; часто это прямая речь, компоненты которой приобретают цельнооформленность благодаря дефисам, ср.: *double-dose-of-Advil pain* [14]. Функция этого вида композитов в предложении традиционно заключается не в указании на типичные, неслучайные признаки предметов и явлений, а в субъективно-эмоциональной характеристике описываемого предмета. Данные конструкции создаются для определенного момента, отвечая потребностям определенного коммуникативного акта, и носят речевой/окказиональный характер, т.е. «создаются в речи по принципу *ad hoc*» [14, с. 63]. Существует мнение, что в силу данных особенностей области функционирования многокомпонентных композитов ограничены [19]. Действительно, в силу своей прагматической нагруженности данные конструкции используются в основном в массмедиаальном дискурсе (реже) и художественной литературе (чаще), ср.: *I crossed my arms and made the “I’m-not-going-to-talk-about-this-one” face and she let me off this time* (Bourne 2015); *For a fresh-off-the-runway version, look no further than Burberry* (Vogue UK).

Тем не менее атрибутивные цепочки присутствуют в научных текстах, хотя в данном случае не приходится говорить об их экспрессивной функции: *low-carbon market mechanisms* (механизмы низкоуглеродного регулирования рынка); *wind-photovoltaic-storage hybrid power system* (гибридная энергосистема с ветро-фотоэлектрическими накопителями). В формальных видах дискурса атрибутивные цепочки прежде всего служат эффективным средством языковой компрессии, при этом приписываемые атрибутивной цепочкой признаки, которые в художественной литературе предстают как окказиональные, в научных текстах приобретают стабильность терминов.

В целом, в АЯ описанные выше композитные модели образования атрибутивных групп характеризуются высокой продуктивностью, в языке появляются все новые единицы, при этом далеко не все из них зарегистрированы в словарях. Принято считать, что интерпретация атрибутивной цепочки (окказионального многокомпонентного композита) достаточно сложна, а вот понять значение сложного определения в речи не представляет проблемы, поскольку все они строятся по «известному узуальному образцу» — см. три модели, описанные выше, в которых у каждого компонента есть свое значение [19–21].

В связи с этим можно предположить, что английские сложные определения не представляют серьезной переводческой проблемы, в отличие от атрибутивных цепочек. Для верификации этого предположения мы обратились к ресурсам *Linguee.ru* и *Reverso.net*, которые представляют собой сочетание двуязычных редактируемых словарей и систему контекстуального поиска по переводам, т.е. корпуса параллельных текстов. После ввода в строку поиска композитов из эмпирического корпуса система выдает контекст с данной единицей и параллельный контекст — его профессиональный перевод. Количество атрибутивных композитов, которые удалось найти на данных ресурсах, меньше, чем в эмпирическом корпусе исследования, однако

⁵ Никуличев М.Ю. Когнитивные принципы образования и функционирования номинативно-причастных композитов в языке аналитического типа: специальность 10.02.19 «Теория языка» : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 58.

анализ переводов выявленных единиц может помочь получить представление о стратегиях перевода атрибутивных композитов на РЯ.

Анализ эмпирического корпуса, выполненный авторами в переводческой перспективе, в том числе с учетом словарных эквивалентов (некоторые композиты представлены в двуязычных словарях), показал, что семантика определенных композитов из второй группы (атрибутивные цепочки) достаточно прозрачна и складывается из значений компонентов, ср.: *spleen-deficiency syndrome* — *гипоспленизм* (аномалия развития селезенки); *broad/narrow-spectrum antibiotics* — *антибиотики широкого/узкого спектра действия*; *fuel-to-air ratio* — *соотношение топлива и воздуха*; *cardiac-surgery patients* — *пациенты отделения кардиохирургии/пациенты, которым нужна операция на сердце* (152 примера из 253 = 60%).

Однако в 101 случае (из 253 = 40%) в этой группе композитов присутствуют имплицитно заданные компоненты, для выявления которых необходимо учитывать специфику описываемого исследования: *intent-to-treat population* — *выборка субъектов клинического исследования, которые получают препарат исследования* (нужно учесть, что в ходе клинического испытания есть группы контроля, получающие плацебо или традиционный препарат); *ad/post-hoc analysis* — *специальные/ретроспективные анализы*; *per-protocol analysis* — *анализ реакции на лечение пациентов, которые придерживались / не нарушали протокол исследования*. Частотность таких атрибутивных цепочек повышается в текстах негуманитарной тематики (технологии, нефте-разведка, медицина) и составляет около 60% (например, по теме инженерные технологии).

В ряде случаев отдельные компоненты в составе этого вида композитов могут оказаться нерелевантными при описании ситуации на РЯ, ср.: *process-flow diagram* (*диаграмма процесса / технологическая схема*).

Иногда соответствие на РЯ представляет описание явления/предмета с меньшим количеством лексем, ср.: *drag-and-drop interface* — *перетаскивание («мышью»)*; *grain-boundary cracks* — *рыхлость породы*; *off-the-shelf product* — *готовый / имеющийся в продаже препарат*; *grain size-to-particle size ratio* — *гранулометрический состав породы* и пр. Однако количество случаев, когда при переводе многокомпонентных атрибутивных композитов на РЯ требуется восстановление компонентов и связей между ними и, соответственно, использование дополнительных лексем, значительно выше, ср.: *leak-off zone* — *проникновение жидкости в песчаный пласт при гидроразрыве пласта*; *stress-strain curves* — *кривая деформаций в зависимости от механического напряжения*; *in-situ brine conditions* — *в условиях наличия пластовой воды в залежах*; *decisionally-impaired subjects* — *субъекты клинического исследования, которые не могут самостоятельно принимать решения*; *health care-associated infections* — *случаи заражения инфекционным заболеванием в лечебных учреждениях* и пр.

На следующем этапе исследования был выполнен анализ параллельных контекстов (188) на платформах *Linguee.ru* и *Reverso.net*, который показал способы перевода атрибутивных цепочек в научных текстах разной тематики (табл. 2).

Основной способ перевода атрибутивных цепочек на РЯ, выявленный в параллельных корпусах, — это сохранение значения всех компонентов композита. Помимо калькирования (*high-sensitivity C-reactive protein* — *высокочувствительный С-реактивный белок*), в данном случае достаточно часто при переводе меняется порядок следования компонентов, и английская препозитивная структура трансформируется в русскую предложно-падежную именную группу (*high-risk environments* — *в условиях повышенного риска*; *high-density lipoprotein* — *липопротеины высокой плотности*; *high-salt diet* — *диета с повышенным содержанием соли*).

При переводе также используется замена группы компонентов, объединенных дефисом, русским прилагательным (*health-care staff* — *медицинский персонал*), однако частотность этой стратегии (13%) уступает стратегии введения дополнительных слов, восстанавливающих пропущенные в оригинальном композите «ментальные шаги» (23%) (*PrEP-discontinuation case-*

report form — индивидуальная регистрационная форма случаев прекращения доконтактной профилактики; *peer-support group* — группа поддержки, состоящая из людей, переживших подобное). Полученные результаты не демонстрируют значительных расхождений в выборе переводческих стратегий в зависимости от направленности текста (точные vs гуманитарные науки) и в целом совпадают с результатами перевода атрибутивных цепочек, выполненных авторами с опорой на лексикографические источники.

Таблица 2. Способы перевода атрибутивных цепочек (*Linguee.ru/Reverso.net*)
Table 2. Methods of translating attributive chains (*Linguee.ru/Reverso.net*)

Способы перевода	Медицина	Инженерные технологии	Социология/ образование
Сохранение семантики компонентов: калькирование	37%	20%	20 %
Сохранение семантики компонентов: трансформация в предложно-падежную именную группу	29%	57%	42%
Введение дополнительных единиц	21%	20%	25%
Опускание компонентов (прилагательное)	13%	13%*	12%*

*Процентное соотношение способов перевода, превышающее в сумме 100%, здесь и далее объясняется учетом разных переводов одной и той же единицы.

Сложные определения, несмотря на наличие сформированной синтаксической и семантической структуры, также имеют свою специфику. Абстрактность композитов в целом делает их значение не всегда прозрачным, тип семантических отношений между компонентами не всегда находится на поверхности, и для их декодирования бывает необходим лингвистический и экстралингвистический опыт, ср., например: *technology-induced growth decline*. Имеет ли определение *technology-induced* отношение к слову *growth* или *growth decline*? Может ли в данном случае быть представлена ситуация экономического подъема, вызванного развитием технологий или с ростом технологий связан спад в некой сфере деятельности? Подобное явление также описывается как «эллипсис некоторых семантических компонентов пропозиции», что предполагает восстановление пропущенных «ментальных шагов» в процессе интерпретации атрибутивных композитов и далее при их переводе [20]. Это представляется особенно верным по отношению к атрибутивным композитам в научном дискурсе, в специальных текстах, где по данным корпусных исследований, частотность причастно-номинативных композитов (существительное + причастие I/II) особенно высока [5], а логическая связь между компонентами композита не столь очевидна.

Рассмотрим модель (1) (N1 + V-ed + N2), которую М.Ю. Никуличев описывает как выражение неслучайной характеристики объекта через действие, производимое активным субъектом, на примере научного дискурса (М.Ю. Никуличев анализировал данную «причастно-номинативную» модель на базе публицистического дискурса). В модели (1) — *clinician-rated symptomatology* главное слово *symptomatology* (N2) выполняет роль объекта, на которое направлено действие *to rate*, осуществляемое активным субъектом (N1): *clinician* — *лечащий врач, который оценивает симптомы заболевания / симптомы, оцениваемые лечащим врачом*. Или: *cytokine-induced signals* — *сигналы, передаваемые цитокинами*; *intelligence-aided systems* — *букв. системы, которым помогает искусственный интеллект / системы с использованием искусственного интеллекта*.

Субъект — производитель действия в таких структурах также может быть задан имплицитно, ср.: *autopsy-confirmed population of AD cases*. Очевидно, что *autopsy* (посмертное вскрытие)

в данном фрагменте также выступает в функции объекта, как и *population of AD cases* (пациенты с диагнозом Альцгеймера), при этом указания на производителя действия — патологоанатомов/исследователей — в этой структуре нет: *болезнь Альцгеймера, подтвержденная в результате вскрытия*. Или: *probability-ranked list of conditions* — в композите присутствуют два объекта и указание на действие, выполненное скрытым субъектом: *список заболеваний (составленный) в порядке убывания вероятности их возникновения*. В таком случае вместо указания на действие (*rank* — *оценивать*) в русском языке можно использовать метонимическую замену: *оценивать вероятность => составить список и расположить компоненты в зависимости от уменьшения/увеличения вероятности => в порядке уменьшения вероятности*. Ср. также: *dyslipidemia-associated autism* — аутизм, связанный с нарушениями липидного обмена: скрытым субъектом в таком случае выступают исследователи, предполагающие (*associate*) причину развития аутизма у детей.

Количественные подсчеты показали, что в корпусе примеров число сложных определений, в которых активный субъект задан имплицитно, практически равен числу моделей, в которых роль субъекта выполняет первый компонент (N1) — 150 примеров (из 258 = 58%). Причастия II в таких моделях, как правило, однотипны: *related/oriented/focused/based/associated* (число композитов с такими причастиями составило 137 единиц (из 258 = 53%), т.е. модель описывает ситуацию, когда некто *оценивает, соотносит, основывает, связывает* объект (N2) с объектом (N1), ср.: *sleep-related breathing disorders*; *patient-centered care*; *lifestyle-related chronic diseases*; *obesity-related hypertension*; *questionnaire-based studies*; *ventilator-associated pneumonia* и пр. Широкое распространение данной модели в научном дискурсе можно объяснить тем, что в процессе приписывания объекту определенного признака причастие II указывает на действие, предпринятое в ходе коллективного исследования/организации/осмысления некоего процесса, при этом анонимность деятелей позволяет сделать акцент на результате: *нарушения дыхания, связываемые со сном*. В РЯ имплицитное указание на производителя действия не всегда представляется столь релевантным, поэтому структура — носитель предикативности при переводе чаще всего опускается, ср.: *нарушения дыхания во время сна*; *уход за пациентом*; *гипертензия при ожирении*; *анкетный опрос/исследование*. Тем не менее иногда этот «ментальный шаг» при описании ситуации на РЯ важно восстановить, ср. следующий пример: *lifestyle-related chronic diseases*. Однако восстановление при переводе не всегда предполагает указание на анонимного деятеля, приписывающего болезнь влиянию сидячего образа жизни (*заболевания, относимые за счет / связываемые с образом жизни*); в РЯ восстановленный компонент может быть передан метонимически: *врачи связывают болезнь с образом жизни пациента, следовательно, образ жизни обуславливает болезнь => хронические заболевания, обусловленные образом жизни*. В специальных текстах данные структуры, являющиеся терминами, могут также калькироваться при переводе, ср.: *ventilator-associated pneumonia* — *вентиляторно-ассоциированная пневмония*, а также: *пневмония, ассоциированная с ИВЛ*; *вентиляторная пневмония*.

Анализ параллельных контекстов (157) на платформах *Linguee.ru* и *Reverso.net* показал частотность способов перевода сложного определения, построенного по модели (1) (табл. 3).

Полученные результаты не противоречат ранее сделанным выводам: самым частотным способом перевода на РЯ данной модели композита является его разворачивание в причастный оборот. Существенный процент (треть всех исследуемых единиц) составляет перевод с опущением предикативного компонента — причастия, образованного от глаголов с широкой семантикой (*age-related features* — *возрастные особенности*; *animal-derived product* — *животноводческая продукция / продукция животноводства*; *immune-based agents* — *имунные препараты*). Частотность стратегии сворачивания причастия II в русское отглагольное существительное при переводе (около 20%) (*growth-restricted fetuses* — *задержка развития плода*; *resource-constrained settings* — *в условиях нехватки ресурсов*; *evidence-based policy* — *политика на основе*

фактологической информации) можно объяснить конвенциями официального стилевого регистра в РЯ, маркером которого являются отглагольные существительные.

В модели (2) (N1 + V-ing + N2) семантические роли компонентов распределены следующим образом: в словосочетании а *coal-mining facility* главное слово *facility* выполняет роль активного субъекта, производящего действие (*to mine*). Существительное (N1) *coal* является объектом, на которое направлено действие главного субъекта (N2): *предприятие, производящее уголь*. Ср. также: *plant-extract-using herbalists* – *фитотерапевты, использующие экстракты растений*, или: *disease-modifying therapies* – *виды лечения, изменяющие течение заболевания*. В некоторых случаях существительное в начальной позиции (N1) указывает на характеристику действия: *early-warning systems* – *системы, оповещающие (как?) рано => системы раннего оповещения*; *top-performing plants* – *растения, которые растут (как?) лучшие всего*; *broad-ranging uses* – *использование широкого спектра => широкомасштабное использование*; *internal-warming medicines* – *букв. препараты, создающие тепло (какое?) внутреннее => сосудорасширяющие => препараты вазодилатации*.

Таблица 3. Способы перевода сложного определения (модель (1)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)
Table 3. Methods of translating a complex definition (model (1)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)

Способы перевода	Медицина	Инженерные технологии	Социология/образование
Причастный оборот	36%	30%	44%
Опущение предикативности	29%	28%	42%
Калькирование	16%	28%	
Отглагольное существительное	23%	14%	20%

Отношения между компонентами в модели (2) могут также выходить за пределы описанной схемы, ср. композиты *child-rearing responsibilities*, *decision-making processes*. Главное существительное (N2), носитель предикативного признака, – *responsibilities*, *processes* – трудно назвать субъектом следующих действий: *to rear*, *to make*, ср.: *ответственность за воспитание ребенка; процесс, во время которого кто-то принимает решение*. Субъект в данной модели имплицуруется, он представляет анонимного деятеля, который воспитывает (детей) и принимает решения, причем связанного с N2 (носителем предикативного признака) метонимическими отношениями: деятель => набор действий, им производимый; деятель => период времени, когда это действие осуществляется.

Метонимическому переосмыслению в данной модели может подвергаться также и компонент N1, ср.: *university-teaching hospitals*, букв. *больницы, обучающие университеты*. В данном случае метонимический перенос осуществляется по модели *место/организация => группа людей*, ср.: *больница => медперсонал; университет => студенты*, т.е. речь идет о больницах, в которых проходят практику/стажировку студенты-медики => университетские больницы.

Анализ параллельных контекстов (32) на платформах *Linguee.ru* и *Reverso.net* показал частотность способов перевода сложного определения, построенного по модели (2) (табл. 4).

Атрибутивные композиты, построенные по модели (2), представлены в параллельных корпусах достаточно ограничено: их количество в целом составило 32 контекста, причем по теме инженерные технологии не было обнаружено ни одного композита. Выявить самые частотные способы перевода композитов на основании полученной небольшой выборки довольно трудно, но, согласно результатам, это трансформация английской препозитивной структуры в постпозитивную – русскую именную группу с отглагольным существительным (*problem-*

solving abilities — потенциал в плане **решения** проблем / навыки **решения**) и опущение предикативного элемента в пользу прилагательного (*long-standing problem* — давняя проблема; *home-visiting nurses* — патронажные медсестры).

Модель (3) — N1 + Adj + N2 (*climate-sensitive sector*) характеризует носителя предикативного признака (N2) *sector* не через действие, им производимое, а с помощью прямого указания на признак — (*is*) *sensitive*, при этом существительное в начальной позиции (N1) выполняет функцию объекта-уточнения: (*sensitive to*) *climate change*. Иными словами, в полном виде данная ситуация описывается с помощью предиката состояния, а не действия: *an economic sector which is sensitive to climate (change)*; ср. также: *site-specific results* — *results which are specific to a site*; *carbon-free nuclear power plants* — *nuclear power plants which are free of carbon (emissions)*. Примечательно, что самым частотным носителем предикативности в данной модели в эмпирическом корпусе исследования стало прилагательное *specific* (25 случаев употребления из 64 фрагментов = 39%), семантика которого соотносится с уточняющей функцией существительного. В остальных случаях можно отметить высокую частотность прилагательных *free*, *neutral*, *rich*, *intensive*, *negative*, *positive*, *resistant*, которые указывают на наличие (*positive*) / отсутствие (*free*, *neutral*, *negative*) признака или его интенсивность (*rich*, *intensive*). В русском языке эти значения часто передаются с помощью метонимического переноса, ср.: *value-free facts* — факты, представленные без влияния оценочных суждений => объективные факты; *smoke-free legislation* — постановление о **запрете** курения.

Таблица 4. Способы перевода сложного определения (модель (2)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)

Table 4. Methods of translating a complex definition (model (2)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)

Способы перевода	Медицина	Инженерные технологии	Социология/ образование
Причастный оборот	55%	—	—
Опущение предикативности: использование прилагательного	20%	—	30%
Калькирование	15%	—	20%
Отглагольное существительное	10%	—	50%

Значение прилагательного-носителя предикативности в РЯ может быть нерелевантным, ср.: *nutrient-rich millet cereals* — богатая питательными веществами просяная крупа vs питательная просяная крупа; *tonsillitis-specific symptoms* — симптомы, специфичные для тонзилита vs симптомы тонзилита; *gender-specific sub-samples* — выборка по гендерному признаку.

Анализ параллельных контекстов (47) на платформах *Linguee.ru* и *Reverso.net* показал частотность способов перевода сложного определения, построенного по модели (3) (табл. 5).

Результаты анализа переводов, представленных в параллельных корпусах, показали сравнительно низкую частотность развертывания сложного определения в причастный оборот по сравнению со стратегией использования русской именной группы. Обе стратегии предполагают изменение типа словосочетания с препозитивного на постпозитивный и часто сопровождаются введением дополнительных лексических единиц (25,5% случаев), ср.: *study-specific survey* — опрос, **выполненный** для конкретного исследования; *climate-resilient crops* — с/х культуры, устойчивые к **изменениям** климата; *resource-poor settings* — в местах с ограниченным **объемом** ресурсов. Калькирование композита при переводе наблюдается в основном в текстах, посвященных вопросам медицины и технологий, ср.: *medico-legal autopsies* — судебно-медицинские вскрытия; *micro-mechanical parameters* — микромеханические параметры. При переводе композитов с прилагательным *specific* (и некоторых других) оно часто опускается, ср.: *user-*

specific profiles — пользовательские профили; *cross-sectional study* — перекрестное исследование. Метонимические переносы при переводе использовались в 10 % случаев, ср: *age-specific response rate* — частота отклика, обусловленная возрастом; *context-specific evidence* — факты, предоставленные с учетом контекста.

Таким образом, несмотря на сравнительно небольшой объем анализируемого материала, выводы авторов о стратегиях перевода сложных определений, построенных по модели (3), нашли свое подтверждение.

Таблица 5. Способы перевода сложного определения (модель (3)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)
Table 5. Methods of translating a complex definition (model (3)) (*Linguee.ru/Reverso.net*)

Способы перевода	Медицина	Инженерные технологии	Социология/ образование
Причастный оборот	43%	7%	8%
Опускание предикативности (прилагательное)	5%	14%	25%
Калькирование	25%	57%	8%
Предложно-падежные именные группы (изменение порядка следования компонентов)	57%	21%	66%

Способы перевода английских сложных определений на русский язык

В целом, при переводе сложных определений на РЯ в некоторых случаях используются русские аналоги — сложные определения, образованные с помощью соединительных гласных: *water-resistant* — водонепроницаемый, *energy-efficient* — энергосберегающий, *heat-resistant* — огнеупорный, *law-abiding* — законопослушный, *fish-breeding* — рыбоводческий, *coal-mining* — угледобывающий, *labour-intensive* — трудоемкий. Однако частотность сложных определений в РЯ гораздо ниже, чем в АЯ, поэтому при переводе сложных определений чаще всего требуются структурные преобразования.

Наиболее частотная трансформация при переводе — изменение порядка слов внутри словосочетания-композиата объясняется тем, что в РЯ определение чаще всего находится в постпозиции к определяемому слову. С точки зрения передачи предикативности часто осуществляется развертывание английской свернутой предикативности в полупредикативную структуру — причастный оборот, главное/определяемое слово которого находится в начале русской конструкции: *dampness-eliminating medicines* — лекарства, выводящие лишнюю воду из организма; *drug-resistant pathogen* — патогены, устойчивые к воздействию лекарственных препаратов; *human- and computer-rated music excerpts* — отрывки из музыкальных произведений, оцениваемые человеком и компьютерной программой.

Прием развертывания причастия/прилагательного английского композиата в полную предикативную структуру — придаточное предложение — при переводе научных текстов используется достаточно редко: *decisionally-impaired subjects* — субъекты клинического исследования, которые не способны самостоятельно принимать решения. Низкая частотность данного способа перевода в научном дискурсе, по всей видимости, связана со стилистическими характеристиками научного текста (см. выше: полные предикативные структуры больше характерны для неофициального регистра). Высокий уровень официальности письменной научной коммуникации предполагает активное использование отглагольных существительных, поэтому адекватность перевода английских сложных определений часто достигается с помощью сохранения «объема» предикативности: английское причастие => русское отглагольное существительное в функции определения (обе единицы являются носителями свернутой предикативности), ср.:

priority-setting method – метод **расстановки** приоритетов; *problem-solving abilities* – способности к **решению** проблем; *post-fracking permeability* – проницаемость породы после гидравлического **разрыва** пласта; *sugar-sweetened beverages* – напитки с **добавлением** сахара.

В ряде случаев предикативность при переводе не эксплицируется. Чаще всего опускаются причастия, образованные от глаголов широкой семантики: *relate, associate, orient, focused, link, base, support, derive*, в том числе тех, субъект которых задан имплицитно, ср.: *charity-based approach* – **благотворительный** подход; *project-based learning* – **проектное** обучение, *market-centered economy* – **рыночная** экономика; *polymer-based industry* – **производство** полимерных материалов/полимерная промышленность; *age-related features* – **возрастные** особенности; *computer-generated images* – **компьютерные** изображения; *computer-supported peer feedback* – обратная связь с коллегами онлайн; *donor-derived products* – **донорские** продукты.

В некоторых случаях избыточным с точки зрения семантики при переводе на РЯ может оказаться первый компонент в составе сложного определения, ср.: *sugar-sweetened beverages*, например, можно перевести как подслащенные напитки; *peer-reviewed literature* – как рецензируемая литература, но такие случаи довольно редки.

Опущение предикативности может также объясняться метонимическими переносами: *far-reaching consequences* – далеко идущие => **серьезные** последствия; *long-standing issue* – давняя проблема; *kick-off meeting* – **стартовое** совещание.

Наконец, композиты могут заимствоваться, проникая в русский язык в виде малоизмененных композитных структур с калькированными компонентами, соединенными гласными o/e: *ventilator-associated pneumonia* – **вентиляторно-ассоциированная** пневмония; *placebo-controlled study* – **плацебо-контролируемое** исследование; *plane-polarized light* – **плоскостно-поляризованный** свет; *tissue-engineering product* – **тканеинженерный** продукт; *membrane-bound organelles of eukaryotic cells* – **мембраносвязанные** органеллы эукариотических клеток. Примечательно, что эти термины могут также переводиться в соответствии с описанными выше стратегиями с изменением порядка слов, в соответствии с узусом РЯ. Как представляется, выбор «калька vs перевод по правилам» зависит от жанровой принадлежности текста, ср., например, страницу онлайн-словаря Multitran, где калькированный перевод английских композитов предлагается для специализированного дискурса (медицинского):

cross-sectional analysis

мед. **кросс-секционный анализ**

обр. дан. **поперечный анализ**

эк. **статический анализ**

общ. **перекрёстный анализ**

Или:

drug-resistant

общ. **резистентность к воздействию лекарств; стойкость к воздействию лекарств; лекарственно-устойчивый**

мед. **лекарственно-устойчивый; фармакорезистентный**

Еще одним аргументом в пользу данного вывода может послужить пример использования медицинской терминологии (*hormone-positive HER2-negative metastatic breast cancer*) в онлайн-

изданиях на русском языке, предназначенных для разной аудитории, ср.: *Гормоноположительный HER2-негативный метастатический рак молочной железы* (Южно-Российский онкологический журнал)⁶ vs *Опухоль, чувствительная к гормонам и не имеющая избытка белка HER* (Комплексная информационная поддержка в вопросах онкологии от фонда «Не напрасно», раздел Медиа⁷).

Иными словами, кальки при переводе сложных определений на РЯ предпочтительны в научном дискурсе (специальных текстах) и в нашем эмпирическом корпусе чаще всего встречаются в медицинских текстах. По всей видимости, для специалистов в этих областях знания предпочтение отдается краткости изложения, нежели соблюдению норм русского языка, особенно когда речь идет о терминологии.

Способы перевода английских атрибутивных цепочек на русский язык

Перевод дефисных атрибутивных групп (цепочек) в текстах научного дискурса с трудом поддается систематизации. Единственная работающая рекомендация при переводе на РЯ заключается в изменении порядка слов и изменении словосочетания с препозитивного на постпозитивный тип. В остальном анализ эмпирического корпуса не дает оснований считать, что распределение атрибутивных цепочек по группам в зависимости от частеречного состава модифицирующей группы (N + N; Adj + N; Prep + N) может облегчить процесс перевода, выявляя определенную взаимосвязь между внешней формой композита и его семантикой. Такой взаимосвязи нет, что делает перевод атрибутивных цепочек в научных текстах сложной задачей, причем главная проблема заключается в декодировании смысла исходной структуры.

Может сложиться впечатление, что анализ связей между компонентами и понимание этих словосочетаний в научных текстах в некоторой степени зависит от направления исследования: значение композитов в текстах гуманитарного цикла (социология, образование) иногда складывается из суммы значений компонентов, связь между которыми достаточно прозрачна, ср. примеры из статьи издания *China Economic Review*⁸: *dual-earner families* – *семьи, в которых работают оба родителя/супруга*; *per-capita-based estimates* – *расчеты на одного человека*; *intra-household inequality* – *неравное распределение ресурсов между членами семьи*. Тем не менее интерпретация большинства композитов зависит от контекста, ср.: *left-behind children* – *дети, которых ровесники превосходят в академических успехах / которых обогнали другие в соревнованиях на скорость или те, которых бросили?* Поскольку статья посвящена экономическим проблемам, становится понятно, что речь идет о детях, оставленных в деревне после того, как отец/мать уезжает в город на заработки (*father/mother migration families*).

Декодирование атрибутивных цепочек в медицинских и научно-технических текстах также требует анализа контекста и специальных знаний, ср.: *human tissue cross-reactivity test* – *исследование перекрестной реактивности тканей / тканевой кросс-реактивности*; *low-carbon gas-fired TPP* – *ТЭЦ с низкими углеродными выбросами, работающая на газе => ТЭЦ, работающая на низкокалорийном (низкоуглеродном) газе*; *pore-network-DEM* – *цифровое моделирование потока пласта*; *grain-boundary shear crack* – *появление трещин на границах зерен (породы)*.

При отсутствии каких-либо устойчивых моделей в процессе нанизывания компонентов в цепочке определений использование соединительных дефисов в английских трех- и более компонентных композитах выполняет определенную роль, которую можно описать как структурирующую, облегчающую понимание, поскольку дефис объединяет компоненты в

⁶ Владимирова Л.Ю., Сторожакова А.Э., Снежко Т.А., Страхова Л.К., Абрамова Н.А., Кабанов С.Н., Калабанова Е.А., Саманева Н.Ю., Светицкая Я.В., Тишина А.В. Гормоноположительный HER2-негативный метастатический рак молочной железы: принятие решений в реальной клинической практике // Южно-Российский онкологический журнал. 2020. Т. 1, № 2. С. 46–51. DOI: 10.37748/2687-0533-2020-1-2-6

⁷ <https://media.nenaprasto.ru/>.

⁸ Yu Y., Li, Sh., Chen Y. Measuring child poverty in rural China: Evidence from households with left-behind and non-left-behind children // China Economic Review. 2025. Vol. 90. Art. no. 102354. DOI: 10.1016/j.chieco.2025.102354

смысловое единство, ср.: в словосочетании *below-median confidence score* — соединенные дефисом компоненты *below-median* следует рассматривать как одно значение: *ниже среднего показателя*; *confidence score* — второй смысловой компонент: *оценка вероятности/достоверности в процентном соотношении*, в итоге получаем следующее значение: *степень/показатель достоверности ниже среднего*. Или: *grain-scale homogeneous materials* — *размер зерна + однородные материалы* = *равномернозернистые породы*.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что высокая частотность атрибутивных композитов в англоязычном научном дискурсе объясняется высокой продуктивностью композитной модели в АЯ в целом и большим разнообразием данных структур. Отметим, что небольшая доля такого рода структур зафиксирована в словарях, однако при этом большинство атрибутивных композитов не представляет проблемы с точки зрения декодирования смысла благодаря устойчивым моделям образования.

Тем не менее атрибутивные композиты в АЯ создаются по разным принципам, на основании которых в работе выделены две основные группы: сложные определения и атрибутивные цепочки. Если в первой группе прослеживается структурная стабильность и выделяются устойчивые модели, то атрибутивные цепочки второй группы с трудом поддаются систематизации. Кроме того, научный дискурс накладывает на атрибутивные модели свою специфику — в научных текстах, в отличие от художественной литературы и публицистики, важное значение имеет возможность «упаковать» информацию в предельно лаконичной форме, и задача экономии языковых средств успешно решается с помощью атрибутивных композитов разных типов. Помимо структурной специфики английских атрибутивных композитов, в целом не характерных для РЯ, потребность в лаконичности описания, именно в научном дискурсе, также создает переводческую проблему.

Одной из основных стратегий передачи английских сложных определений первой группы на РЯ является развертывание свернутой предикативности в причастный оборот.

Особое распространение среди сложных определений первой группы в научном дискурсе имеет модель N1 + Part II + N2, в которой компонент N1, в отличие от других жанров, выполняет функцию второго объекта, субъект действия в таких моделях задан имплицитно (60% случаев), а акцент делается на результате неких коллективных усилий. В 50% случаев причастие в данной модели композита образовано от глаголов широкой семантики типа *relate*. При переводе на РЯ эти компоненты в большинстве случаев имеют невысокую релевантность и часто опускаются (около 30%).

Частотность сложных определений, построенных по моделям (2) и (3), в эмпирическом корпусе исследования ниже в пять и четыре раза соответственно. Переводческое решение также в значительной степени определяется требованиями стилового регистра: в РЯ в текстах официального стилового регистра, как правило, используются структуры-носители вторичной предикативности: причастные обороты и отглагольные существительные. При переводе сложных определений в научно-технических и медицинских текстах, в отличие от гуманитарных областей научного знания, чаще применяется калькирование с сохранением исходной структуры композита.

Передача на русский язык атрибутивных композитов второй группы — атрибутивных цепочек — представляется гораздо более сложной задачей. Данный вид композитов не строится по узальному образцу, а представляет собой характеристику, оформленную как фрагмент текста, когда роль атрибута выполняют соединения слов, семантические связи между которыми довольно многообразны. В научных текстах, особенно текстах медицинской тематики и текстах, посвященных инженерным технологиям, атрибутивные цепочки приобретают

терминологический статус. Особую сложность в процессе предпереводческого анализа представляет декодирование смысла модифицирующих компонентов. Анализ авторского корпуса показал, что приблизительно в 20% случаях при переводе на РЯ необходимо восстановление пропущенных звеньев в цепи определений и использование дополнительных лексем. Самый распространенный способ их передачи на РЯ представляет собой сохранение семантики каждого компонента путем калькирования или трансформации в русскую именную группу. Иными словами, передача данного вида атрибутивных композитов требует специальных знаний (консультации специалиста).

Таким образом, в работе предложен новый взгляд на интерпретацию структурно и переводчески релевантных особенностей атрибутивных композитов, что уточняет представления о механизме синтаксической компрессии и ее «трансляции» на стратегии перевода научных текстов.

Работу можно продолжить и в качестве перспективы исследования сопоставить характеристики компрессии в разных подкорпусах научных текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Хутиз И.П.** Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: Особенности конструирования // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 86–93.
2. **Чернявская В.Е.** Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Либроком, 2011. 240 с.
3. **Богданова Л.И.** Академический дискурс: проблемы теории и практики // Cuadernos de Rusística Española. 2018. Vol. 14. P. 81–92. DOI: 10.30827/cre.v14i0.7204
4. **Трошина Н.Н.** Человек адаптирующийся и современный научный дискурс // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 2 (50). С. 72–85. DOI: 10.31249/chel/2022.02.04
5. **Biber D., Gray B.** Grammatical Change in the Noun Phrase: The Influence of Written Language Use // English Language & Linguistics. 2011. Vol. 15. P. 223–250. DOI: 10.1017/S1360674311000025
6. **Biber D., Gray B.** Grammatical Complexity in Academic English: Linguistic Change in Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 292p. DOI: 10.1017/CBO9780511920776
7. **Сулейманова О.А.** К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52–61.
8. **Арутюнова Н.Д.** Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
9. **Беклемешева Н.Н.** Английские структуры-носители вторичной предикативности с точки зрения перевода // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4, № 2. С. 91–100. DOI: 10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100
10. **Исаева А.А.** Маркеры дифференциации спонтанной и подготовленной звучащей речи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 37–48. DOI: 10.17308/lic.2020.4/3078
11. **Трегубова Ю.А.** Атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе: особенности и способы перевода на русский язык // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 3 (50). С. 96–102. DOI: 10.36 622/AQMPJ.2023.28.26.015
12. **Ищенко И.Г.** Окказиональные многокомпонентные композиты в английском языке: структурный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–3 (58). С. 91–94.
13. **Ефремова Е.М.** Новые многокомпонентные композиты в английском языке // Преподаватель. XXI век. 2016. №1, Ч. 1. С. 321–326.

14. **Джиоева А.А.** Английская номинативность и картина мира: монография. М.: ИН-ФРА-М, 2017. 176 с.
15. **Николаева О.В.** Атрибутивные дефисные композиты в электоральном речетворчестве американских СМИ: соотношение объективной и прагматической причинности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 88–96. DOI: 10.17223/15617793/474/10
16. **Каганцева О.С.** Оценочный потенциал атрибутивных дефисных композитов в дискурсе предвыборной тематики печатных СМИ США и Великобритании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4 (78). С. 91–96.
17. **Pafel J.** Phrasal compounds and the morphology-syntax relation // Further Investigations into the Nature of Phrasal Compounding / ed. by C. Trips, J. Kornfilt. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 233–259. DOI: 10.5281/zenodo.896369
18. **Лобановская Е.В.** «Вплетённые» предикативные структуры // Концепт. 2015. Т. 13. С. 821–825.
19. **Сулейманова О.А., Чернышова А.И.** Перевод синтаксических композитов при помощи программ машинного перевода и переводчика. Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 1 (53). С. 91–104. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.07
20. **Никуличев М.Ю.** Принципы анализа девербативных композитов // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 2. С. 43–48.
21. **Сулейманова О.А., Петрова И.М.** Использование больших данных в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях английского и русского языков // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 385–393. DOI: 10.17516/1997-1370-0561

REFERENCES

- [1] **Khoutyz I.P.**, *Linguo-cultural Traditions in Academic Discourse: Construction Specifics*, MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 3 (23) (2016) 86–93.
- [2] **Chernyavskaya V.E.**, *Kommunikatsiya v nauke: normativnoye i deviantnoye. Lingvisticheskiy i sotsiokulturnyy analiz* [The Normative and the Deviate in Scientific Communication], Librokom, Moscow, 2011.
- [3] **Bogdanova L.I.**, *Academic Discourse: Theory and Practice*, Cuadernos de Rusística Española, 14 (2018) 81–92. DOI: 10.30827/cre.v14i0.7204
- [4] **Troshina N.N.**, *Adapting Person and the Modern Scientific Discourse, Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, 2 (50) (2022) 72–85. DOI: 10.31249/chel/2022.02.04
- [5] **Biber D., Gray B.**, *Grammatical Change in the Noun Phrase: The Influence of Written Language Use*, English Language & Linguistics, 15 (2011) 223–250. DOI: 10.1017/S1360674311000025
- [6] **Biber D., Gray B.**, *Grammatical Complexity in Academic English: Linguistic Change in Writing*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016. DOI: 10.1017/CBO9780511920776
- [7] **Suleimanova O.A.**, *Guidelines towards Academic Writing*, MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 2 (26) (2017) 52–61.
- [8] **Arutyunova N.D.**, *Predlozheniye i yego smysl. Logiko-semanticheskiye problem* [Sentence and its meaning. Logical and semantic problems], Nauka, Moscow, 1976.
- [9] **Beklemesheva N.N.**, *English secondary-predicative structures in terms of translation*, Language Studies and Modern Humanities, 4 (2) (2022) 91–100. DOI: 10.33910/2686-830X-2022-4-2-91-100
- [10] **Isaeva A.A.**, *Differentiation markers of spontaneous and prepared speech*, Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 4 (2020) 37–48. DOI: 10.17308/lic.2020.4/3078
- [11] **Tregubova Y.A.**, *Attributive phrases with inner predication in English-language fiction: features and translation into Russian*, Actual issues of modern philology and journalism, 3 (50) (2023) 96–102. DOI: 10.36 622/AQMPJ.2023.28.26.015
- [12] **Ishchenko I.G.**, *Multi-Component Compound Nonce-Words in the English Language: Structural Aspect*, Philology. Theory & Practice, 4–3 (58) (2016) 91–94.
- [13] **Efremova E.M.**, *New Multi-Word Compounds in the English Language*, Prepodavatel. XXI vek. Russian Journal of Education, 1 (1) (2016) 321–326.

- [14] **Dzhiyeva A.A.**, Angliyskaya nominativnost i kartina mira: monografiya [English nominalization and linguistic worldview: monography], INFRA-M, Moscow, 2017.
- [15] **Nikolaeva O.V.**, Attributive hyphenated composites in the electoral speech creativity of American media: Objective and pragmatic causality, Tomsk State University Journal, 474 (2022) 88–96. DOI: 10.17223/15617793/474/10
- [16] **Kagantseva O.S.**, Evaluative Potential of Attributive Hyphenated Composites in the Discourse of Pre-Election Themes of the Printed Media of the USA and Great Britain, Philology. Theory & Practice, 12–4 (78) (2017) 91–96.
- [17] **Pafel J.**, Phrasal compounds and the morphology-syntax relation, Further Investigations into the Nature of Phrasal Compounding, ed. by C. Trips, J. Kornfilt, Language Science Press, Berlin, 2017, pp. 233–259. DOI: 10.5281/zenodo.896369
- [18] **Lobanovskaya Ye.V.**, “Vpletennyye” predikativnyye struktury [Predicative Structures “Woven” in the Text], Koncept, 13 (2015) 821–825.
- [19] **Suleimanova O.A., Chernyshova A.I.**, Machine vs manual translation of syntactic compounds, MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 1 (53) (2024) 91–104. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.07
- [20] **Nikulichev M.Yu.**, Printsipy analiza deverbativnykh kompozitov [Deverbal compounds. Principles of analysis], MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education. 2009, №2, 43–48.
- [21] **Suleimanova O.A., Petrova I.M.**, Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian, Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 13 (3) (2020) 385–393. DOI: 10.17516/1997-1370-0561

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Беклемешева Наталья Николаевна

Natalia N. Beklemesheva

E-mail: beclemesheva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0906-1881>

Мальгина Елена Валерьевна

Elena V. Malygina

E-mail: maliginaev@mgpu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-027X>

Поступила: 03.04.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 27.10.2025.

Submitted: 03.04.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 27.10.2025.

Научная статья

УДК 81'373.43; 81'38

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16402>

EDN: <https://elibrary/TKKVBF>

КОМПОЗИТЫ-АЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

К.И. Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

✉ dekatovaki@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме образования и функционирования изобразительно-выразительных средств языка в произведениях художественной литературы. Целью исследования стал комплексный анализ композитов-алогизмов в поэтическом тексте. Материалом исследования послужили сложные слова, обладающие признаками фигур алогизма и выполняющие функции данных фигур в поэтическом тексте. Источниками материалов исследования стали литературные произведения поэтов Серебряного века. В процессе исследования применялись описательный метод, метод трансформационного анализа и метод контекстуального анализа языковых единиц. В результате исследования были описаны структурно-семантические особенности таких разновидностей композитов-алогизмов, как сложные слова с признаками оксюморона и катахрезы, проанализированы продуктивные и непродуктивные способы образования композитов-оксюморонов и композитов-катахрез в русской поэзии рубежа XIX–XX вв. Анализ функциональных возможностей композитов-алогизмов показал, что выполняемые ими экспрессивная, изобразительная и оценочная функции обладают спецификой: исследуемые сложные слова являются экспрессивным средством с высокой интенсивностью воздействия на читателя, участвуют в создании сложных, парадоксальных образов, выражают противоречивую оценку объекта номинации. Данная специфика реализации функций обусловлена структурно-семантическими особенностями композитов-алогизмов.

Ключевые слова: композиты, фигуры алогизма, оксюморон, катахреза, поэтический текст, Серебряный век русской поэзии.

Для цитирования: Декатова К.И. Композиты-алогизмы в русской поэзии Серебряного века: структурно-семантические и функциональные особенности // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 27–40. DOI: 10.18721/JHSS.16402

COMPOUND ALOGISMS IN RUSSIAN POETRY OF THE SILVER AGE: STRUCTURAL, SEMANTIC AND FUNCTIONAL FEATURES

K.I. Dekatova

Volgograd State Social-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation

✉ dekatovaki@mail.ru

Abstract. The article focuses on the issue of the formation and functioning of figurative and expressive language means in works of fiction. The aim of the research is a comprehensive analysis of compound alogisms in poetic texts. The research material comprises compound words that exhibit features of alogical figures and perform the functions of such figures in poetic texts. The sources of the practical research material are poetic texts of the Silver Age. The methods used in the study include the descriptive method, the method of contextual analysis and the method of transformational analysis. The study has resulted in the description of the structural and semantic features of compound words with signs of oxymoron and catachresis. The productive and non-productive methods of forming compound-oxymorons and compound-catachreses in Russian poetry at the turn of the 20th century were analyzed. The analysis of the functional capabilities of compound alogisms showed that the expressive, depictive and evaluative functions they perform have a specific character: the studied compound words are an expressive means with a high intensity of impact on the reader, they participate in creating complex, paradoxical images, and express a contradictory assessment of the object of nomination. This specific realization of functions is determined by the structural and semantic features of compound alogisms.

Keywords: compound words, alogisms, oxymoron, catachresis, poetic text, the Silver Age of Russian poetry.

Citation: Dekatova K.I., Compound Alogisms in Russian Poetry of the Silver Age: Structural, Semantic and Functional Features, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 27–40. DOI: 10.18721/JHSS.16402

Введение

Русская поэзия рубежа XIX–XX веков соткана из произведений, созданных по принципам различных литературных направлений. Несмотря на то, что поэтические тексты этого периода являются воплощением неоднородных идейно-эстетических взглядов представителей таких модернистских течений, как символизм, акмеизм, имажинизм, футуризм и др., они имеют общую отличительную черту: отражают новое видение мира человека, пережившего социально-политические, духовно-нравственные и культурные катаклизмы. Новое мировосприятие требовало собственных форм объективации, поэтому для творчества поэтов рубежа XIX–XX веков являются характерными «поиски новых форм, ярких образов, уникальных средств выражения, «погружение» в стихию слова и ритма» [1, с. 247]. Лингвистические эксперименты стали отличительным признаком поэтического языка модернистов, сделавших словотворчество инструментом создания нового языка, средством выражения современных идей. Языковые инновации в русских поэтических текстах конца XIX – начала XX века оказались в фокусе внимания как литературоведов, так и лингвистов (Г.О. Винокур, Т.А. Корнеева, А.А. Ванчурова, В.В. Никульцева и др.). В ходе исследования словотворчества поэтов Серебряного века были использованы разные подходы к описанию поэтического неологикона: рассматривалась эстетическая функция авторских новообразований [2], стилистическое своеобразие, структурно-семантические особенности окказионализмов [3], способы деривации, продуктивные и непродуктивные модели образования новых слов [4]. Исследователи поэтических инноваций подчеркивают, что

одним из продуктивных способов создания неологизмов в произведениях модернистов является образование композитов, поскольку именно такие языковые единицы позволяют «конденсировать поэтический смысл» [4, с. 145] и «превращаются в минимальный контекст, с помощью которого происходит образное конструирование мира», отражающего «призрачные отношения и закономерности», а также усиливается суггестивное воздействие на читателя [5, с. 58–59].

Несмотря на большой интерес и пристальное внимание к процессу формирования и функционирования композитов в речи, в отечественной теории словосложения до сих пор отсутствует единое понимание значения термина «композит», высказываются разные суждения о круге языковых единиц, которые могут быть названы данным термином. Ряд исследователей называют композитом «любые многокорневые сущности», включая в их состав сращения, аббревиатуры, осново- и словосложения, аффиксоидные образования, сложнопроизводные слова, то есть слова, образованные от сложных слов¹. Такое широкое понимание композита делает данный термин синонимичным наименованием сложного слова, с чем не согласны ученые, рассматривающие композиты как разновидность сложных слов, включающих в свой состав только языковые единицы со свободными корнями². Сложные слова со связанными корневыми морфемами, то есть не употребляющимися в свободном виде, вне сочетания с другими корнями, Е.В. Клобуков, С.В. Гудилова и их единомышленники относят к «квазикомпозитам» [6]. Во избежание терминологической неточности отметим, что в нашем исследовании термин «композит» используется в узком значении: композитом называется сложное слово, словообразовательная структура которого включает несколько свободных корней.

Роль композитов в поэзии Серебряного века рассматривалась в отечественной лингвистике в рамках исследований функционирования сложных слов в поэтическом тексте: описывались сложные по составу предикативы, сложные окказиональные прилагательные и существительные, анализировались композиты как характерный элемент идиостиля русских поэтов-модернистов [3; 4; 7 и др.]. В ходе исследования поэтики произведений Серебряного века уделялось особое внимание структурно-семантическому своеобразием таких стилистических приемов, как сложные эпитеты, метафоры, синестезия, оксюморонные композиты. Последний стилистический прием можно отнести к фигурам, построенным по принципу алогизма, которые широко представлены в творчестве поэтов рубежа XIX–XX веков. Несмотря на то, что данные фигуры, как отмечают исследователи поэтики произведений Серебряного века, были излюбленными выразительными средствами поэтов-модернистов и оказывались в фокусе внимания многих языковедов, следует сказать, что в отечественной лингвистике роли композитов с признаками фигур алогизма уделялось незаслуженно мало внимания. Необходимость в комплексном анализе таких языковых единиц в произведениях русских поэтов, творивших на рубеже XIX–XX веков, обуславливает актуальность исследования. Целью статьи стало описание структурно-семантических и функциональных особенностей композитов, обладающих признаками фигур алогизма, в русской поэзии Серебряного века.

Методология и методика исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных ученых, посвященные анализу формирования в русском языке сложных слов в целом и композитов в частности (А.Ш. Алтаева, Е.А. Василевской, Г.О. Винокур, Б.Ю. Городецкий, С.В. Гудилова, М.А. Дрога, Е.А. Земская, Е.В. Клобуков, Е.С. Кубрякова, А.Г. Лыков, В.Н. Немченко, В.И. Теркулов, Н.А. Чурилова, Н.А. Янко-Триницкая и др.), образования и функционирования сложных слов в художественном тексте (О.И. Александрова, Н.Г. Бабенко, В.Н. Виноградова,

¹ Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: специальность 10.02.01 «Русский язык»: дисс. ... д-ра филол. наук. Киев, 2008. 472 с.

² Гудилова С.В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 13.

Е.В. Киреева, Т.А. Корнеева, Г.Г. Курегян, Р.Ю. Намитокова, Н.А. Николина, В.В. Никульцева, М.Р. Напцок, М.С. Тарасова и др.), а также научно-исследовательские работы, в которых рассматриваются структурно-семантические особенности фигур, построенных по принципу алогизма, в текстах разных жанров (Л.А. Введенская, О.А. Вольф, Б.Т. Ганеев, С.Б. Козинец, В.П. Москвин, Н.В. Павлович, И.В. Пекарская, С.А. Садовников, Т.Б. Ратбиль и др.).

Анализ конкретного языкового материала проводился с применением следующих лингвистических методов: 1) описательного метода, использование приемов которого позволило выявить, классифицировать, интерпретировать результаты анализа структурных, семантических и функциональных особенностей композитов-алогизмов в художественном тексте; 2) метода трансформационного анализа, применявшегося в ходе преобразования композитов в однословные номинации для выявления семантики данных сложных слов и способа их образования; 3) метода контекстуального анализа, использованного для исследования функциональных возможностей композитов-алогизмов в произведениях поэтов Серебряного века.

Для анализа структурно-семантической и функциональной специфики композитов-алогизмов были избраны поэтические тексты Серебряного века, поскольку для поэтической речи этого периода характерно частое использование сложных слов, выполняющих различные стилистические функции и выступающих в качестве разнообразных изобразительно-выразительных средств. Источниками материалов исследования послужили произведения русских поэтов Серебряного века (А. Ахматовой, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева, С. Есенина, О. Мандельштама, И. Северянина, Ф. Сологуба, М. Цветаевой), в которых содержатся композиты-алогизмы разного типа. Предметом исследования стали композиты, имеющие признаки фигур алогизма и выполняющие функции данных фигур в поэтическом тексте.

Результаты исследования

Во многих современных лингвистических исследованиях к фигурам алогизма относят все стилистические приемы нарочитого абсурда [8–10]. Однако, как отмечает В.П. Москвин, «абсурд представляет собой гетерогенную по своему составу категорию, представленную двумя полюсами (способами своего существования в языке, „модусами“): 1) понятием неправдоподобия; 2) понятием алогизма» [11, с. 95]. В этой связи ученый предлагает различать фигуры неправдоподобия – стилистические приемы, основанные на доходящем до абсурда несоответствии содержания действительному или возможному положению дел, – и фигуры алогизма, построенные на основе «несовместимости смыслов и ложности выраженных или подразумеваемых в речи утверждений, возникающие в результате нарушения законов логики» [11, с. 105]. К первой группе фигур можно отнести гиперболу, литоту, аппликацию, вторую группу составляют многочисленные фигуры, построенные по принципу алогизма, а именно: оксюморон, катахреза, гистеропротерон, апофазия, квазиантитеза, каламбурная зевгма, паралепсис, симультив и др. Сложные слова, являющиеся в художественном тексте фигурами второй группы, в нашем исследовании рассматриваются как **композиты-алогизмы**, например: *изысканно-простой*, *блекло-шумный* (И. Северянин), *безгрешно-страстные* (Ф. Сологуб), *мрачно-веселые* (О. Мандельштам), *зеленоладкие*, *дымно-синие* (А. Белый). Уточним, что термин «фигуры алогизма» мы используем вслед за такими отечественными учеными-лингвистами, как И.В. Пекарская [8], О.А. Вольф [9], В.П. Москвин [11], которые фигурами алогизма называют стилистические приемы, основанные на нарочитом отступлении от законов логики. Предлагаемый нами термин «композиты-алогизмы» является наименованием разновидности фигур алогизма.

Композиты-алогизмы важно отличать от композитов, выступающих лишь элементом фигур алогизма. Так, в произведении И. Северянина «Нерон» противоречивость натуры жестокого властителя и поэта вскрывается с помощью сложного слова, являющегося оксюморонам:

*Он — мучитель-мученик! Он — поэт-убийца!
Он жесток неслыханно, нежен и тосклив...
Как ему, мечтателю, в свой Эдем пробиться,
Где так упоителен солнечный прилив?*

Композит *мучитель-мученик* состоит из компонентов, номинирующих человека с взаимоисключающими признаками: *мучитель* — ‘тот, кто мучает кого-л.’³; *мученик* — ‘тот, кто подвергается мучениям, страданиям’. Данный композит обладает всеми структурно-семантическими характеристиками оксюморона, поэтому его можно рассматривать как структурную разновидность фигур алогизма — композит-оксюморон. Такого рода сложные слова являются самодостаточными для выражения противоречивого смысла фигур алогизма. Это отличает их от сложных слов, которые не относятся к композитам-алогизмам, а являются составным элементом фигур, построенных по принципу алогизма, поскольку их компоненты вербализируют только часть взаимоисключающих смыслов стилистического приема. Например, в нижеследующем фрагменте произведения М. Цветаевой «Деревья» содержится сложное слово, которое является не оксюморонами, а одним из его элементов:

*Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.*

Композит *вереск-сухие* не состоит из компонентов с взаимоисключающими смыслами, однако одно из слов-компонентов — *сухие* — содержит корень, который выражает смысловые элементы — ‘не содержащий влаги’, ‘не являющийся сырым’, вступающие в отношения противоречия со смысловыми элементами слова *моря* — ‘водное пространство’. Такого рода композиты являются элементом оксюморона *вереск-сухие моря*, а не самостоятельной фигурой алогизма.

Композиты-алогизмы могут состоять из компонентов, которые номинируют объект, явление, состояние с противоположными, взаимоисключающими признаками, или называть только несовместимые, противоречивые признаки данных объектов, явлений и состояний. Примером первого типа композитов-алогизмов может послужить сложное слово *старушка-девушка*, использованное для наименования героини с контрастными возрастными признаками в произведении И. Северянина «Один бы лепесток» (1), второго — композит *скучные-нескучные*, с помощью которого в произведении «Там, где купальни, бумагопрядильни...» О. Мандельштам характеризует противоречивые признаки природного объекта (2):

- 1. Мне тайно верится, что ты ко мне придешь,
Старушка-девушка, согбенная в позоре...*
- 2. Эта слабогрудая речная волокита,
Скучные-нескучные, как халва, холмы...*

Как показал анализ поэтических произведений Серебряного века, поэты-модернисты использовали композиты-алогизмы, относящиеся к разным построенным по принципу алогизма стилистическим приемам. Так, в поэтических текстах выразителями авторских мыслей и чувств могут выступать композиты-оксюмороны — сложные слова, которые образуются в результате сочетания корней противоположных по смыслу слов, одновременно приписывающих

³ Здесь и далее дефиниции лексем приводятся по: Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. М.: Русский язык, 1985–1988.

взаимоисключающие признаки одному предмету или явлению. Например, в произведении М. Цветаевой «Бессонница! Друг мой!» с помощью композита-оксюморона парадоксально описывается время встречи со ставшей для лирической героини другом бессонницей:

*Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно-
Звонящей ночи.*

Композит *беззвучно-звонящей* является оксюморонами, поскольку состоит из компонентов, в значении которых содержатся взаимоисключающие смысловые элементы ‘не издающий звуков’ (*беззвучно*) ‘издающий высокие звуки’ (*звонящей*). Следует отметить, что такого рода «свернутые в одно слово оксюмороны» оказывались в фокусе внимания В.П. Москвина⁴, В.И. Карасика, которые называли подобные случаи оксюморонного словообразования редким явлением в разговорной речи [12]. Однако в поэтической речи сложные слова с семантикой оксюморона – одно из часто используемых средств выразительности.

Композиты-оксюмороны в произведениях поэтов Серебряного века имеют структурные и семантические различия. По структуре данные сложные слова можно разделить на композиты с однокорневыми и разнокорневыми компонентами. Иллюстрацией первого типа композитов является сложное слово в новелле И. Северянина «Отравленные уста»:

*В купэ, где напоенный лунными грезами воздух
Мечтал с нею вместе, с ней, ясно-неясной, как грез дух,
Вошел он, преследуем прошлым, преследуем вечно.*

Такого типа композиты-оксюмороны вплетаются в ткань поэтических произведений крайне редко. Гораздо чаще поэты-модернисты используют композиты с разнокорневыми компонентами, которые могут состоять из атонимичных компонентов и компонентов, не являющихся узואльными антонимами. Например, в нижеследующих отрывках произведений К. Бальмонта «Гимн Солнцу» (1) и «Голос Заката» (2) сложное и противоречивое чувство лирического героя описывается с помощью композитов-оксюморонов разного типа:

*1. Ты теплое в радостно-грустном Апреле,
Когда на заре
Играют свирели,
Горячее в летней поре...*
*2. Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозя,
Что быть прекрасней – невозможно,
И быть блаженнее – нельзя.*

В первом отрывке композит *радостно-грустный* состоит из компонентов с корнями узואльных антонимов: *радостный* – ‘исполненный радостью, то есть чувством, доставляющим удовольствие, удовлетворение, дающее счастье’, *грустный* – ‘исполненный грустью, то есть чувством печали, уныния’. Во втором отрывке композит *радостно-тревожно* образуется из компонентов, не являющихся языковыми антонимами: *радостно* – ‘состояние радости, то есть

⁴ Москвин В.П. Язык поэзии: Приёмы и стили: терминологический словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 242.

чувство, доставляющее удовольствие, удовлетворение, дающее счастье', тревожно — 'состояние тревоги, опасности, вызываемое чем-л. (обычно опасениями, страхом)'. И только в контексте поэтического произведения компоненты композита *радостно-тревожно* оказываются противопоставленным по смыслу, так как становятся речевыми единицами, с помощью которых лирическому герою приписываются взаимоисключающие состояния — *приятное* состояние счастья, удовлетворения и *неприятное* состояние опасения, страха. Обостряющееся в семантике сложного слова противоречие дает основание рассматривать данный композит как оксюморон.

Анализируя разновидности оксюморонных сочетаний, С.Б. Козинец относит стилистические приемы с антонимичными лексемами к явным оксюморонам и противопоставляет их неявным (косвенным, размытым) оксюморонам⁵. Разделение оксюморонов на явные и неявные основывается на семантических особенностях данных стилистических приемов, а точнее говоря, на своеобразии противопоставления семантических элементов, входящих в состав значений слов-компонентов фигуры алогизма. Явные оксюмороны обладают семантикой, характеризующейся противопоставлением ядерных сем значений антонимов, участвующих в образовании стилистических приемов. Неявные оксюмороны, отличающиеся тем, что «контраст в них опирается не на значения, а на пресуппозиции»⁶, характеризуются противопоставлением периферийных или скрытых сем одного или нескольких компонентов стилистической фигуры. В произведениях поэтов Серебряного века нестандартное поэтическое восприятие действительности находит вербальное воплощение как в явных, так и в неявных композитах-оксюморонах. Например, в произведении «У Сологуба» И. Северянин создает неоднозначный, парадоксальный образ коллеги по цеху с помощью явного оксюморона:

*Жил Сологуб на даче Мэгар,
Любимый, старый Сологуб,
В ком скрыта магия и нега,
Кто ядовит и нежно-груб.*

Сложное слово *нежно-груб* состоит из антонимичных компонентов, в ядре семемы которых содержатся взаимоисключающие семы 'деликатный', 'ласковый' (*нежно*) и 'неделикатный', 'нечуткий' (*груб*). Такое объединение сем в семантической структуре композита делает его стилистическим приемом с легко распознаваемым семантическим противоречием. Несколько иное противоречие смысловых элементов формируется в процессе образования неявного композита-оксюморона в произведении И. Северянина «Сонет»:

*Я говорю мгновению: «Постой!» —
И, приказав ясней светить планетам,
Дружу с убого-милым кабинетом:
Я упоен страданья красотой...*

Компоненты композита *убого-милый* не являются антонимами, не содержат в ядерной части семем несовместимые, взаимоисключающие семы: *убогий* — 'чересчур простой и скромный на вид, лишенный красоты, какого-л. убранства' и *милый* — 'располагающий к себе, славный, хороший, приятный на вид, привлекательный'. Однако в периферийной части семемы слова *убогий* содержатся семы 'неприятный', 'непривлекательный', которые вступают в противоречие с ядерными семами 'приятный', 'привлекательный', входящими в семему слова *милый*. Выявление такого рода противоречия невозможно без опоры на пресуппозицию: знание о том,

⁵ Козинец С.Б. Словарь оксюморонов русского языка. Саратов: Саратовский источник, 2014. С. 6.

⁶ Москвин В.П. Язык поэзии: Приёмы и стили: терминологический словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 241–242.

что нечто убогое вызывает негативные эмоции и неприятные ощущения, а нечто милое воспринимается как привлекательное, вызывающее положительные эмоции, становится основой для распознавания семантической несовместимости компонентов композита-оксюморона *убогий* и *милый*. Еще сложнее определить противоречие в семантике композитов, образованных из компонентов, в значении которых несовместимыми являются только потенциальные семы. К таким сложным словам можно отнести композит, использованный в произведении И. Северянина «Все хорошо в тебе...»:

*Все хорошо в тебе, и ноги, и сложенье,
И смелое лицо ребенка-мудреца...*

Компоненты композита *ребенка-мудреца* обладают значениями, в ядре которых отсутствуют взаимоисключающие семы: *ребенок* — ‘маленький мальчик или маленькая девочка’, *мудрец* — ‘человек, обладающий высшим знанием, мыслитель’. Оксюморон это сложное слово становится вследствие того, что в противоречие вступают потенциальные семы ‘неопытный’, ‘малознающий’ (*ребенок*) и ‘многоопытный’, ‘сведущий’ (*мудрец*). Понять это неявное семантическое противоречие возможно, только опираясь на фоновое знание о неспособности ребенка обладать опытом и знанием мудреца, которым может быть только испытавший многое в жизни и познавший суть многих вещей взрослый человек.

Сложный процесс декодирования неявных (косвенных) оксюморонов, по мнению В.П. Москвина, делает их «более поэтичными»⁷, позволяет более тонко выразить многие оттенки диалектического противоречия объектов реального мира и сложной организации внутреннего мира лирического героя поэтического текста. Этим можно объяснить частое проникновение в поэзию модернистов неявных композитов-оксюморонов.

Второй по численности группой композитов-алогизмов, используемых в произведениях поэтов Серебряного века, является группа таких фигур алогизма, как композиты-катахрезы. Проблема определения статуса катахрезы и выявления ее отличительных признаков достаточно подробно рассматривался в работах О.Л. Якутиной [13], А.П. Сковородникова [14]. Не соглашаясь с теми исследователями, которые называют катахрезой речевые ошибки, А.П. Сковородников полагает, что данный термин «следует оставить за обозначением риторического приема, основанного на принципе мотивированного отклонения от нормы лексической сочетаемости, отграничив его от оксюморона» [14, с. 71]. Ученый противопоставляет катахрезу оксюморону как стилистический прием, состоящий из языковых единиц, понятия которых находятся «не в отношении противоречия (в логическом смысле), а в отношении онтологической несовместимости» [14, с. 71]. Соглашаясь с таким пониманием катахрезы, в данном исследовании композитами-катахрезами автор называет сложные слова, компоненты которых вербализируют онтологически несовместимые понятия. Например, в произведении А. Ахматовой «Ташкент зацветает» с помощью катахрезы описывается необычное видение лирической героиней весеннего восточного неба:

*И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.*

Композит *жгуче-голубого* содержит компоненты, которые не выражают противоречивые понятия, однако знание о том, что слова *жгучий* и *голубой* номинируют результат мультисенсорного

⁷ Москвин В. П. Язык поэзии: Приёмы и стили: терминологический словарь. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 241.

восприятия характеризуемого объекта — неба, — позволяет осознать онтологическую несовместимость выражаемых данными словами понятий.

Наиболее распространенным видом композитов-катахрез в поэзии Серебряного века являются сложные слова, компоненты которых вербализируют разномодальные ощущения. Примерами композитов-катахрез, основанных на сочетании восприятия действительности разными органами чувств, могут послужить сложные слова, отражающие результат различных типов синестезии: зрительно-вкусовой синестезии — *зеленоладкий*, *морковнорозовый* (А. Белый); зрительно-слуховой синестезии — *прозрачно-звонких* (Н. Гумилев), *звонко-синий* (А. Блок); зрительно-тактильной синестезии — *бледнопуховый*, *желто-бархатный* (А. Белый), *жгуче-голубого* (М. Цветаева), *сине-бархатного*, *зелено-бархатные* (В. Брюсов), *бархатисто-фиолетового* (И. Северянин); зрительно-обонятельной синестезии — *розово-смердный* (С. Есенин), *дымнозолотой*, *дымно-синее* (А. Белый), *дымно-голубой* (А. Блок); вкусо-обонятельной синестезии — *сладоотно-душистый* (Ф. Сологуб); вкусо-слуховой синестезии — *звучно-сладостные* (К. Бальмонт), *сладкозвучная* (А. Белый).

Стремясь более точно и при этом более ярко выразить настроения, эмоции, душевные движения лирического героя, описать сложно организованный мир, поэты-модернисты нередко прибегают к композитам, включающим в свой состав компоненты, которые вербализируют объекты, явления, признаки, не соотносимые в реальной действительности: *грустно-алом* (А. Белый), *поспешно-зыбкая*, (Ф. Сологуб), *ярко-радостный* (В. Брюсов), *лазурно-радостных*, *блаженно-яркие* (К. Бальмонт), *сине-хмурые* (С. Есенин).

Анализ деривационных особенностей сложных слов в поэзии Серебряного века позволил выявить, что композиты-алогизмы относятся к сложным словам, образованным таким морфологическим способом, как сложение. Самым продуктивным способом словотворчества поэтов-модернистов, приводящим к образованию композитов-алогизмов, является безаффиксное осново- и словосложение: *блаженно-жгучих*, *различно-схожий* (К. Бальмонт), *сурово-нежный*, *жгуче-прекрасный*, *стыдливо-страстных* (В. Брюсов), *печально-сер*, *печально-голубой* (А. Белый), *безмерно-малое* (Ф. Сологуб). Менее частотными композитами-алогизмами являются сложные слова, образованные аффиксально-сложным способом: *бессолнечно-просветлённый* (А. Белый), *изрозо-телесный*, *безлисто-трепетная* (И. Северянин), *безбурно-осеннее* (Н. Гумилев).

В результате осново- и словосложения в поэтических текстах модернистов наиболее часто формируются имена прилагательные: *шаблонно-красивые*, *мудро-лживое* (И. Северянин), *надменно-нежный* (М. Цветаева), *ярко-певучих*, *любовно-суровый* (В. Брюсов), *весело-сухие* (А. Ахматова), *нетленно-юная* (Ф. Сологуб), *мрачно-веселые* (О. Мандельштам). Реже встречаются композиты-алогизмы, лексико-грамматические характеристики которых позволяют отнести их к именам существительным: *друга-врага*, *сказка-правда* (В. Брюсов), *ядосмех*, *палач-эстет* (И. Северянин); наречиям: *страстно-тихо*, *сладко-больно* (И. Северянин), *радостно-тревожно* (К. Бальмонт); причастиям: *отдалённо-приближённый* (К. Бальмонт), *горестно-смеющийся* (Н. Гумилев).

Композиты-алогизмы, образованные путем сложения слов или основ, в поэтических текстах Серебряного века в большинстве случаев содержат в морфемной структуре интерфикс *-о-*. Модель образования алогизмов-композитов без соединительной гласной используется редко: как правило, таким способом формируются субстантивные композиты: *приятели-враги* (Ф. Сологуб), *нелюди-люди* (С. Есенин), *невеста-дитя*, *женщина-дитя* (И. Северянин).

Малопродуктивным в поэзии Серебряного века является такой способ словообразования, как сращение, например: *сладковевущий* (А. Белый), *слепотекущий* (М. Цветаева). В процессе анализа деривационных особенностей композитов-алогизмов было выявлено несколько единиц, образованных данным способом.

Широкие функциональные возможности фигур алогизма делают их одним из предпочитаемых средств выразительности в поэзии конца XIX — начала XX века. Композиты-алогизмы в текстах поэтов Серебряного века участвуют в реализации таких свойственных большинству изобразительно-выразительных средств стилистических функций, как экспрессивная, изобразительная и оценочная функции. Однако структурно-семантическое своеобразие композитов-алогизмов обуславливает некоторые особенности реализации в поэтическом тексте выше-названных функций. Так, объединение семантически несочетаемых языковых единиц делает композиты-алогизмы экспрессивным средством с высокой интенсивностью воздействия на читателя. Например, в произведении И. Северянина «Муринька» экспрессивность описания внешности героини формируется за счет использования композита, выступающего в роли эпитета:

*Гляну ль в глаза твои нежно-жестокое,
Чую ль уста,
Узкие, терпкие, пламеннотокое, —
Все красота!*

Степень воздействующего эффекта эпитета нежно-жестокое усиливается вследствие того, что данный стилистический прием является композитом с семантикой оксюморона. Сочетание несовместимых компонентов в структуре композита-алогизма позволяет автору текста создать образ, вызывающий противоречивые чувства: симпатии, расположения к обладательнице нежных глаз и одновременно страха и отторжения к излучающим жестокость глазам.

Интересно, что экспрессивность в текстах поэтов-модернистов нередко усиливается за счет конвергенции фигур алогизма, что приводит к созданию в некотором роде шокирующего, эпатажного эффекта. Например, в произведении «Морская памятка» для описания морского пейзажа, отражающего настроение лирического героя, И. Северянин сплетает две фигуры алогизма:

*Сколько тайной печали, пустоты и безнадёжья
В нарастающем море, прибегающем ко мне,
В тишине симфоничной, в малахитовом изнежье,
Мне целующем ноги в блекло-шумной тишине.*

Спокойно-грустная тональность изображения дыхания моря нарушается в конце строфы семантически дерзкой, вызывающей неожиданный экспрессивный эффект конвергенцией катахрезы и оксюморона: композит-катахреза *блекло-шумной*, отражающая результат визуально-слуховой синестезии, содержит компонент *шумной*, который вступает в семантическое противоречие со словом *тишина*, образуя оксюморон.

Высокая экспрессивность композитов-алогизмов неразрывно связана с их участием в формировании необычных, сложных образов. Например, в произведении И. Северянина «Оскар Уйальд» противоречивый образ ирландского поэта-гедониста создается с помощью композита-оксюморона:

*Палач-эстет и фанатичный патер,
По лабиринту шхер к морям фарватер,
За красоту покаранный Оскар!*

Объединение слов *палач* и *эстет* в рамках композита-алогизма превращает их в контекстуальные антонимы и позволяет создать амбивалентный образ кумира многих поэтов-модернистов:

уверенного в себе аморалиста, не брезгающего жестоко-безобразными идеями, поступками, и утонченного, способного ценить прекрасное человека. Интересную интерпретацию значения данного композита предлагает Е.В. Кузнецова: «Называя Уайльда „палачом-эстетом“, Северянин дает понять, что эта „жертва“ общества бывала и в роли палача, высокомерно критикующего (казнящего) искусство, вкусы, мораль и нравы своих современников» [15, с. 209].

Участие композитов-алогизмов в создании художественного образа является реализацией изобразительной функции, которая в поэзии Серебряного века имеет несколько частных проявлений:

1. Композиты-алогизмы могут использоваться для создания необычного образа людей, характеристики их внешности: *Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин, / Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин, / Ты, между варваров заложник-властелин!* (К. Бальмонт. К Бодлэру); *Безмолвен рот его, углами вниз, / Мучительно-великолепны брови.* (М. Цветаева. С. Э.); *Флакон вервэны, мною купленный, / Ты выливаешь в ванну / И с бровью, ласково-насулпленной, Являешь Монну-Ванну.* (И. Северянин. Морефея); *Теплее солнечных лучей / Лучи очей безгрешно-страстных, / И поцелуи горячей / Небесных молний ясных* (Ф. Сологуб. «Что мне весна, что радость юга...»).

2. Композиты-алогизмы способны выступать средством парадоксального описания предметов или их признаков: *Я голоса ее не слышал, / И имени ее не знал... / Она была в злофейном крэпе* (И. Северянин. Virela I); *Раздавив похоронные звуки / Равномерно-жутких часов, / Он поднимет тяжкие руки, / Что висят, как петли веков* (А. Блок. «Я живу в глубоком покое...»).

3. С помощью композитов-алогизмов передается сложное восприятие окружающего мира, природных явлений: *Он безносой канителью / Правит, душу веселя, / Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля...* (О. Мандельштам. Фаэтончик); *И снова надолго зима седьмой раз засыпала, / И в лунной улыбке слезилось унынье опала, / И лес лунодумный, казалось, был акварель сам...* (И. Северянин. Отравленные уста (новелла)); *Свобода взметнулась неистово. / И в розово-смердном огне / Тогда над страной калифствовал / Керенский на белом коне.* (С. Есенин. Анна Снегина); *Мне в лицо ароматным угаром / Ветер бледнопуховый всколышешь.* (А. Белый. Укор).

4. Композиты-алогизмы являются эффективным средством выражения противоречивости чувств, эмоций лирических героев: *Предо мною встаешь ты, родная, / Ты, родная и в сердце хранящая, — / Вдруг я вижу, что ты не забыта, / Позабитая, горько-любимая.* (К. Бальмонт. Разлученные); *Я знаю все. Но есть забвенье. / И страшно-сладко мне забыть, / И слушать пенье, видеть звенья, / И ненавидеть, и любить.* (К. Бальмонт. Один из итогов); *Небо раскинулось вдруг недосказанным храмом, / Это ты мне мелькнул, и бесстрастно-восторжен, и светел...* (В. Брюсов. А.М. Добролюбову); *И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить — / изумительно, / Чудесно все-таки! Ах, сразу нескольких — одну / любить!* (И. Северянин. К черте черта).

5. Абсурдная конкретизация абстрактных понятий или их признаков с помощью композитов-алогизмов позволяет авторам поэтических произведений показать сложность, неоднозначность восприятия и понимания объектов идеального мира: *Ты здесь, на ложе ласк неверных, / Обманывающих приближений, В правдиво-лицемерный миг...* (В. Брюсов «Памяти другой»); *О чудесном лесе буду песни складывать, / Расскажу про терем сказку-правду мудрую.* (В. Брюсов. Сказка); *И пусть этот образ из прежних эр / Глядит и тускло, и банально: / Судьба Луизы де Лавальер / Всегда пленительно-печальна.* (И. Северянин. Образ прошлого).

В произведениях поэтов Серебряного века композиты-алогизмы нередко вместе с экспрессивной и изобразительной функцией выполняют оценочную функцию, то есть выступают средством выражения противоречивой оценки предмета, явления или человека, его действий. Так, в произведении А. Ахматовой «Гость» композит-оксюморон позволяет создать образ героя, одновременно испытывающего возвышенное чувство любви и чувство ревности, порождающее ненависть:

*И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца,
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.*

Введение в текст композита с компонентами, выражающими противоположную оценку (*просветленный* — положительная оценка; *злой* — отрицательная оценка), помогает показать непростое отношения лирической героини к напряженному душевному состоянию ее гостя, которое одновременно и влечет, и отталкивает, вызывает и сострадание, и мучительное неприятие.

Выводы

Таким образом, анализ поэтических текстов Серебряного века показал, что одним из любимых средств выразительности поэтов-модернистов являются композиты-алогизмы — сложные слова, обладающие признаками стилистических фигур, построенных по принципу алогизма. Наиболее часто в анализируемых поэтических текстах используются такие виды композитов-алогизмов, как композиты-оксюмороны и композиты-катахрезы. Композиты-оксюмороны являются структурно и семантически неоднородными. По структуре данные композиты делятся на сложные слова, обладающие однокорневыми и разнокорневыми компонентами. Композиты-оксюмороны с разнокорневыми компонентами могут состоять из компонентов, являющихся узувальными или контекстуальными антонимами. Опираясь на семантические особенности, то есть своеобразие противопоставления семантических элементов, входящих в состав значений слов-компонентов композитов, композиты-оксюмороны можно разделить на явные и неявные. Последний тип сложных слов используется в поэтических текстах гораздо чаще, поскольку дает возможность вербально выразить противоречивое восприятие внешнего мира, чувств, переживаний лирического героя, для которого в языковой системе отсутствует прямая номинация.

Поэты Серебряного века для описания иррациональных, фантастических явлений, для создания неожиданных образов нередко прибегают к композитам-катахрезам — сложным словам, компоненты которых вербализируют онтологически несовместимые понятия. Данные стилистические приемы формируются в результате сочетания компонентов, номинирующих разно-модальные ощущения или не соотносимые в реальной действительности объекты, явления, признаки. Наиболее распространенными в поэтических текстах композитами-катахрезами являются сложные слова, основанные на таких видах мультисенсорного восприятия действительности, как зрительно-вкусовая, зрительно-слуховая, зрительно-тактильная, зрительно-обонятельная и вкусо-слуховая синестезии.

Наиболее продуктивным способом образования композитов-алогизмов в поэтических текстах Серебряного века является безаффиксное осново- и словосложение с использованием интерфикса *-о-*. В ряду результатов словотворчества поэтов-модернистов композиты-алогизмы, образованные путем сращения или аффиксально-сложным способом, — крайне редкое явление.

Как и многие изобразительно-выразительные средства, композиты-алогизмы в поэтическом тексте выполняют экспрессивную, изобразительную и оценочную функции. Однако структурно-семантические особенности композитов-оксюморонов и композитов-катахрез делает их экспрессивным средством с высокой интенсивностью воздействия на читателя, позволяет создавать сложные, порой эпатажные, образы, выразить противоречивую оценку человека, его действий, чувств, эмоций, неоднозначную оценку предмета или явления.

Предпринятое исследование не является исчерпывающим, и перспектива изучения композитов-алогизмов видится в дальнейшем анализе их структурно-семантических разновидностей и функциональных особенностей не только в поэтических произведениях представителей Серебряного века, но и в текстах разных периодов истории русской поэзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Супряга С.В.** Оксюморон в творчестве поэтов конца XIX — начала XX века // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 247–258.
2. **Винокур Г.О.** Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 452 с.
3. **Алиева З.М.** Анализ окказионализмов в творчестве поэтов XX века (на материале поэзии Марины Цветаевой) // Символ науки. 2021. № 8–2. С. 23–24.
4. **Тарасова И.А.** Эстетическая функция неологизмов в поэзии Георгия Иванова // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 141–148.
5. **Корнеева Т.А.** Структурно-семантические особенности эмоционально-оценочных оксюморонных композитов в поэтическом языке // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 58–62.
6. **Клобуков Е.В., Гудилова С.В.** Языковая специфика производных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 12–25.
7. **Щеров В.И., Никульцева В.В.** Семиотика повседневности и поэзия Игоря Северянина // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 4. С. 35–42. DOI: 10.52470/2619046X_2024_4_35
8. **Пекарская И.В.** Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 7. С. 72–80.
9. **Вольф О.А.** Фигуры, построенные по принципу алогизма: к проблеме номенклатурного описания // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 37–41.
10. **Садовников С.А.** Алогизм как средство создания художественного образа в прозе А. Платонова // Когнитивные исследования языка. 2014. № 16. С. 398–405.
11. **Москвин В.П.** Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. Кн. 2. М.: Ленанд, 2024. 368 с.
12. **Карасик В.И.** Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 1. С. 114–123.
13. **Якутина О.Л.** Катахреза в поэтике Алена Боске // Вестник Красноярского Государственного Университета. 2006. № 6. С. 241–245.
14. **Сковородников А.П.** О катахрезе // Русская речь. 2005. № 3. С. 68–73.
15. **Кузнецова Е.В.** «И афоризмы из Уайльда читаем, сидя на песке...»: поэтика афоризма и парадокса в творчестве И. Северянина // О. Уайльд и Россия: проблемы поэтики и рецепции / ред.-сост. Е.В. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 200–220. DOI: 10.22455/978-5-9208-0711-3-200-220

REFERENCES

- [1] **Supryaga S.V.**, Oxymoron in the work of the poets of the late 19th – early 20th century, Theory of Language and Intercultural Communication, 3 (2023) 247–258.
- [2] **Vinokur G.O.**, Filologicheskiye issledovaniya: Lingvistika i poetika [Philological research: linguistics and poetics], Nauka, Moscow, 1990.
- [3] **Alieva Z.M.**, Analysis of occasionalism in the work of the poets of the XX century (on the material of the poetry of Marina Tsvetaeva), Symbol of science, 8–2 (2021) 23–24.
- [4] **Tarasova I.A.**, Aesthetic function of neologisms in Georgy Ivanov’s poetry, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 19 (2019) 141–148.
- [5] **Korneyeva T.A.**, Structural and semantic features of the emotional and evaluative adjectival oxymoron composites in the poetic language, Philology and Culture, 1 (35) (2014). 58–62.
- [6] **Klobukov Ye.V., Gudilova S.V.**, Yazykovaya spetsifika neproizvodnykh slozhnykh slov (kvazikompozitov) [Linguistic specificity of non-derivative compound words (quasi-composites)], Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya [Language, consciousness, communication], MAKS Press, Moscow, 2001.

[7] **Shcherov V.I., Nikultseva V.V.**, Semiotics of daily occurrence and poetry of Igor-Severyanin, Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, 4, (2024) 35–42. DOI: 10.52470/2619046X_2024_4_35

[8] **Pekarskaya I.V.**, Stilisticheskiye figury printsipa alogizma: k probleme definitsii i tipologii [Stylistic figures of the principle of illogism: to the problem of definition and typology], Vestnik KHGU im. N. F. Katanova [Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University], 7 (2014) 72–80.

[9] **Volf O.A.**, Figury, postroyennyye po printsipu alogizma: k probleme nomenklaturnogo opisaniya [On nomenclature description of alogism figures], Vestnik KHGU im. N.F. Katanova [Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University], 21 (2017) 37–41.

[10] **Sadovnikov S.A.**, Alogism as a means of image creation in prose works by A. Platonov, Cognitive Studies of Language, 16 (2014) 398–405.

[11] **Moskvin V.P.**, Ritorika i teoriya kommunikatsii: Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya [Rhetoric and theory of communication: Types, styles and tactics of speech communication], Book 2, Lenand, Moscow, 2024.

[12] **Karasik V.I.**, Oksyumoron v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike [Oxymoron in language consciousness and communicative practice], Social'nye i gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge], 8 (1) (2022) 114–123.

[13] **Yakutina O.L.**, Katakhreza v poetike Alena Boske [Catagchresis in the poetics of Alain Bosque], Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of the Krasnoyarsk State University], 6 (2006) 241–245.

[14] **Skovorodnikov A.P.**, O katakhreze [About catagchresis], Russian Speech, 3 (2005), 68–73.

[15] **Kuznetsova E.V.**, 'And We Read Aphorisms from Wilde, Sitting on the Sand...': Poetics of Aphorism and Paradox in the Works of I. Severyanin, O. Wilde and Russia: The Issues of Poetics and Reception, ed. by E.V. Kuznetsova, IWL RAS Publ., Moscow, 2023, pp. 200–220. DOI: 10.22455/978-5-9208-0711-3-200-220

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Декатова Кристина Ивановна

Kristina I. Dekatova

E-mail: dekatovaki@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Поступила: 08.06.2025; Одобрена: 17.08.2025; Принята: 17.10.2025.

Submitted: 08.06.2025; Approved: 17.08.2025; Accepted: 17.10.2025.

Научная статья

УДК 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16403>

EDN: <https://elibrary/WKKANC>

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИАДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

Ш.К. Жаркынбекова , Ж.Б. Селиверстова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Республика Казахстан

 zharkyn.sh.k@gmail.com, seliverst.zh@gmail.com

Аннотация. В фокусе внимания данной статьи находится казахстанский медиадискурс, который играет большую роль в трансляции и конструировании ценностных ориентиров. Исследование посвящено анализу ключевых слов как вербальных репрезентантов базовых ценностей в СМИ Казахстана. Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов онлайн-версий общенациональных (республиканских), коммерческих и региональных газет. Методология исследования объединила корпусные методы для идентификации статистически значимых лексических единиц с последующими критическим дискурс-анализом и качественной семантической интерпретацией их контекстов. В результате применения корпусных процедур был идентифицирован и отобран набор ключевых слов, структурирующих аксиологическое пространство наиболее значимых тематических групп («человеческий капитал», «самореализация», «национально-культурная идентичность», «социальная справедливость», «семейные ценности»). В ядро этого набора вошли такие ключевые лексемы, как *образование, наука, искусственный интеллект, самореализация, успех, труд, традиция, язык, справедливость, инклюзивность, семья*. Контекстуальный анализ позволил раскрыть их ценностную нагрузку и дискурсивные функции. Установлено, что ключевые слова *образование и наука* функционируют в прагматическом семантическом поле, актуализируемом предикатами пользы и стратегической целесообразности. Тематическое поле самореализация формирует нарратив достижения, где успех определяется через связь с трудом, усилиями и профессионализмом. Ключевые слова *традиция, идентичность и язык* не только несут высокую позитивную оценку, но и часто выступают в текстах в рамках стратегии смещения кодов, что служит лингвистическим маркером культурной гибридности. Выявленные ключевые слова и характер их языковой репрезентации демонстрируют, что казахстанские СМИ выступают активным агентом аксиологической трансформации, осуществляя дискурсивный синтез традиционных ценностных установок с глобальными трендами. Выявленная способность цифровых СМИ выступать медиатором между традиционными ценностями и новыми социальными ориентирами имеет важное значение для понимания динамики ценностных трансформаций в казахстанском обществе.

Ключевые слова: медиадискурс Казахстана, ключевые слова, ценностный смысл, дискурсивный анализ, аксиологические установки общества.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН AP23488481).

Для цитирования: Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б. Лингвоаксиология ценностей в медиадискурсе Казахстана: анализ ключевых слов как репрезентантов общественных концептов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

LINGUISTIC AXIOLOGY OF VALUES IN KAZAKHSTAN'S MEDIA DISCOURSE: AN ANALYSIS OF KEYWORDS AS REPRESENTATIONS OF SOCIAL CONCEPTS

Sh.K. Zharkynbekova , Zh.B. Seliverstova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

✉ zharkyn.sh.k@gmail.com, seliverst.zh@gmail.com

Abstract. The focus of this article is the Kazakhstani media discourse, which plays a significant role in transmitting and shaping value orientations. The study examines keywords as verbal representations of fundamental values in Kazakhstan's mass media. The empirical basis of the research consists of a corpus of texts from the online versions of national, commercial, and regional newspapers. The research methodology combines corpus-based methods for identifying statistically significant lexical units with subsequent critical discourse analysis and qualitative semantic interpretation of their contexts. As a result of corpus analysis, a set of keywords was identified and selected, structuring the axiological space of the most salient thematic groups: "human capital," "self-realization," "national and cultural identity," "social justice," and "family." The core of this set includes such key lexemes as *education*, *science*, *artificial intelligence*, *self-realization*, *success*, *labor*, *tradition*, *language*, *justice*, *inclusivity*, and *family values*. Contextual analysis revealed their value-related connotations and discursive functions. It was found that the keywords *education* and *science* function within a pragmatic semantic field actualized by predicates of utility and strategic relevance. The thematic field of *self-realization* constructs a narrative of achievement, where success is defined through the relationship between labor, effort, and professionalism. The keywords *tradition*, *identity*, and *language* not only carry a strong positive evaluation but also frequently appear within code-mixing strategies, serving as linguistic markers of cultural hybridity. The identified keywords and the nature of their linguistic representation demonstrate that Kazakhstani media act as an active agent of axiological transformation, performing a discursive synthesis of traditional value systems with global trends. The revealed capacity of digital media to mediate between traditional values and emerging social orientations is of particular importance for understanding the dynamics of value transformations in Kazakhstani society.

Keywords: Kazakhstan media discourse, linguoaxiology, keywords, value meaning, discursive analysis, society's axiological attitudes.

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of a project funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN AP23488481).

Citation: Zharkynbekova Sh.K., Seliverstova Zh.B., Linguistic Axiology of Values in Kazakhstan's Media Discourse: an Analysis of Keywords as Representations of Social Concepts, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 41–58. DOI: 10.18721/JHSS.16403

Введение

В современном мире медиадискурс играет важную роль в формировании и трансляции общественных ценностей, отражая и одновременно конструируя коллективное сознание. Понимание того, как эти ценности выражаются и воспринимаются, имеет огромное значение для анализа социальной динамики, культурных трансформаций и идеологических процессов. В этом контексте лингвоаксиология как наука о ценностных смыслах языковых единиц становится незаменимым инструментом для исследования аксиологических установок общества.

Одним из центральных каналов трансляции ценностей выступают СМИ, являющиеся не просто институтом распространения культурных знаний, а активным участником процессов

нормотворчества и идеологической селекции. Слово в медиатексте становится актом управления «ценностной навигации» читательского сознания. В этом контексте казахстанский медиаландшафт представляет собой пространство, в котором сталкиваются разные ценностные модели: западная, постсоветская и традиционалистская [1; 2]. Эти модели конфликтуют, сосуществуют и переплетаются в медиатекстах различного уровня – от республиканских до региональных и коммерческих изданий, а с усилением цифровой журналистики – и в сетевой прессе. Именно эта гибридность и напряженность в ценностных структурах требуют научного анализа, способного зафиксировать как явные, так и латентные идеологемы в языке медиа [3–5].

Среди многообразия академических подходов к пониманию ценностей [6–10], наиболее релевантным, на наш взгляд, является определение, данное Е.Н. Молодыхенко, где «ценность отражает выработанное социумом... *представление об идеальном положении вещей*, соотносимое с конкретной областью человеческой деятельности» [11, с. 92]. Опираясь на данное утверждение, авторы статьи делают попытку показать, как именно «модели должного» и их социальные представления репрезентируются в медиадискурсе Казахстана через ключевые слова (КС). При этом под КС понимаются общие понятия, центральные и частотные, а потому особенно актуальные для локального темпорального интервала, способствующие распространению определенных целевых установок и положительных ценностей [12, с. 136–141; 13]. Адаптируя данный лексикологический подход к материалу статьи, исходим из того, что КС – это вербальные репрезентанты общественных концептов, структурирующие и фокусирующие аксиологическое пространство медиадискурса.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, интенсивное развитие информационных технологий и увеличение объемов медиаконтента требуют новых подходов к анализу его содержания. Во-вторых, медиадискурс Казахстана представляет собой уникальный объект для изучения, поскольку в нем переплетаются элементы национальной идентичности, межкультурного диалога и политических процессов. Изучение КС как репрезентантов общественных концептов позволяет выявить не просто частоту упоминания тех или иных понятий, но и их ценностную окраску, что дает возможность более глубокого понимания аксиологических приоритетов общества.

Ценностное измерение современного медиадискурса в Казахстане выдвигается в число ключевых направлений гуманитарного анализа, учитывая, что процессы глобализации, цифровизации и политико-культурной трансформации затрагивают не только институциональные, но и глубинные ментальные структуры общества [14].

В области лингвистического анализа медиадискурса Казахстана проделана значительная работа. Исследователи фокусируются на вопросах медиатизации, особенностях политического дискурса, формировании национальной идентичности и др. [15–17]. Тем не менее работы, посвященные системному лингвоаксиологическому анализу ценностей через призму КС, носят в основном фрагментарный характер. Более того, недостаточно публикаций, сопоставляющих разные типы изданий: республиканские (государственные), коммерческие (частные), региональные (местные) с учетом их аксиологических приоритетов и дискурсивных стратегий. Данное исследование призвано заполнить этот пробел, предложив новую перспективу для изучения медиадискурса как пространства формирования и трансляции ценностей. Оно также будет способствовать развитию теоретических и прикладных аспектов лингвоаксиологии в казахстанском научном пространстве.

Как показывают работы современных ученых [18–24], аксиосфера Казахстана демонстрирует культурную вариативность интерпретации этих категорий, обусловленную фактором многокультурности, постсоветским наследием и этнополитической трансформацией. В условиях обострения идеологического контроля, роста политической поляризации и цифровой трансформации медиадискурс в Казахстане становится не просто зеркалом социальных ценностей,

а механизмом их отсева, конструирования и воспроизводства. Анализ этих процессов невозможен без опоры на современные лингвоаксиологические и критико-дискурсивные подходы, к числу которых относятся методологические принципы, разработанные современными исследователями [25], и теоретико-практические модели изучения медиаценностей в условиях постсоветской трансформации [26; 27].

Взаимосвязь дискурса и ценностных моделей представляет собой многоуровневый и комплексный процесс. Дискурс функционирует как генератор и/или транслятор ценностных представлений [11, с. 94]. Каждый дискурс, понимаемый как способ организации и представления определенного видения мира, не является нейтральным. В любом фрагменте мира, реконструируемом дискурсом, всегда присутствует оценочный компонент: одни явления или идеи представляются как желаемые и правильные, а другие — как отвергаемые и ложные. Это позволяет дискурсу направлять интерпретацию, отсекая нежелательные варианты и выдвигая на первый план определенные смыслы. Представление о ценностях как о порождающей силе напрямую коррелирует с идеей о том, что дискурс не просто описывает, но и моделирует желаемое будущее [11, с. 95].

Конкретный механизм взаимодействия ценностного пространства дискурса и отдельных текстов можно описать как управление процессом вербализации. Дискурс с его встроенной системой ценностей выступает в роли фильтра: он определяет, какие элементы должны быть включены в текстовые репрезентации, а какие — исключены, а также как их следует комбинировать. Как отмечает Е.Н. Молодыхенко, «с одной стороны, текст опирается на предзаданную дискурсом систему ценностей, „пассивно“ формулирует некоторую ценностную позицию как само собой разумеющуюся. С другой стороны, текст может активно конструировать новые ценности или переформулировать старые, как правило, для продвижения „своего“ мнения, обоснования решений и т. п.» [11, с. 95].

Основной целью данного исследования являются выявление и анализ КС, семантика которых содержит лингвоаксиологические характеристики ценностей, транслируемых в медиадискурсе Казахстана. Для достижения этой цели в исследовании решаются следующие задачи: 1) определить корпус КС, репрезентирующих социально значимые концепты в казахстанских медиа; 2) провести лингвоаксиологический анализ контекстов употребления КС, чтобы определить их ценностную нагрузку. Объектом анализа выступают тексты республиканских, региональных и коммерческих изданий. Применение корпусных технологий дало возможность обработать большие массивы текстовых данных и выявить статистически значимые закономерности. Ожидаемые результаты включают создание лингвоаксиологической модели казахстанского медиадискурса и выявление наиболее влиятельных ценностных доминант.

Методология (материалы и методы)

В качестве методологической основы исследования использован комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы с использованием программного обеспечения для качественного анализа данных MAXQDA. Процедура сбора и обработки эмпирического материала состояла из нескольких последовательных этапов. На первом этапе в среде MAXQDA был сформирован и структурирован корпус текстов, состоящий из более чем 600 публикаций, отобранных из цифровых версий казахстанских газет за период с мая 2024 по май 2025 года. В корпус вошли публикации из таких изданий, как «Казахстанская правда», «Литер», «Время», «Индустриальная Караганда», «Костанайские новости» и «Вечерний Алматы».

Процедура выявления КС и анализа их частотности осуществлялась с помощью инструментов автоматизированного анализа текста, встроенных в MAXQDA. Первоначальный отбор лексических единиц, потенциально репрезентирующих ценности, проводился методом лексикометрического анализа. С помощью функции «Анализ слов» был сгенерирован частотный

словарь всего корпуса и по каждой группе СМИ в отдельности. Это позволило идентифицировать лексемы со статистически значимой частотой употребления. Для минимизации субъективности на данном этапе использовались стоп-слова для отсева служебной лексики, а также проводилась лемматизация (приведение слов к начальной форме) для учета всех грамматических форм ключевого понятия.

Единицей количественного анализа выступила частота появления лексической единицы в текстах СМИ. На данном этапе исследования не стояла задача выявить аксиологические приоритеты, характерные для каждого из типов газет. Авторы сосредоточились на фиксации общей представленности ценностно-маркированной лексики.

В целом было выявлено 50 КС, систематически воспроизводимых казахстанской прессой. Для углубленного изучения из этого массива были отобраны 20 наиболее репрезентативных лексических единиц. С помощью инструмента «Поиск и запрос» в MAXQDA все контексты употребления этих слов были извлечены и каталогизированы, что создало надежную основу для последующего качественного анализа.

Каждый текстовый фрагмент, содержащий КС, прошел процедуру кодирования по гибкой системе категорий. В результате было выделено пять смысловых групп («человеческий капитал», «самореализация», «национально-культурная идентичность», «социальная справедливость», «семья»), каждая из которых представляет собой определенный концептуальный узел в сети коллективных представлений.

На следующем этапе основной исследовательский фокус был направлен на дискурсивный анализ, который позволил перейти от статистических данных к интерпретации ценностных смыслов. Дискурсивный анализ включал изучение языковых механизмов конструирования значений. Особое внимание уделялось тому, как именно через синтагматические связи, предикативные конструкции, аргументативные стратегии формируются определенные ценностные модели. Выделенные КС, анализируются уже не как изолированные единицы, а как элементы, функционирующие в определенных дискурсивных практиках. Результатом такого анализа становится выделение пяти смысловых групп, каждая из которых представляет собой не просто тематическое объединение лексики, а особый способ выражения о соответствующих ценностях. Дискурсивный анализ позволяет вскрыть, какие именно языковые особенности и риторические приемы используются казахстанскими СМИ при упоминании этих КС, тем самым выявляя неочевидные механизмы формирования аксиологических приоритетов через конкретные языковые практики. Таким образом, если количественный анализ показывает, какие слова используются, то дискурсивный анализ — каким образом они формируют ценностные смыслы. Такой комплексный анализ языковых средств способствует актуализации ценностного содержания и позволяет, по определению Е.Н. Молодых, «реконструировать рецептивную программу, заложенную автором в текст» [11, с. 96].

Результаты исследования

Тематическая группа «человеческий капитал»

Данная смысловая группа представлена такими КС, как *наука, образование, искусственный интеллект*. Их системное употребление в медиадискурсе формирует семантическое поле, центральной идеей которого выступает развитие человеческого потенциала. Взаимосвязь этих концептов раскрывается через идею инвестиций в личность — процесс, позволяющий человеку накапливать знания и компетенции для их последующей реализации в общественной жизни. Каждый из терминов функционирует как элемент единой системы: образование создает основу для научного поиска, технологии и искусственный интеллект выступают инструментами преобразования экономики. Таким образом, в дискурсе закрепляется модель, где личностное развитие неразрывно связано с вкладом в общественный прогресс, а перечисленные понятия образуют логическую цепочку взаимных обусловленностей.

Так, КС *наука* последовательно помещается в синтагматические ряды с ярко выраженной прагматической и инструментальной семантикой. Оно чаще встречается в контексте, где речь больше идет о ее служебной роли: *Перед руководством вуза и руководителями заинтересованных госорганов поставлены задачи по интеграции науки и производства, налаживанию сбыта и нацеленности на экспорт*¹; *Наука должна приносить реальную пользу, а не существовать ради теоретических исследований*²; *Наука должна работать на стратегические цели страны, синхронно обеспечивая устойчивое и динамичное развитие экономики*³.

Данная дискурсивная стратегия очень характерна для СМИ, которые направлены на отражение и одновременно конструирование общественно значимых повесток. Проведенный анализ свидетельствует об активно происходящем в стране процессе переформатирования науки на развитие экономики и тесную интеграцию с национальными стратегическими целями развития, для чего предпринимаются системные меры по укреплению потенциала казахстанской науки. Именно эту трансформацию и фиксирует медиадискурс через систему тщательно отобранных языковых средств. Через устойчивые сочетания с яркой инструментальной окраской (*интеграция науки и производства, приносить реальную пользу, работать на стратегические цели*) и его оценочные предикаты (прилагательное *реальную*, метафорический предикат *работать на*), лексемы, реализующие значение деонтической модальности (*должна*), в сочетании с перечислением конкретных задач (*налаживанию сбыта, нацеленности на экспорт*) КС *наука* представлена больше в утилитарном ключе — как ресурс для решения прикладных задач страны. Такой языковой выбор соответствует общей тенденции представления научной деятельности в контексте национального развития, где ценность знаний определяется их прикладным потенциалом и вкладом в экономический рост.

КС *образование* как непреложный компонент ценностной системы Казахстана также подвергается серьезным трансформациям под влиянием, с одной стороны, мировых тенденций, с другой, национальных интересов страны: *Важным фактором повышения качества образования стало внедрение цифровых технологий. В рамках национальных инициатив 100% школьных учебников переведены в цифровой формат. В учебный процесс интегрируются элементы искусственного интеллекта*⁴.

Контекстуальный анализ выявил несколько устойчивых тематических кластеров, в которых обсуждаются те или иные проблемы:

— реформирование образовательной системы: *Чем дальше разворачиваются реформы в сфере образования, тем сложнее и путаннее становится вся система*⁵; *При недостатке педагогов очевидным образом страдает качество образования*⁶; *Наши реформы в образовании — это слон в посудной лавке*⁷; *Реформа профессионального образования становится абсолютно важной с точки зрения обеспечения роста экономики и ее инвестиционной привлекательности*⁸;

— пробелы подготовки кадров в условиях цифровой экономики: *Отдельное внимание уделяется подготовке новых кадров в условиях цифровой трансформации образования*⁹; *Для формирования*

¹ Тасамбаева Д. Учеными куется будущее // Литер. 03.12.2024. № 135 (4533). URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2024/12/7d2de05cb-03269decdf891cfaae7b401a71ef964.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

² Турысбекова А. Наука должна служить во благо общества // Казахстанская правда. 09.01.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/nauka-dolzha-sluzhit-vo-bлаго-obshchestva/> (дата обращения: 29.09.2025).

³ Газиз А. Маулен Ашимбаев: Наука должна работать на стратегические цели страны // Казахстанская правда. 07.12.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/maulen-ashimbaev-nauka-dolzha-rabotat-na-strategicheskie-tseli-strany/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴ Новые школы, повышение оплаты учителям и бесплатное питание учащимся: как Казахстан преобразует образование // Казахстанская правда. 28.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/novye-shkoly-povyshenie-oplaty-uchitelyam-i-besplatnoe-pitanie-uchashchimsya-kak-kazakhstan-preobrazuet-obrazovanie/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵ Шпаков В. Злокачественное образование // Время. 04.12.2024. URL: <https://time.kz/articles/territory/2024/12/04/zlokachestvennoe-obrazovanie> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Муханбетов А. К новым достижениям через реформы в образовании // Казахстанская правда. 10.09.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/k-novym-dostizheniyam-cherez-reformy-v-obrazovanii/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁹ Внедрение ИИ в образование обсудили в правительстве РК // Казахстанская правда. 01.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/vnedrenie-ii-v-obrazovanie-obsudili-v-pravitelstve-rk/> (дата обращения: 29.09.2025).

нового поколения профессионалов необходимо включить в классификатор специальностей технического образования новую специальность — ИТ-логист — как ответ на запросы отрасли¹⁰; Перед образованием стоит задача подготовить квалифицированные рабочие кадры с учетом специфики каждого макрорегиона¹¹;

*— интенсификация подготовки специалистов среднего звена в системе профессионального образования: Для улучшения подготовки конкурентоспособных кадров финансирование на одного студента, обучающегося по программе **технического образования**, возрастет с 437 тысяч до 912 тысяч тенге¹²; 52% работающих казахстанцев имеют **профессиональное** или **техническое образование**. При этом **открытых вакансий до сих пор много**: в прошлом году их было более 270 тысяч¹³; Сегодня диплом о высшем образовании — не гарантия профессионализма. Нужны специалисты среднего звена¹⁴;*

Примечательно, что дискурс о профессиональном образовании все чаще строится не вокруг абстрактных педагогических идеалов, а через призму конкретных экономических показателей и технологических вызовов. Это отражает глобальный тренд инструментализации образования, однако в казахстанском варианте он приобретает специфические черты — например, постоянные отсылки к необходимости сохранения национальных образовательных традиций и устойчивому закреплению в современном образовании национальных ценностей даже в условиях модернизации: *В условиях глобализации особенно важным становится возвращение к истокам **национальной мудрости**. Казахское образование традиционно строилось на трех фундаментальных принципах: «ұят болады», «жаман болады», «обал болады». Эти простые, но удивительно глубокие истины учили избегать недостойных поступков, стремиться к добру и уважать окружающих¹⁵; Сегодня ценностное воспитание становится не менее значимым, чем **академическое образование**. В цифровую эпоху дети сталкиваются с огромным потоком информации, и именно проверенные веками **национальные ценности** будут служить им «моральным компасом» в глобальном мире¹⁶.*

В фокусе общественного и научного дискурса находятся вопросы, отражающие новые вызовы и переоценку существующих норм. Данный аспект активно формируется вокруг КС *искусственный интеллект*, в семантическое поле которого входят такие лексические единицы, как *искусственный интеллект*, *цифровая трансформация*, *новые технологии*, *эффективное внедрение*, *этическое использование* и *доверие*. Как показывает дискурсивный анализ, контексты, в которых используются данные лексемы, указывают на вектор изменений, где внедрение новых технологий перестает быть чисто техническим процессом, а превращается в глубокое культурное и социальное явление. Основной же вызов сводится к поиску баланса между стремительным технологическим прогрессом и сохранением моральных принципов и норм. Таким образом, КС *искусственный интеллект* становится центральным элементом дискурса, отражающего необходимость переоценки существующих норм:

*С 2023 года началась масштабная **цифровая трансформация**, в рамках которой активно внедряются новые технологии и элементы искусственного интеллекта¹⁷; Применение **ИИ в образовательной***

¹⁰ Очаковский А. Новую специальность могут ввести в колледжах Казахстана // Литер. 29.04.2025. URL: <https://liter.kz/novuii-spetsialnost-mogut-vvest-v-kolledzhakh-kazakhstan-1745936191/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹¹ Муханбетов А. К новым достижениям через реформы в образовании // Казахстанская правда. 10.09.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/k-novym-dostizheniyam-cherez-reformy-v-obrazovanii/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹² Садыков Е. Финансирование колледжей в Казахстане увеличат в 2 раза // Литер. 06.05.2025. URL: <https://liter.kz/finansirovanie-kolledzhei-v-kazakhstan-1746540111/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹³ Гани Т. Колледжи прокачают навыки будущего // Время. 08.01.2025. URL: <https://time.kz/articles/zloba/2025/01/08/kolledzhi-prokacha-yut-navyki-budushhego> (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁴ Круглова Л. Диплом — не всегда гарантия профессионализма // Костанайские новости. 10.04.2025. URL: <https://kstnews.kz/newspaper/diplom-ne-vsegda-garantiya-professionalizma/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁵ Каримова Ш. Формула успеха для Казахстана // Казахстанская правда. 04.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/formula-uspeha-dlya-kazakhstana/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Утеуов М. Технологии меняют государственное управление // Казахстанская правда. 20.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/tehnologii-menyayut-gosudarstvennoe-upravlenie/> (дата обращения: 29.09.2025).

сфере открывает новые перспективы для научной деятельности и подготовки квалифицированных специалистов¹⁸.

Динамическая метафора активного вторжения ИИ-технологий в образовательный процесс подчеркивает стремительность этих изменений:

*В школы уже не стучится, а вламывается искусственный интеллект: дети все чаще просят подсказки у чата GPT*¹⁹.

В этом контексте особую значимость приобретает академическая честность. Этот термин становится не просто требованием, а новой ценностной установкой, которая должна быть воспитана в подрастающем поколении в условиях доступности ИИ-инструментов, таких как чат-боты:

*Нам важно воспитать в детях академическую честность в использовании искусственного интеллекта*²⁰.

Это свидетельствует о том, что в медийном дискурсе об ИИ появляются новые ценностные доминанты, связанные с ответственностью, этикой и честностью в эпоху цифровых трансформаций.

Аксиологический каркас самореализации

Тематическая группа «*самореализация*» актуализирует естественную потребность человека в реализации его потенциала возможностей, способностей, талантов, а также его стремление к нахождению своего места в жизни и получению удовлетворения от выбранной деятельности. Анализ КС, связанных с самореализацией, указывает на важность ориентации на высокие результаты в различных профессиональных сферах. В структуру группы входят такие КС, как *успех, труд, профессионализм, признание, награда, усилия, мотивация*, которые в контекстах часто сопровождаются яркими, экспрессивными определениями и предикатами, что служит средством их многократной активации. Лексические вариации одного понятия актуализируют тематические ассоциативные связи.

1. КС *победа, успех* формируют семантическое поле, в котором социальное признание связывается с преодолением и конкуренцией. Спортивные метафоры (*успех на ковре*²¹, *победный почин*²²) проецируются на различные сферы жизни, создавая универсальный код достижений.

2. КС *труд, профессионализм* образуют концептуальную основу, где ценность труда раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: нравственный (*патриотизм и трудолюбие*²³), экономический (*рабочие руки нарасхват*²⁴) и экзистенциальный (*человеку нужен труд*²⁵). Профессионализм при этом связывается с непрерывным развитием (*профессиональное развитие учителя*²⁶). Заметный акцент в казахстанских медиа составляют признание особого статуса рабочих профессий и создание лучших условий для человека труда: *Повысить статус человека труда*²⁷;

¹⁸ Внедрение ИИ в образование обсудили в правительстве РК // Казахстанская правда. 01.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/vnedrenie-ii-v-obrazovanie-obsudili-v-pravitelstve-rk/> (дата обращения: 29.09.2025).

¹⁹ Зенг Ю. К доске или в чат? // Время. 02.05.2025. URL: <https://time.kz/articles/reporter/2025/05/02/k-doske-ili-v-chat> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁰ Там же.

²¹ Трофимов А. Успех на ковре // Время. 20.01.2025. URL: <https://time.kz/articles/sport/2025/01/20/uspeh-na-kovre> (дата обращения: 29.09.2025).

²² Данияров Т. Победный почин // Вечерний Алматы. 11.04.2025. URL: <https://vecher.kz/uploads/files/2025/04/10222857000.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

²³ Левкович Е. Патриотизм и трудолюбие должны прививаться с детства // Казахстанская правда. 21.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/patriotizm-i-trudolyubie-dolzny-privivatsya-s-detstva/> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁴ Евдокименко К. Рабочие руки нарасхват // Время. 21.02.2025. URL: <https://time.kz/articles/reporter/2025/02/21/rabochie-ruki-narashvat> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁵ Чулембаев М. Человеку нужен труд // Литер. 14.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/f9dad991ed231484cf9e2994477a-9b3e44914c6b.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁶ Профессиональное развитие учителя – основа трансформации сельской школы // Казахстанская правда. 28.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/professionalnoe-razvitiye-uchitelya-osnova-transformatsii-selskoy-shkoly/> (дата обращения: 29.09.2025).

²⁷ Тысымбаева Д. Повысить статус человека труда // Литер. 09.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/798a6b0a78969ef-49cbe5127866709e2ce79bfff0.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

*Успех — через честный труд*²⁸; *Рабочим профессиям — лучшие условия*²⁹; *Рабочие профессии в тренде*³⁰. Данный медийный тренд связан с Годом рабочих профессий, объявленным в Казахстане в 2025 году.

3. КС *признание, награда* используются как механизмы социальной верификации успеха. Спектр признания чрезвычайно широк: от академических вершин (*мировое признание ученого*³¹) до общественных (*народное признание*³²). Каждая награда (*дважды награжденный*³³) выступает социальным маркером, подтверждающим ценность усилий.

4. КС *усилия, мотивация* образуют динамический кластер, акцентирующий процесс достижения. Ключевыми становятся концепты волевого преодоления (*приложить усилия*³⁴, *неустанные усилия*³⁵), предпринимательской инициативы (*лучшая мотивация — финансовая*³⁶) и командной синергии (*сосредоточить наши усилия*³⁷, *консолидация усилий*³⁸). Метафоры энергии и динамики (*удвоить усилия*³⁹, *повышать мотивацию*⁴⁰) создают образ общества в развитии.

Выявленные группы образуют взаимосвязанную систему: труд создает основу для достижений (1→2), которые получают социальное признание (2→3), требующее постоянных усилий (3→4), поддерживаемых иррациональной мотивацией (4→5). Такая циклическая модель отражает глубинные механизмы проявления успеха в медиадискурсе, где рациональное и эмоциональное не противостоят, а взаимно усиливают друг друга.

КС, конструирующие национально-культурную идентичность

Тема национально-культурной идентичности занимает в казахстанских СМИ особое место. Выявлены КС, актуализирующие смыслы, связанные с исторической преемственностью, культурной идентичностью и духовным самосознанием. Эта ценностная конструкция структурирована вокруг КС *традиция, история, прошлое, культура, язык, патриотизм*, которые функционируют как доминанты в медиадискурсивном пространстве и реализуются через специфические языковые маркеры, речевые сценарии и интертекстуальные аллюзии. Прежде всего в текстах прослеживается четкая установка на необходимость сохранения исторической памяти как фундамента формирования национального самосознания. Такие устойчивые словосочетания, как *живая связь с историей, мудрость предков, летопись настоящего героя* выполняют роль семантических опор, активирующих сакральный пласт национального прошлого. Показательно, что историческое знание репрезентируется не только через хроникально-фактические описания,

²⁸ Свич С. Профессиналом можно стать со студенческой скамьи // Индустриальная Караганда. 21.05.2025. URL: https://inkaraganda.kz/main_news/professionalom-mozhno-stat-so-studencheskoj-skami/ (дата обращения: 29.09.2025).

²⁹ Сарин К. Рабочим профессиям — лучшие условия // Литер. 09.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/798a6b0a78969ef49cbe5127866709e2ce79bf0.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁰ Рабочие профессии в тренде: чемпионат World Skills проходит в Караганде // Вечерний Алматы. 20.05.2025. URL: <https://vecher.kz/ru/article/rabochie-professii-v-trende-chempionat-worldskills-prohodit-v-karagande.html> (дата обращения: 29.09.2025).

³¹ Турысбекова А. История Галымжана Габдрешова воодушевляет // Казахстанская правда. 03.05.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/istoriya-galymzhana-gabdrashova-voodushevyat/> (дата обращения: 29.09.2025).

³² Қасымбек А. Народное признание как символ успеха // Литер. 18.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/e09440cd77-197a3015f0225852976634644beb05.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

³³ Глава государства выступил на церемонии награждения работников культуры и искусства // Время. 20.05.2025. URL: <https://time.kz/news/politics/2025/05/20/glava-gosudarstva-vystupil-na-tseremonii-nagrazhdeniya-rabotnikov-kultury-i-iskusstva> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁴ Зенг Ю. Лук света // Время. 07.06.2024. URL: <https://time.kz/articles/sport/2024/06/07/luk-sveta> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁵ Баталова В. Казахстан придает особое значение дружбе с соседями // Казахстанская правда. 24.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/my-pridaem-osoboe-znachenie-ukrepleniyu-druzhby-s-sosednimi-stranami-prezident/> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁶ Бахарева Е. Ищем квалифицированных на низкооплачиваемую работу // Время. 25.09.2024. URL: <https://time.kz/articles/zloba/2024/09/25/ishhem-vysokokvalifitsirovannyh-na-nizkooplachivaemuyu-rabotu> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁷ Сыздыкова Л. Залог успеха — трудолюбие, предприимчивость и сплоченность // Казахстанская правда. 12.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/zalog-uspeha-trudolyubie-predpriimchivost-i-splochnenost/> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁸ Кильков В. Обмен творческим наследием человечества // Литер. № 35 (4579). 03.04.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/04/ee2b22a2363907f5ddf62a8774dcc69620c4c7cf.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

³⁹ Токаев: Мы должны найти правильный баланс между экономикой и климатической повесткой // Казахстанская правда. 04.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/tokaev-my-dolzhy-nayti-pravilnyy-balans-mezhdu-ekonomikoy-i-klimaticheskoy-povestkoy/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁰ Шилибекова А. «Устаз»: поворот в профессии педагога // Казахстанская правда. 22.05.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/staz-povorot-v-professii-pedagoga/> (дата обращения: 29.09.2025).

но и через медиалингвистически оформленные биографемы: «*История гвардии сержанта Маратхана Айтбаева — это летопись настоящего героя...*»⁴¹, «*Алькей Маргулан стал проводником между прошлым и будущим*»⁴² и др. Эти высказывания опираются на стратегию героизации, типичную для национального патриотического дискурса.

Важный акцент в дискурсивном конструировании ценностей делается на языке как неотъемлемом элементе культурного кода, механизме межпоколенческой передачи традиций и маркер принадлежности к этносу. Языковая репрезентация этой идеи осуществляется через предикации: *посредством языка передаются обычаи, язык — фактор профессионального роста, вопрос языка связан с идентичностью*. Данные конструкты последовательно создают образ языка как: 1) хранителя традиций (акцент на трансляционной функции); 2) социального лифта (инструментальная ценность); 3) основы самоидентификации (экзистенциальное значение). Формируется идеологема «язык как судьба нации», отсылающая к глубинной лингвоаксиологической установке:

*Казахский язык открывает доступ к богатому наследию культуры, служа мостом между поколениями и этносами*⁴³; *Казахский язык — ключевой элемент национальной идентичности граждан*⁴⁴; *Знание казахского языка открывает большие перспективы для карьерного и творческого роста*⁴⁵; *Национальная идентичность каждого народа передается через родной язык*⁴⁶; *Знание казахского языка превращается в неперенный фактор профессионального роста и личного успеха*⁴⁷.

Отметим, что КС язык функционирует здесь не только как прямая номинация, но и как элемент разветвленной семиотической системы, где вербальные и невербальные практики взаимно усиливают друг друга. Так, дискурсивный характер анализа проявляется в выявлении практик языкового существования, где концепт **язык** материализуется через реальные примеры кодового переключения [28; 29]. Включение казахоязычных номинативов (фестонимов — *Наурызнама, Көрісу күні*, прагматонимов — *Ұлы дала жорығы, Ардагерлерді ардақтайық*, эргонимов — *Жетісу саятшылары, Қабанбай дарабоз*, а также социальных онимов — *Халық Қаһарманы, Алтын Алқа*) в русскоязычные тексты выполняет двойную функцию: 1) номинативную — обозначение уникальных культурных концептов и 2) символическую — визуальное маркирование полиэтнического пространства. Особенно показательно использование терминов этнических игр (*асық ату, толағай, жаппай көкпар*), которые выступают не просто лексическими вкраплениями, а элементами «живой традиции». Через эти языковые практики дискурс визуализирует билингвальную реальность, создает эффект естественности сосуществования языков и превращает казахский язык из темы обсуждения в элемент коммуникации.

Таким образом, анализ демонстрирует как эксплицитную стратегию (прямые высказывания о значимости языка), так и имплицитную (естественное вплетение казахской лексики в текст). Это создает эффект языковой среды, где дискурс о языке подкрепляется практиками его использования, формируя целостный образ языка как живого организма, а не абстрактного понятия.

⁴¹ Мезенцев Р. Легенда по имени Маратхан // Литер. № 21 (4565). 22.02.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/02/4e6e9f3f871b-c182ab16e327be1438bebcff0db4.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴² Бұхарбай Қ. Наследие, которым мы дорожим: день культуры и национальных традиций отмечают сегодня в Казахстане // Индустриальная Караганда. 17.03.2025. URL: https://inkaraganda.kz/main_news/nasledie-kotorym-my-dorozhim-den-kultury-i-nacionalnyh-tradicij-otmechajut-segodnja-v-kazahstane/ (дата обращения: 29.09.2025).

⁴³ Кратенко А. «Языковой караван» сплавивает // Казахстанская правда. 20.12.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/yazykovoy-karavan-splavivaet/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁴ Калымов А. Развитие национальных традиций играет важную роль в популяризации языка // Казахстанская правда. 25.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/razvitie-natsionalnyh-traditsiy-igraet-vazhnuyu-rol-v-populyarizatsii-yazyka/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Наговицын С. За язык никто не тянет // Казахстанская правда. 15.11.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/za-yazyk-nikto-ne-tyanet/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁷ Кабдулов С. Сделать казахский язык модным // Казахстанская правда. 07.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/sdelat-kazahskiy-yazyk-modnym/> (дата обращения: 29.09.2025).

Дискурсивное конструирование социальной справедливости

Тематическая группа «*социальная справедливость*» представлена КС, формирующими представление об обществе, в котором каждый гражданин имеет равные возможности для развития и самореализации. В прессе рассматриваемого хронологического периода особое внимание уделяется двум основным направлениям данной группы, связанным с КС *женщина* и *инклюзия*: укреплению статуса женщины в социуме и формированию инклюзивного общества.

Казахстанские СМИ активно формируют новое представление о месте женщины в обществе, смещая акцент с традиционной роли хранительницы семейного очага на образ активной, полноправной участницы общественно-политических процессов. Надо отметить, что актуализация тем женской субъектности в казахстанских медиа тесно коррелирует с общественным резонансом, вызванным делом Бишимбаева, ставшим поворотной точкой в публичном обсуждении вопросов гендерного насилия, прав женщин и институционального молчания. На этом фоне фиксируется заметное усиление дискурсов, переопределяющих традиционные роли. Эти изменения свидетельствуют не столько о спонтанной эволюции нарративов, сколько о целенаправленном лингвистическом конструировании новой гендерной парадигмы в условиях социокультурной трансформации. Этот процесс представляется не просто отражением перемен, а сознательным конструированием новой социальной реальности через язык и нарративы.

Исторически сложившийся образ женщины в казахской культуре был тесно связан с домом и семьей. Однако современная пресса последовательно демонстрирует, как женщины осваивают пространства, ранее считавшиеся преимущественно мужскими: политику, бизнес, силовые структуры, высокие технологии. Вместо абстрактных рассуждений о равенстве газеты приводят конкретные примеры: *Сегодня женщины доказывают, что могут быть отличными аналитиками, менеджерами и даже пилотами. <...> ...начальник кафедры управления правоохранительной деятельности Алматинской академии МВД РК полковник полиции Майя Токсанова. Она говорила о роли женщин в правоохранительных органах*⁴⁸.

Примечательно, что СМИ не просто фиксируют эти изменения, но и подчеркивают их системный характер, связывая с конкретными государственными инициативами. Эти факты подаются не как сухие статистические данные, а как свидетельства целенаправленной политики: *Сегодня только 8–11% женщин занимают руководящие позиции в корпоративном управлении. Однако, согласно Указу Президента, к 2030 году этот показатель должен достичь 30%*⁴⁹; *Женщины-лидеры города Астаны пополнили ряды партии «AMANAT»*⁵⁰.

Бизнес-истории успеха — еще один важный пласт нарративов. Рассказы о женщинах, которые «утроили доходы» с помощью маркетинговых и ИИ или открыли коррекционные центры для особенных детей, выполняют двойную функцию. С одной стороны, они вдохновляют, с другой — подчеркивают практическую пользу их деятельности для общества. Успех здесь измеряется не только личным благополучием, но и вкладом в решение социальных задач: *Любовь Чернышева утроила доходы своего бизнеса по продаже воздушных шаров Harryball, используя маркетинговые и технологии искусственного интеллекта. Радмила Жакутова стала имидж-стилистом и запустила проект «Кардинальное преображение КЗ», преодолев синдром самозванца. Алия Ахметова открыла второй коррекционный центр «Ерекше Балалар» и выиграла несколько грантов*⁵¹.

⁴⁸ Турсыбекова А. Путь к успеху в мужских профессиях // Казахстанская правда. 07.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/put-k-uspehu-v-muzhskih-professiyah/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁴⁹ Сыздыков А. Столичная предпринимательница вдохновляет женщин заниматься бизнесом // Казахстанская правда. 08.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/stolichnaya-predprinimatelnitsa-vдохновляет-zhenshchin-zanimatsya-biznesom/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁰ Чулембаев М. Истоки справедливого общества // Литер. № 9 (4553). 25.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/bb53bc46abdf73aa83595c241ce696e3774f72e1.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵¹ Аймуканова А. Одной рукой женщина качает колыбель, а другой — ведет свой бизнес // Литер. № 9 (4553). 25.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/bb53bc46abdf73aa83595c241ce696e3774f72e1.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

Важный момент, на который стоит обратить внимание, — это трансформация самого понятия успеха. Если раньше женские достижения часто рассматривались в контексте личного или семейного благополучия, то теперь СМИ последовательно связывают их с общественным служением. Фразы, такие как «женщины хотят служить обществу» или «берут на себя ответственность за развитие», становятся смысловыми маркерами этой трансформации: *Социальные вопросы лежат на плечах женщин. Это говорит о том, что они хотят служить обществу, помогать другим*⁵²; *Активные и целеустремленные женщины столицы готовы взять на себя ответственность за развитие нашего общества*⁵³.

Как иллюстрирует материал, казахстанская пресса выходит за рамки функции простого информирования, становясь активным участником переосмысления социальных ролей. Анализ медийного дискурса показывает, как через сочетание конкретных примеров, ссылок на политические решения и переформулировку ценностей происходит конструирование нового образа женщины.

Анализ казахстанской сетевой прессы свидетельствует о формировании устойчивой аксиосферы, конституируемой вокруг ценностей социальной инклюзивности, равных возможностей и гражданской солидарности.

В текстах прессы активно используется лексика пространственной инклюзии: *адаптировано, устранение барьеров, доступная среда*, что указывает на метафоризацию телесного присутствия в социальном пространстве как индикатора справедливости: *Алматы занимает лидирующие позиции в создании инклюзивной среды*⁵⁴; *Для детей с особыми потребностями создана безбарьерная среда*⁵⁵; *ЦИК проверяет физическую доступность избирательных участков*⁵⁶.

Пресса активно транслирует участие людей с инвалидностью в трудовой, культурной и спортивной жизни, формируя картину повседневной нормализации: *В Астане прошел детский инклюзивный спортивный фестиваль «Тең мүмкіндіктер»*⁵⁷; *Трудоустроены 111,4 тыс. трудоспособных лиц с инвалидностью*⁵⁸; *Организовано пленарное заседание о трудоустройстве матерей детей с инвалидностью*⁵⁹. Как видно, включенность репрезентируется как социально нормированное поведение, отражающее гуманистический вектор трансформации общества.

Репрезентация семейных ценностей

Тематическая группа «*семейные ценности*» базируется на традиционных представлениях общества о значении и роли института семьи, репрезентируемых КС *семья*. Вокруг данного КС формируется семантическое поле, в которое входят такие лексические единицы, как *брак, родительство, уважение старших, связь поколений, долг, забота и воспитание*. Эти единицы указывают на определенные дискурсивные стратегии и практики, направленные на укрепление традиционных семейных ценностей.

Рассматриваемый дискурс, несмотря на общую позитивную направленность, делится на две основные группы, где первая группа отражает конкретные дискурсивные стратегии:

⁵² Сыздыков А. Столичная предпринимательница вдохновляет женщин заниматься бизнесом // Казахстанская правда. 08.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/stolichnaya-predprinimatelnitsa-vдохновляет-zhenshchin-zanimatsya-biznesom/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵³ Чулембаев М. Истоки справедливого общества // Литер. № 9 (4553). 25.01.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/01/bb53bc46abdf73aa83595c241ce696e3774f72e1.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁴ Очаковский А. Усилить работу по организации инклюзивного образования поручили в ряде школ Алматы // Литер. 14.04.2025. URL: <https://liter.kz/usilit-rabotu-po-organizatsii-inkliuzivnogo-obrazovaniia-poruchili-v-riade-shkol-almaty-1744651954/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁵ Кратенко А. Инновации и инклюзивность // Казахстанская правда. 13.11.2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/innovatsii-i-inklyuzivnost/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁶ Сыздыкова Л. Инклюзия в электоральных процессах // Казахстанская правда. 22.04.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/inklyuziya-v-el-ektoralnyh-protsessah/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁷ Очаковский А. Инклюзивные спортивные соревнования прошли при поддержке AMANAT // Литер. 04.05.2024. URL: <https://liter.kz/ten-mumkindikter-pri-podderzhke-amanat-proshli-inkliuzivnye-sportivnye-sorevnovaniia-1714835255/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁸ Михайлова А. Равенство, безопасность и вовлеченность: как устроена инклюзия в Казахстане // Казахстанская правда. 01.02.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/ravenstvo-bezopasnost-i-vovlechennost-kak-ustroena-inklyuziya-v-kazahstane/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁵⁹ Шарипханова А. Мир без барьеров – равные возможности для всех // Литер. 28.06.2024. URL: <https://liter.kz/mir-bez-barerov-ravnye-vozmozhnosti-dlia-vsekh-1719576389/> (дата обращения: 29.09.2025).

1) проблемно-реактивная стратегия — освещение актуальных проблемных вопросов в сфере семейных отношений, что требует профилактических мероприятий по их решению;

2) институционально-поддерживающая стратегия — представление законодательных мер и государственных/общественных инициатив, направленных на поддержку и развитие семейно-брачных отношений:

Государство создает все необходимые условия для того, чтобы каждая семья чувствовала поддержку⁶⁰; В рамках Плана мероприятий по сохранению и укреплению института семьи и брака на 2025–2027 годы и воспитательной программы «Біртұтас тәрбие» для школьников 9–11-х классов будут проходить уроки по семейному воспитанию, подготовке к созданию брачных союзов в будущем⁶¹;

3) культурно-инициативная стратегия — освещение тематических акций и конкурсов, которые популяризируют традиционные ценности и привлекают внимание общественности:

В Семее прошел «Семейный день в театре». В конце встречи зрители посмотрели спектакль «Өкінішті өмір», который поднимает проблематику семейных отношений⁶²; В столице подвели итоги конкурса «Лучшая молодая семья-2024»⁶³.

Из вышеизложенного видно, что медийный дискурс активно использует лексические единицы и примеры, чтобы сформировать и поддержать в обществе установку на традиционные семейные ценности, делая это через демонстрацию мер поддержки и положительных примеров.

Во вторую группу входят тексты, которые транслируют идеальный образ современной семьи и семейных отношений. КС *семья* в данной группе материалов используется в контекстах, которые формируют позитивную аксиологическую модель в казахстанском обществе. Отметим, что данная тема представлена преимущественно в материалах республиканских СМИ.

Дискурсивный анализ показывает, что вокруг данного КС выстраивается семантическое поле, напрямую связанное с духовно-нравственными ценностями и национальным культурно-историческим контекстом. Выделяются три основные дискурсивные стратегии:

1) стратегия преемственности и расширенной семьи, реализуемая через акцентирование лексических единиц, описывающих межпоколенческие связи — *ветеран тыла, дети, внуки и правнуки, близкие родственники*, подчеркивая таким образом заботу о старших и важность совместного проживания:

Сейчас ветеран тыла окружена заботой детей, внуков и правнуков⁶⁴; Полная семья в традиционном ее понимании — это папа, мама и дети. Сюда можно включить близких родственников по отцовской и материнской линиям⁶⁵; Сейчас мы живем вместе с младшим сыном, его женой и нашими внуками⁶⁶;

2) стратегия гендерного разделения ролей, где четко утверждается традиционная семейная иерархия с помощью таких единиц, как *глава семьи, отец, Атлант*, отвечающий за *благополучие и защищенность*, и *хранительница домашнего очага — мать*, обеспечивающая гармонию:

⁶⁰ Анатольева С. Государство создает все необходимые условия для того, чтобы каждая семья чувствовала поддержку // Индустриальная Караганда. 24.05.2025. URL: <https://inkaraganda.kz/novosti/obshhestvo/gosudarstvo-sozdaet-vse-neobhodimye-usloviya-dlja-togochtoby-kazhdaja-semja-chuvstvovala-podderzhku/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶¹ Михайлова А. Брак без брака // Казахстанская правда. 28.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/brak-bez-braka/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶² Шарипханова А. Воспитание театром // Литер. № 39 (4583). 12.04.2025. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2025/04/9da50cfb1ed-61b1486e00292d2c58b42bcb58232.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶³ Скрелинг А. Династические упражнения // Время. 29.11.2024. URL: <https://time.kz/articles/reporter/2024/11/29/dinasticheskie-uprazhneniya> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶⁴ Байшуленов А. Главное в семье — совет да любовь // Казахстанская правда. 01.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/glavnoe-v-seme-sovet-da-lyubov/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶⁵ Оркушпаева Н. Папа вам — не мама // Казахстанская правда. 13.02.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/papa-vam-ne-mama/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶⁶ Чулембаев М. Хлеб, заработанный честным трудом, самый вкусный // Литер. № 144 (4542). 26.12.2024. URL: <https://liter.kz/uploads/issues/2024/12/feb09907f65be0b7183754a2a27dd08ef92495d0.pdf> (дата обращения: 29.09.2025).

*У каждого есть свои обязанности*⁶⁷. Мужчина — **глава семьи**, отвечающий за ее благополучие: **Атлантом**, на чьих плечах держится ячейка общества, является **отец**. Именно от него зависит благосостояние, защищенность, **безопасность семьи**⁶⁸. Женщина — хранительница домашнего очага, обеспечивающая гармоничное развитие семейных отношений: *Его мать всегда ставила интересы детей и семьи выше собственных желаний*⁶⁹.

3) стратегия продолжения рода и идеализации основ, где **многодетные семьи** и **преемственность поколений** подаются как примеры для подражания, а лексика, описывающая фундамент отношений — **уважение, взаимопонимание, трудолюбие, верность традициям, добро и доверие**, — формирует нормативную модель для построения **хорошей семьи**. Таким образом, КС семья в этом дискурсе служит инструментом для утверждения традиционной иерархической модели как общественного и морального идеала:

*У обоих братьев Арайлым — многодетные семьи. У старшего тоже пятеро детей, у среднего — шестеро*⁷⁰; *Семья Жумабековых, воспитавшая семерых детей, — это пример крепких семейных уз и преемственности поколений*⁷¹; *Конкурс призван служить примером для семей, достойно несущих преемственность кропотливого труда, нравственного воспитания, добрых традиций*⁷²; *Хорошую семью построить просто. Все, что для этого требуется, — жить заботами друг друга. Важно, чтобы в семье царила атмосфера добра и доверия, были совместные традиции, стремление помочь друг другу, поддержать. Это объединяет*⁷³.

Семья рассматривается не только как основная, жизненно необходимая потребность каждого человека: **Крепкая семья и любящие родители — главное для каждого человека**⁷⁴, но и как базовый элемент современного общества, гарант стабильности государства, строящейся на нравственном здоровье молодого поколения: **Чем крепче семьи, тем сильнее государство**⁷⁵; **Семья — это опора любого государства, основа воспитания поколений**⁷⁶.

В то же время цивилизационные тренды современности, безусловно, оказывают влияние и на казахстанское общество. Транслируемые внешними ресурсами ценности индивидуализма, личностного комфорта и свободы становятся источниками кризисных семейно-брачных явлений, трансформирующих систему казахстанских аксиологических ориентаций. Однако альтернативные ценностные ориентации (такие как **профессиональная деятельность, карьерный рост, личная и материальная независимость** и др.) в прессе не противопоставляются традиционному семейному укладу, а консолидируются в обновленную форму семейных отношений. Так, к примеру, в некоторых материалах специальной рубрики, выражающей индивидуальное мнение и точку зрения журналиста-обозревателя, наблюдаются попытки стимуляции размышлений читательской аудитории на тему пересмотра исторически устоявшихся процессов распределения

⁶⁷ Доброта Л. Семья Алимбаевых: любовь, взаимопонимание и поддержка // Казахстанская правда. 20.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/semya-alimbaevyh-lyubov-vzaimoponimanie-i-podderzhka/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶⁸ Оркушпаева Н. Папа вам — не мама // Казахстанская правда. 13.02.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/papa-vam-ne-mama/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁶⁹ Токаев поделился воспоминаниями о своей матери // Время. 11.05.2025. URL: <https://time.kz/news/politics/2025/05/11/tokaev-podelil-sya-vospominaniyami-o-svoej-materi> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷⁰ Доброта Л. Семья Алимбаевых: любовь, взаимопонимание и поддержка // Казахстанская правда. 20.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/semya-alimbaevyh-lyubov-vzaimoponimanie-i-podderzhka/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷¹ Волкова О. Весна, традиции и семейные ценности: как в Нурынском районе отмечают Наурыз // Индустриальная Караганда. 18.03.2025. URL: <https://inkaraganda.kz/novoši/regiony/vesna-tradicii-i-semejnye-cennosti-kak-v-nurinskom-rajone-otmechajut-nauryz/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷² Скрелинг А. Династические упражнения // Время. 29.11.2024. URL: <https://time.kz/articles/reporter/2024/11/29/dinasticheskie-uprazhneniya> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷³ Доброта Л. Семья Алимбаевых: любовь, взаимопонимание и поддержка // Казахстанская правда. 20.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/semya-alimbaevyh-lyubov-vzaimoponimanie-i-podderzhka/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷⁴ Анатольева С. Государство создает все необходимые условия для того, чтобы каждая семья чувствовала поддержку // Индустриальная Караганда. 24.05.2025. URL: <https://inkaraganda.kz/novosti/obshhestvo/gosudarstvo-sozdaet-vse-neobhodimye-usloviya-dlja-togo-htoby-kai-zhdaja-semja-chuvstvovala-podderzhku/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷⁵ Байшуленов А. Главное в семье — совет да любовь // Казахстанская правда. 01.03.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/glavnoe-v-seme-sovet-da-lyubov/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷⁶ Скрелинг А. Династические упражнения // Время. 29.11.2024. URL: <https://time.kz/articles/reporter/2024/11/29/dinasticheskie-uprazhneniya> (дата обращения: 29.09.2025).

семейных ролей (см. публикации «„Латте-папа“ на замену маме?»⁷⁷ или «Чем папа хуже?»⁷⁸). Провокационный подтекст риторического вопроса заголовков вызывает у читателя заложенную в заголовке интерпретацию ситуации: в первом случае — изменение роли отца в семье и замещение материнской роли, во втором случае — когнитивное напряжение, сигнализирующее о необходимости корректировки привычных убеждений по отношению к статусу отцовства. Контекстуальное окружение модных иноязычных лексем (лексема «латте» и концептуальное понятие «латте-папа») служит дополнительным элементом эмоционального воздействия и активацией новой семейной реальности, символизирующей современный стиль жизни.

Заключение

Проведенное исследование показало, что тесное сочетание количественного анализа КС и их последующего качественного дискурсивного изучения дает глубокое понимание ценностных смыслов в медийном пространстве. Исследование подтвердило, что для объективного представления об аксиосфере Казахстана целесообразна систематизация ценностей и ценностных компонентов, не дублирующая известные ценностные теории, а дополненная с учетом реалий и практик Казахстана. Работа с программой MAXQDA обеспечила не просто подсчет частотности, а выделила репрезентативную лексику — КС, которые стали отправной точкой для содержательной интерпретации. Дискурсивный анализ помог перейти к пониманию того, как именно эти слова используются для конструирования реальности.

Представленная ценностная система, функционирующая в рамках выявленных тематических групп, отражает актуальное состояние доминирующих ценностных ориентиров казахстанского общества, транслируемых в казахстанском медиадискурсе. Можно утверждать, что духовно-нравственные ценности, обусловленные национальным культурным кодом и передаваемые из поколения в поколение, могут быть успешно интегрированы с современными тенденциями позитивного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кинфу З.Т., Фадеева А.А.** Особенности функционирования медиaprостранства Казахстана в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, № 1. С. 168–176. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-168-176
2. **Mammadov R.** Emerging perspectives and contemporary debates: assessing the landscape of online media communication research in Central Asia // Online Media and Global Communication. 2023. Vol. 2, Iss. 4. P. 621–650. DOI: 10.1515/omgc-2023-0049
3. **Fairclough N.** Language and Power. 2nd ed. London: Routledge, 2001. 240 p. DOI: 10.4324/9781315838250
4. **Van Dijk T.A.** Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11, Iss. 2. P. 115–140. DOI: 10.1080/13569310600687908
5. **Fischer R., Schwartz S.** Whence Differences in Value Priorities?: Individual, Cultural, or Artifactual Sources // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42, Iss. 7. P. 1127–1144. DOI: 10.1177/0022022110381429
6. **Викуллова Л.Г., Серебrenникова Е.Ф.** Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 55–63.
7. **Дюркгейм Э.** Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Терра, Книжный клуб, 2008. 400 с.

⁷⁷ Левкович Е. «Латте-папа» на замену маме? // Казахстанская правда. 24.01.2025. URL: <https://kazpravda.kz/n/latte-papa-na-zamenu-mame/> (дата обращения: 29.09.2025).

⁷⁸ Тастанова Л. Чем папа хуже? // Время. 10.02.2025. URL: <https://time.kz/articles/zloba/2025/02/10/chem-papa-huzhe> (дата обращения: 29.09.2025).

8. **Брентано Ф.** О происхождении нравственного познания. СПб.: Алетейя, 2000. 186 с.
9. **Зиммель Г.** Избранное. Созерцание жизни. Т. 2. М.: Юрист, 1996. 607 с.
10. **Вебер М.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
11. **Молодыхенко Е.Н.** Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 90–97.
12. **Wanzeck Ch.** Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 183 S.
13. **Niehr Th.** Schlagwort // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Bd. 8: Rhet-St. / hrsg. von G. Kalivoda, F.-H. Robling, Th. Zinsmaier, S. Fröhlich. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 496.
14. **Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б.** Актуальные тренды и факторы влияния на аксиосферу Казахстана: дискурсивный анализ // Вестник Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2025. № 2. С. 77–90. DOI: 10.59102/kufil/2025/iss2pp77-90
15. **Абдигалиева Г.К., Габитов Т.Х., Исмагамбетова З.Н.** Молодежь и ценностные ориентиры казахстанской культуры. Алматы, 2021. 264 с.
16. **Ценности казахстанского общества в социологическом измерении / ред. Л. Гуревич, С. Каплан, Ж. Тулиндинова.** Алматы: Deluxe Printery 2020. 143 с.
17. **Ткачева Н.А., Баймухаметова Р.С.** Ценностные ориентации казахстанской молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 6, Ч. 2. С. 134–139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139
18. **Жаркынбекова Ш.К., Селиверстова Ж.Б.** Лингвистические подходы к изучению социокультурных ценностей в условиях современных вызовов (аналитический обзор) // Язык и литература: теория и практика. 2025. Т. 4, № 1. С. 26–48. DOI: 10.52301/2957-5567-2025-4-1-26-48
19. **Ibrayeva A., Zhanbulatova R.** Formation of national identity in Kazakhstan: challenges for the state and society // Journal of Central Asian Studies. 2024. Vol. 87, Iss. 3. P. 25–33. DOI: 10.52536/2788-5909.2022-3.03
20. **Buribayev Y., Khamzina Z., Buribayeva A.** Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth // Frontiers in Sociology. 2025. Vol. 10. Art. no. 1563274. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1563274
21. **Культура и ценности общества в условиях обновления современного Казахстана / под ред. С.Т. Сейдуманова.** Алматы: ИФПР КН МНВО РК, 2022. 320 с.
22. **Саликжанов Р.С.** Система ценностей современной казахстанской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 2. С. 136–145.
23. **Zharkynbekova Sh., Shakhputova Z., Galiyeva B., Absadyk A.** Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications // Journalism and Media. 2025. Vol. 6, Iss. 32. Art. no. 32. DOI: 10.3390/journalmedia6010032
24. **Chernyavskaya V., Nefedov S.** Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2021. 46. P. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
25. **Zharkynbekova Sh., Aimoldina A.** The Impact of Socio-cultural Context on Composing Business Letters in Modern Kazakhstani Business Community: A cross-cultural Study // Journal of Intercultural Communication Research. 2023. Vol. 52, Iss. 1. P. 56–78. DOI: 10.1080/17475759.2022.2124304
26. **Молодыхенко Е.Н.** Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 122–130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122
27. **Молодыхенко Е.Н.** Метапрагматические дискурсы и жанровая дифференциация в интернет-медиа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 2. С. 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207
28. **Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е.** Казахско-русское смешение кода: метакоммуникативная перспектива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 4. С. 780–798. DOI: 10.21638/spbu09.2022.408
29. **Жаркынбекова Ш.К., Чернявская В.Е.** Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, 2. С. 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

REFERENCES

- [1] **Kinfu Z.T., Fadeeva A.A.**, Functional traits of the media space in Kazakhstan in the context of globalization, *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25 (1) (2020) 168–176. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-168-176
- [2] **Mammadov R.**, Emerging perspectives and contemporary debates: assessing the landscape of online media communication research in Central Asia, *Online Media and Global Communication*, 2 (4) (2023) 621–650. DOI: 10.1515/omgc-2023-0049
- [3] **Fairclough N.**, *Language and Power*, 2nd ed., Routledge, London, 2001. DOI: 10.4324/9781-315838250
- [4] **Van Dijk T.A.**, Ideology and Discourse Analysis, *Journal of Political Ideologies*, 11 (2) (2006) 115–140. DOI: 10.1080/13569310600687908
- [5] **Fischer R., Schwartz S.**, Whence Differences in Value Priorities?: Individual, Cultural, or Artifactual Sources, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42 (7) (2011) 1127–1144. DOI: 10.1177/0022022110381429
- [6] **Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.**, Struktury modelirovaniya cennostnykh orientirov diskursa socialnoy real'nosti v massmediynom kommunikativnom prostranstve [Structures for modelling value orientations in discourse on social reality in the mass media communication space], *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2 (14) (2014) 55–63.
- [7] **Durkheim E.**, *Sotsiologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenye* [Sociology. Its subject, method, purpose], Terra, Knizhnyy klub, Moscow, 2008.
- [8] **Brentano F.**, *O proiskhozhdenii nravstvennogo poznaniya* [On the Origin of Moral Knowledge], Aleteiya, St. Petersburg, 2000.
- [9] **Simmel G.**, *Izbrannoye. Sozertsaniye zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life], Vol. 2, Yurist, Moscow, 1996.
- [10] **Weber M.**, *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works], Progress, Moscow, 1990.
- [11] **Molodychenko E.N.**, Ob operatsionalizatsii kategorii “tsennost” v tekstovom i diskursivnom analize: k voprosu o lingvisticheskoy aksiologii [On the Operationalization of the Category of “Value” in Textual and Discursive Analysis: Towards the Question of Linguistic Axiology], *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (19) (2015) 90–97.
- [12] **Wanzeck Ch.**, *Lexikologie. Beschreibung von Wort und Wortschatz im Deutschen*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 2010.
- [13] **Niehr Th.**, Schlagwort, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, Bd. 8: Rhet-St., hrsg. von G. Kalivoda, F.-H. Robling, Th. Zinsmaier, S. Fröhlich, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, S. 496.
- [14] **Zharkynbekova Sh., Seliverstova Z.**, Current trends in the axiological sphere of Kazakhstan: discourse analysis, *Bulletin of Shokan Ualikhanov Kokshetau University Philological Series*, 2 (2025) 77–90. DOI: 10.59102/kufil/2025/iss2pp77-90
- [15] **Abdgalieva G.K., Gabitov T.Kh., Ismagambetova Z.N.**, *Molodezh' i tsennostnyye orientiry kazakhstanskoy kul'tury* [Youth and Value Orientations of Kazakhstani Culture], Almaty, 2021.
- [16] *Tsennosti kazakhstanskogo obshchestva v sotsiologicheskom izmerenii* [Values of Kazakhstani Society in Sociological Terms], ed. by L. Gurevich, S. Kaplan, Zh. Tulindinova, Deluxe Printery, Almaty, 2020.
- [17] **Tkacheva N.A., Baimukhametova R.S.**, Value orientations of Kazakhstan youth, *Historical and Social Educational Ideas*, 8 (6 (2)) (2016) 134–139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139
- [18] **Zharkynbekova Sh., Seliverstova Zh.**, Linguistic approaches to studying sociocultural values in the context of contemporary challenges (analytical review), *Language and Literature: Theory and Practice*, 4 (1) (2025) 26–48. DOI: 10.52301/2957-5567-2025-4-1-26-48
- [19] **Ibrayeva A., Zhanbulatova R.**, Formation of national identity in Kazakhstan: challenges for the state and society, *Journal of Central Asian Studies*, 87 (3) (2024) 25–33. DOI: 10.52536/2788-5909.2022-3.03
- [20] **Buribayev Y., Khamzina Z., Buribayeva A.**, Between traditions and globalization: value orientations of Kazakhstani youth, *Frontiers in Sociology*, 10 (2025) 1563274. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1563274
- [21] *Kul'tura i tsennosti obshchestva v usloviyakh obnovleniya sovremennogo Kazakhstana* [Culture and Values of Society in the Context of Modern Kazakhstan's Renewal], ed. by S.T. Seydumanov, IFPR KN MNVO RK, Almaty, 2022.

- [22] **Salikzhanov R.S.**, The value system of nowadays Kazakhstani youth, RUDN Journal of Sociology, 2 (2014) 136–145.
- [23] **Zharkynbekova Sh., Shakhputova Z., Galiyeva B., Absadyk A.**, Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications, Journalism and Media, 6 (32) (2025) 32. DOI: 10.3390/journalmedia6010032
- [24] **Chernyavskaya V., Nefedov S.**, Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic?, Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur, 46 (2021) 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
- [25] **Zharkynbekova S., Aimoldina A.**, The Impact of Socio-cultural Context on Composing Business Letters in Modern Kazakhstani Business Community: A cross-cultural Study, Journal of Intercultural Communication Research, 52 (1) (2023) 56–78. DOI: 10.1080/17475759.2022.2124304
- [26] **Molodychenko E.N.**, Values and Evaluation in Discourse of Consumerism: A Pragmalinguistic Analysis, Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences, 3 (2016) 122–130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122
- [27] **Molodychenko E.N.**, Metapragmatic discourses in differentiating genres in online media, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18 (2) (2021) 363–382. DOI: 10.21638/spbu09.2021.207
- [28] **Zharkynbekova Sh.K., Chernyavskaya V.E.**, (2023). Kazakh-Russian code mixing in meta-communicative perspective. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (4) (2022) 780–798. DOI: 10.21638/spbu09.2022.408
- [29] **Zharkynbekova S.K., Chernyavskaya V.E.**, Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 13 (2) (2022) 468–482. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна

Sholpan K. Zharkynbekova

E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>

Селиверстова Жанна Болатовна

Zhanna B. Seliverstova

E-mail: seliverst.zh@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6686-3368>

Поступила: 09.08.2025; Одобрена: 28.10.2025; Принята: 05.11.2025.

Submitted: 09.08.2025; Approved: 28.10.2025; Accepted: 05.11.2025.

Научная статья

УДК 81"33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16404>

EDN: <https://elibrary/WYIJRM>

ИМЕНОВАННЫЕ СУЩНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ: КОРПУСНЫЙ И ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ

М.В. Корышев , М.В. Хохлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

 m.khokhlova@spbu.ru

Аннотация. Анализ имен собственных, упоминаемых в новостных текстах, представляет отдельный исследовательский интерес, поскольку позволяет косвенным образом определить затрагиваемые в изданиях темы. В статье представлены результаты анализа автоматической процедуры по извлечению именованных сущностей на материале немецкоязычной прессы. Исследование было проведено на материале как общегерманских изданий, нацеленных на широкий охват аудитории, так и региональных и локальных газет, ориентированных на более узкую аудиторию федеральных земель Германии. Работа осуществлялась в два этапа: в ходе первого этапа при помощи инструмента Stanza из текстов каждого издания, а также из всей коллекции статей в целом были извлечены сущности, принадлежащие к одной из трех категорий (антропонимы, эргонимы и топонимы), далее для первых 50 частотных единиц были построены семантические сети, отражающие отношения между ними. На следующем этапе работы упомянутые имена собственные были подвергнуты экспертному анализу с последующей кластеризацией, позволившей, во-первых, выделить дополнительные темы, которые не были выявлены на предыдущем шаге при помощи автоматической процедуры, а во-вторых, осуществить глубинный анализ. Результаты показывают превалирование привнесенных в медийное поле тематик, связанных с современной концепцией политического образования, в материалах общегерманской прессы, в то время как локальная тематика по большей части сконцентрирована на местной повестке. Автоматическое выделение именованных сущностей может рассматриваться как необходимый этап для последующего дискурсивного анализа, при этом полученный материал нуждается в дополнительной экспертной оценке.

Ключевые слова: немецкий язык, именованные сущности, кластеризация, корпус текстов, общегерманская пресса, региональная пресса, локальная пресса.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00937, <https://rscf.ru/project/24-28-00937/>

Для цитирования: Корышев М.В., Хохлова М.В. Именованные сущности в немецкоязычной прессе: корпусный и экспертный анализ // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404

NAMED ENTITIES IN THE GERMAN-LANGUAGE PRESS: CORPUS AND EXPERT ANALYSIS

M.V. Koryshev , M.V. Khokhlova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ m.khokhlova@spbu.ru

Abstract. The analysis of proper names mentioned in news texts is of particular research interest, as it allows for indirect identification of the topics covered in the publications. This article presents the results of an analysis of an automatic procedure for extracting named entities using material from the German-language press. The study was conducted on both national German publications aimed at a broad audience and regional and local newspapers aimed at a narrower audience in the federal states of Germany. The work was conducted in two stages: during the first stage, entities belonging to one of three categories (anthroponyms, ergonyms, and toponyms) were extracted from the texts of each publication, as well as from the entire article collection, using the Stanza tool. Semantic networks reflecting the relationships between these entities were then constructed for the first 50 frequent lexemes. In the next stage of the work, the aforementioned proper names were subjected to expert analysis and subsequent clustering, which allowed, firstly, the identification of additional themes not identified in the previous step using the automated procedure, and secondly, the implementation of an in-depth analysis. The results show the prevalence of themes introduced into the media field related to the modern concept of political education in national press materials, while local themes were largely concentrated on the local agenda. Automatic identification of named entities can be considered a necessary step for subsequent discourse analysis, although the resulting material requires additional expert evaluation.

Keywords: German language, named entities, clusterization, text corpora, national German text-based media, regional press, local press.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00937, <https://rscf.ru/project/24-28-00937/>

Citation: Koryshev M.V., Khokhlova M.V., Named Entities in the German-Language Press: Corpus and Expert Analysis, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 59–73. DOI: 10.18721/JHSS.16404

Введение

Автоматическое распознавание именованных сущностей (англ. named entity recognition) относится к одной из актуальных задач более широкого направления в компьютерной лингвистике — извлечения информации [1]. Под именованными сущностями понимаются имена, названия мест и организаций, которые упоминаются в текстах. Полученные данные могут быть структурированы и внесены в базу данных с целью дальнейшего применения в разнообразных приложениях. Соответствующая информация традиционно востребована в поисковых и в вопросно-ответных системах (например, [2, 3]) или при суммаризации материала (например, [4, 5]), однако заслуживает отдельного изучения при анализе средств массовой информации, поскольку связана с затрагиваемыми в них темами и может указывать на интересы читателей (или редакторов). Т.В. Шмелева [6] подчеркивает важность изучения ключевых слов, среди которых выделяет категорию «субъекты», при описании жизни общества, а также отношения граждан к текущей политической ситуации. Л. Цонева [7] рассматривает ключевые имена в медиадискурсе на материале российских СМИ, уделяя внимание политическим деятелям и предлагая для их обозначения термин ключевые имена, отмечая тем самым их значение. Таким образом именованные сущности могут служить важной приметой времени, создавая его портрет [8, 9].

Исследования ономастического материала проводились в разных работах¹ [10; 11], однако представляют отдельный интерес при исследовании медиадискурса ввиду их субъектной отнесенности. В нашей работе проведен анализ, направляемый корпусом, предложенный Дж. Синклером [12] и развиваемый в настоящее время в традициях дискурсивного подхода (см., например, [13]).

Являясь широким семантическим классом, имена собственные включают целый ряд разнородных объектов. Исследователи сходятся во мнении, что к ним можно причислить, например, антропонимы, эргонимы, топонимы, зоонимы или космонимы² [11], однако в рамках обработки текстов на естественном языке ставится более узкая задача. Традиционно используется классификация по трем категориям, подразумевающая разделение на антропонимы, эргонимы и топонимы, тем не менее дополнительно в ходе проведения процедуры алгоритмы могут маркировать и иные типы информации, например темпоральные выражения (даты) или числовые комплексы (суммы, индексы, номера телефонов). Решение задачи по автоматическому выделению именованных сущностей сводится к следующим процедурам: во-первых, определение, является ли найденная единица таковой, и, во-вторых, в случае положительного ответа — установление для нее соответствующей метки.

В рамках нашего исследования извлечение лексических единиц, обозначающих имена собственные, было произведено на материале немецкоязычных новостных текстов с целью определения круга потенциальных тем, которые в них затрагиваются эксплицитно или имплицитно, а также векторов интересов аудитории. При междисциплинарном подходе, реализуемом в настоящей работе, собственно лингвистической исследовательской задачей является анализ места именованных сущностей в дискурсивных практиках разноуровневых печатных средств массовой информации.

Поскольку в ФРГ важную роль играют федеральные земли, обладающие автономией по обширному кругу вопросов, тогда как за федеральным центром закреплены вопросы внешней политики обороны и т.п., что обусловлено исторически (единая Германия сложилась в 1871 году именно как федеральный союз во главе с императором немцев, а не Германии, и эта империя была в значительной мере децентрализована в культурном и экономическом отношении), то медийный ландшафт этой страны отражает особенности ее государственного устройства: как и в любой стране, имеются средства массовой информации общегосударственного уровня, однако сильными игроками на этом поле являются и региональные издания, освещающие как общегерманскую, так и региональную повестку с позиции того или иного культурно-экономического ландшафта, и локальные издания, являющиеся рупором умонастроений и интересов жителей отдельного города или муниципального образования. Таким образом речь идет о трех категориях прессы, которые нацелены как, с одной стороны, на разную тематику (или на ее отражение на страницах печати в разном процентном соотношении), так и, с другой стороны, на разную аудиторию.

Если сравнить ландшафт печатных СМИ в Германии и России, то необходимо отметить две особенности: 1) децентрализованность — если в Российской Федерации общегосударственные СМИ связаны с Москвой как столицей страны, то германские СМИ этого уровня выпускаются в самых разных регионах этой страны; 2) большая значимость региональных и локальных СМИ в медийном ландшафте Германии как отражение исторически обусловленного своеобразия страны, о котором говорилось выше; 3) большая приверженность к чтению печатных изданий германской аудитории в сравнении с Россией (чтение печатной газеты как культурный ритуал).

¹ Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дисс. ... д-ра филол. наук: специальность 10.02.01. Волгоград, 2000; Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

² Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики: учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Перемена, 2015. 152 с.

С учетом особенностей германского медийного ландшафта будет справедливым утверждение: изучение процессов становления общественного мнения как комплексной сущности, отражающей как умонастроения населения, так и установки, формируемые в рамках политического образования государственными и квазигосударственными акторами («СМИ как голос населения» и «СМИ как школа политического образования»), подводит нас к анализу материалов трех вышеупомянутых групп печатных СМИ, что позволит выявить общее ядро, в котором будут совмещены умонастроения германского общества, созвучные идеям политического образования, а также периферийные зоны, которые дадут представление о умонастроениях населения как на общегерманском, так и на регионально-локальном уровнях.

Материал и методология исследования

В качестве источника общегерманского печатного СМИ нами было рассмотрено такое крупное издание, как “Die Zeit”³. Общий объем собранных текстов составил более 30 тыс. статей (5,5 млн словоупотреблений), период охвата материала – с 1997 по 2024 год по разным тематическим разделам, доступным на сайте. Региональная и локальная пресса представлена девятью изданиями, отражающими разнообразие германского культурно-экономического ландшафта: север Германии – “Lübecker Nachrichten”⁴, обширный нижнесаксонский регион (север центральной части страны) – “Niedersächsische Tageszeitung”⁵ и таким локальным изданием, как “Neue Osnabrücker Zeitung”⁶, западные регионы страны – “Westdeutsche Allgemeine Zeitung”⁷, рейнский регион – “Rheinische Post”⁸, а также “Kölner Stadt-Anzeiger”⁹ как локальное издание, восток Германии – “Thüringer Allgemeine”¹⁰, юго-западные регионы страны – “Stuttgarter Allgemeine”¹¹ и, наконец, юго-восточный культурный ландшафт (Бавария) – “Augsburger Allgemeine”¹². Нами были собраны тексты общим объемом более 11 тыс. статей (4,5 млн словоупотреблений).

Для немецкого языка существует целый ряд систем, в том числе мультязычных, которые позволяют автоматически извлекать именованные сущности (например, SpaCy¹³ или Stanza¹⁴). Для дальнейшей работы нами был выбран фреймворк Stanza, который основан на нейросетевых алгоритмах, что дает возможность их эффективно обучать на пользовательских аннотированных данных, и показывает высокие результаты на немецкоязычных датасетах German CoNLL-2003 и GermEval2014.

Применение методов автоматического извлечения именованных сущностей было этапом анализа, направляемого корпусом. Выделенные единицы были отнесены к одной из трех категорий: LOC – топоним; ORG – название организации; PER – персоналия. Маркером-показателем значимости той или иной единицы выступила частотность. Далее была произведена экспертная кластеризация для первых 50 позиций в списках для каждого из описанных выше источников. Метод экспертного анализа, примененный в настоящей работе, заключается в определении позиций экспертов с последующим выявлением на этом основании информации, подвергаемой в свою очередь интерпретационному анализу. Экспертами выступали исследователи-германисты политологического и филологического профилей. Дополнительно было проведено сравнение Топ-250 лексем по всем изданиям.

³ <https://www.zeit.de>

⁴ <https://www.ln-online.de/>

⁵ <https://www.haz.de/>

⁶ <https://www.noz.de/>

⁷ <https://www.waz.de/>

⁸ <https://rp-online.de/>

⁹ <https://www.ksta.de/>

¹⁰ <https://www.thueringer-allgemeine.de/>

¹¹ <https://www.stuttgarter-zeitung.de/>

¹² <https://www.augsburger-allgemeine.de/>

¹³ <https://spacy.io/>

¹⁴ <https://stanfordnlp.github.io/stanza/>

Результаты

Всего для изданий были сформированы пять потенциальных кластеров, которые соответствуют тематической составляющей СМИ (локальная, общегерманская и общеевропейская тематики, международная повестка дня, финансы). Выделение финансовой тематики в отдельный кластер продиктовано данными материала: соответствующие лексемы нередко открывают частотные списки, полученные при анализе отдельных печатных изданий. Противопоставление европейской и международной проблематики связано с тем, что ФРГ, входя в ЕС, является частью европейского политического организма. В результате чего между этой страной и другими странами — членами ЕС выстраиваются иные взаимоотношения, чем с государственными акторами, членами ЕС не являющимися. Таким образом, под общеевропейской тематикой подразумевается круг понятий, соотносимых с ЕС и входящими в него странами.

Автоматический анализ именованных сущностей

Количество сформированных кластеров, а также распределение входящих в них лексем зависит от типа новостного источника. Прежде всего обратимся к анализу распределения всех выделенных именованных сущностей по вышеупомянутым категориям (рис. 1)¹⁵.

Большинство выделенных единиц (45,70%) относится к названиям территорий и населенных пунктов: среди первых наиболее частотными оказываются сама Германия (*Deutschland*) и государства, являющиеся важными игроками на мировой арене (*USA*, *Russland*), в то время как вторые представлены упоминанием столицы крупной земли Баден-Вюртемберга (*Stuttgart*), столицы государства (*Berlin*) и названия одного из центров Рурского региона (*Bochum*). Около трети сущностей (30,34%) именует персон, среди которых наиболее часто упоминаются иностранные лидеры (*Trump*, *Putin*, *Erdoğan*), что подчеркивает важность внешнеполитической повестки в рассматриваемых новостях, в то время как оставшиеся единицы (23,96%) обозначают организации: наиболее часто встречаются упоминания политических партий (таких как *SPD* и *CDU*) и военно-политического союза (*NATO*).

Далее для типов PER и ORG были построены семантические сети связей по типу графа, в которых вершинами являются сущности, а ребрами — связи между ними (упоминания в одном контексте). Размер узла зависит от частоты сущности в источнике, в то время как толщина ребра — от частоты совместной встречаемости единиц (чем она выше, тем сильнее связь и, следовательно, больше толщина ребра). Для более удобной визуализации было решено отфильтровать данные по количеству узлов и весу ребер: оставлены 50 наиболее частотных сущностей (узлов) и ребра с весом 2 и более (то есть по крайней мере две цитаты, в которых встречаются лексемы-узлы).

Рассмотрим полученный граф на примере издания “*Kölner Stadt-Anzeiger*” (рис. 2), в котором сущности, относящиеся к разным категориям, обозначены разными цветами (красным цветом — антропонимы, в то время как синим — эргонимы).

Приведенный семантический граф позволяет выявить два четко сформированных кластера, в которые включены лексемы, тематически связанные с политикой и футболом. Также можно отметить отдельные узлы, не связанные с другими ребрами, но при этом достаточно частотные и соответствующие первым 50 единицам в ранжированном списке (например, *BMW*, *ARD*, *Hamas*).

В первом кластере присутствуют упоминания как немецких, так и иностранных политиков (*Merz*, *Putin*, *Rutte*, *Trump*, *Selensky*), партий (*CDU*, *CSU*), военно-политического блока (*NATO*), а также новостного издания (*Bild*), освещающего знаковые события. Так, в выпусках газеты за август 2025 г. основное внимание было уделено встрече двух мировых лидеров на Аляске, что объясняет сильную связь между соответствующими узлами в графе¹⁶:

¹⁵ Обозначения на рис. 1: AA — “Augsburger Allgemeine”; KSA — “Kölner Stadt-Anzeiger”; LN — “Lübecker Nachrichten”; NOZ — “Neue Osnabrücker Zeitung”; NT — “Niedersächsische Tageszeitung”; RP — “Rheinische Post”; SA — “Stuttgarter Allgemeine”; TA — “Thüringer Allgemeine”; WAZ — “Westdeutsche Allgemeine Zeitung”; Zeit — “Die Zeit”.

¹⁶ Приведенные здесь и далее цитаты не отражают позицию авторов и использованы в иллюстративных целях.

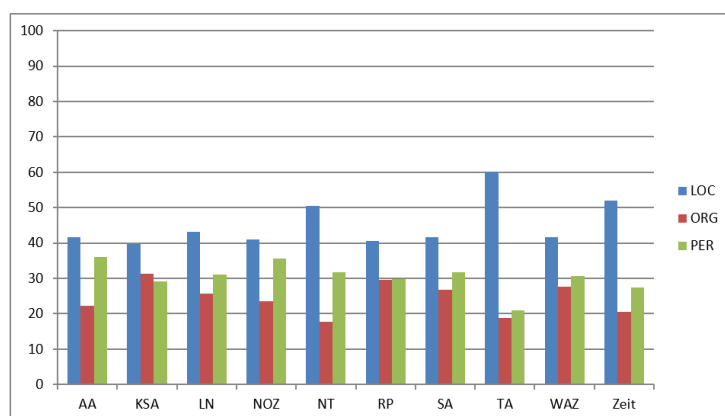

Fig. 1. Distribution of named entities by category in the news

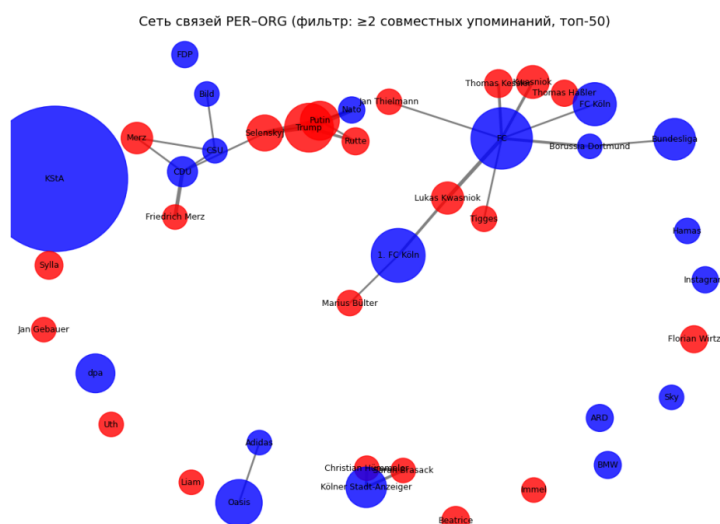

Fig. 2. Semantic graph for the edition of “Kölner Stadt-Anzeiger”

Am kommenden Freitag will sich **Trump** persönlich mit **Putin** treffen – nicht auf neutralem Boden, wie zuvor spekuliert, sondern im US-Bundesstaat Alaska.

В следующую пятницу **Трам** планирует лично встретиться с **Путиным** — не на нейтральной территории, как предполагалось ранее, а в американском штате Аляска.

Trump machte dies später jedoch nicht zur Voraussetzung, um sich mit **Putin** zu treffen.

Однако позднее **Трам** не стал делать это обязательным условием для встречи с **Путин**ым.

*Am Freitag treffen US-Präsident **Donald Trump** und der russische Präsident **Wladimir Putin** in Alaska aufeinander.*

В пятницу президент США Дональд Трамп и президент России Владимир Путин встретятся на Аляске.

Вместе с тем отмеченная на графе связь иностранных политиков с партиями ФРГ объясняется на самом деле упоминанием первых в одном контексте с немецкими политическими деятелями, для которых в новостях указывается партийная принадлежность, так что эта связь оказывается в силу ее опосредованного характера мнимой в содержательном плане:

Macron hatte sich zuvor mit Selenskyj, Bundeskanzler Friedrich Merz (CDU) und dem britischen Premierminister Keir Starmer ausgetauscht.

Ранее **Макрон** обменивался мнениями с Зеленским, канцлером Фридрихом Мерцем (ХДС) и премьер-министром Великобритании Кирилом Стармером.

Второй кластер представлен лексемами, отражающими спортивную тематику: упоминаются футбольные клубы и лига (*FC, 1. FC Köln, FC Köln, Borussia Dortmund, Bundesliga*), а также спортсмены (*Jan Thielmann, Tigges, Thomas Kessler*). Размеры узлов и сила связей между ними позволяют сделать предположение, что освещению футбольных событий уделяется большее внимание по сравнению с первой темой в данном издании и что футбольная тематика действительно занимает читателей, в то время как вовлечение читателей в политический контекст — дань привычному видению газетного издания как органа политического образования. Это мы можем наблюдать по тем пропорциям читательской вовлеченности, где субъективно значимое увлечение — футбол — занимает более видное место, чем, казалось бы, общезначимая политическая тематика.

Ниже дадим краткое описание автоматически выделенных кластеров в некоторых изданиях (полный перечень тем и их упоминание в источниках приведены в табл.).

Так, несмотря на имеющиеся узлы, соответствующие сущностям, которые обозначают политических деятелей, в семантической сети для издания “Augsburger Allgemeine” был сформирован только один кластер, в который вошли лексемы, имеющие отношение к внутренней политике ФРГ. К ним относится упоминание федерального канцлера (*Friedrich Merz*) и партий (*CDU, SPD, Union*).

Таблица. Автоматически выделенные кластеры в новостях
Table. Automatically selected clusters in the news

	Германская внешняя политика	Германская внутренняя политика	Спорт	Локальные новости (муниципальное образование)	Экономика
“Augsburger Allgemeine”		+			
“Kölner Stadt-Anzeiger”	+		+		
“Lübecker Nachrichten”		+		+	
“Neue Osnabrücker Zeitung”	+		+	+	+
“Niedersächsische Tageszeitung”				+	+
“Rheinische Post”	+	+			
“Stuttgarter Allgemeine”	+	+	+		+
“Thüringer Allgemeine”				+	+
“Westdeutsche Allgemeine Zeitung”	+	+	+		
“Die Zeit”	+	+			
Объединенные источники	+	+	+		+

В семантической сети, построенной для издания “Neue Osnabrücker Zeitung”, четко выделены кластеры, посвященные внешнеполитической жизни ФРГ, экономическим вопросам, футболу и событиям местного масштаба. В первой группе больше внимания (по сравнению с остальными изданиями) уделяется военной составляющей: в текстах встречаются упоминания Североатлантического альянса (*NATO/Nato*) и вооруженных сил ФРГ (*Bundeswehr*). Отметим, что обращение к указанной теме связано с иными странами (например, в контексте дружеского взаимодействия с Израилем и сдерживания потенциальных угроз со стороны России и Китая).

*Sie übersehe auch, „wie wichtig die sicherheitspolitische Zusammenarbeit mit Israel für Deutschland ist, um die **Bundeswehr** und die **Nato** zu stärken“.*

*Она также упускает из виду, «насколько важно для Германии сотрудничество с Израилем в области политики безопасности для укрепления **бундесвера** и **НАТО**».*

*Hunderte Male im Jahr müssen **Nato**-Piloten aufsteigen, um **russische** Militärflugzeuge in den eigenen Luftraum zurückzuführen.*

*Сотни раз в год пилотам **НАТО** приходится вылетать, чтобы вернуть **российские** военные самолеты в свое воздушное пространство.*

*Je mehr Deutschland und die **Nato** sich auf einen bewaffneten Konflikt mit **Russland** vorbereiten, desto mehr wird aus dem wunderschönen Ostseeraum wieder ein strategischer Knackpunkt jedweder Kriegsüberlegungen.*

*Чем больше Германия и **НАТО** готовятся к вооруженному конфликту с **Россией**, тем больше прекрасный регион Балтийского моря снова становится стратегическим камнем преткновения в любых военных планах.*

*Ein Szenario: Bei einem Konflikt drängen die gut ausgestatteten **russischen** Seestreitkräfte samt Luftunterstützung die **Nato** kurzerhand aus der Ostsee.*

*Один из сценариев: в случае конфликта хорошо оснащенные **российские** военно-морские силы, включая поддержку с воздуха, просто вытеснят **НАТО** из Балтийского моря.*

*Im Bericht des Geoinformationszentrums der **Bundeswehr** heißt es: „Trotz bestehender Kooperationsbemühungen, etwa bei Such- und Rettungsoperationen, wachsen die Spannungen weiter an, auch bedingt durch **Chinas** wachsenden Einfluss und seine Ambitionen in der Arktis“.*

*В докладе Геоинформационного центра **Вооруженных сил Германии** говорится: «Несмотря на существующие усилия по сотрудничеству, например, в поисково-спасательных операциях, напряженность продолжает расти, что отчасти связано с растущим влиянием и амбициями **Китая** в Арктике».*

Экономические новости представлены упоминанием судебного разбирательства между двумя крупными производителями напитков *Paulaner* и *Berentzen*:

***Paulaner** hat sich im Rechtsstreit um das Design einer Cola-Mix-Flasche gegen **Berentzen** durchgesetzt.*

*Компания **Paulaner** одержала победу над компанией **Berentzen** в судебном споре по поводу дизайна бутылки для напитка *Coca-Cola*.*

*Das Haselünner Unternehmen **Berentzen** hat angekündigt, Berufung gegen das Urteil des Münchener Landgerichtes einzulegen.*

*Базирующаяся в Хазелюнде компания **Berentzen** объявила, что подаст апелляцию на решение Мюнхенского земельного суда.*

Традиционно для ФРГ уделяется внимание вопросам «зеленой» энергии, которые обнаруживаются в найденных контекстах в силу частотности упоминания бизнесмена (*Christoph Pieper*):

Christoph Pieper erläuterte, man bemühe sich um weitere Kunden für die Wasserstofftechnik.

Кристоф Пипер пояснил, что предпринимаются усилия по привлечению дополнительных клиентов для водородных технологий.

Pieper beklagte aber, dass erhebliche formale, rechtliche und bürokratische Hindernisse bestünden, die den Hochlauf der Wasserstofftechnik behinderten.

Однако Пипер посетовал на существование серьезных формальных, юридических и бюрократических препятствий, которые мешают развитию водородных технологий.

Und da sandte Christoph Pieper von Cec Haren bei einer Rundfahrt zum Speicherfeld in Wesuwe, zur H2-Tankstelle im Industriegebiet und dann zum Bürgerwindpark Fehndorf/Lindloh durchaus gemischte Signale.

В этот раз Кристоф Пипер из СЕС Харен подал неоднозначную оценку во время осмотра хранилища в Везуве, заправочной станции H2 в промышленной зоне, а затем ветровой электростанции в районе Фендорф/Линдло.

Примечательно, что обсуждаемые местные новости носят умиротворяющий характер: присутствует рассказ о животных, которые нуждаются в доме (кролики *Bandit* и *Blanca*). Можно сказать, что это является показателем «немецкости» жизни — того, что уделяется особое внимание тематике, которую можно было бы определить как обывательскую.

Als Blanca und Bandit ins Tierheim Melle gebracht wurden, kamen sie direkt in eine Pflegestelle denn sie mussten alle 3 Stunden mit Aufzuchtmilch versorgt werden.

Когда Бланку и Бандита привезли в приют для животных Мелле, их сразу же поместили в приемную семью, поскольку им нужно было давать молоко каждые три часа.

Также на страницах приводится рассказ о котах *Angel* и *Aurelio*, которые нуждаются в новом доме:

Zwei besondere Katzen: Angel & Aurelio brauchen ein Zuhause.

Два особенных кота: Ангел и Аурелио нуждаются в доме.

Ein Zuhause für zwei: Was Angel und Aurelio glücklich macht.

Дом для двоих: что делает Ангела и Аурелио счастливыми.

Gesucht wird ein gemeinsames Zuhause für Angel und Aurelio.

Мы ищем общий дом для Ангела и Аурелио.

В следующей цитате речь идет о бульдоге по кличке *Shamo*:

Shamo lebte vorher unerlaubt in Meller Notunterkunft, bis es dort brannte. Seit dem vergangenen Herbst lebt der Hund im Tierheim Melle.

Шамо ранее незаконно проживал в приюте для животных в Мелле, пока там не случился пожар. С прошлой осени собака живет в приюте для животных Мелле.

В издании “Lübecker Nachrichten” неожиданно большое внимание уделяется развлекательно-му материалу и связанным с ним местным новостям: так, освещается проведение крупнейшего в мире фестиваля тяжелой музыки *Wacken Open Air*, который традиционно проходит в Ваккене (город в земле Шлезвиг-Гольштейн). Вместе с тем в новостных текстах заслуживают упоминания крупные западные развлекательные корпорации, продукция которых транслируется в ФРГ (*Netflix*, *Amazon Prime Video*), и их продвижение на немецкоязычном рынке:

Mit eigenen Produktionen, Originals genannt, möchte der Ende 2019 gestartete Streamingsservice Apple TV+ den Platzhirschen Netflix und Amazon Prime Video, aber auch neueren Anbietern wie Disney+ Konkurrenz machen.

Стриминговый сервис *Apple TV+*, запущенный в конце 2019 года, предлагает собственный проект под названием *Originals* и стремится конкурировать с лидерами рынка *Netflix* и *Amazon Prime Video*, а также с новыми провайдерами, такими как *Disney+*.

Portale wie Netflix und Spotify boten nicht nur für leistbare zehn Euro im Monat einen riesigen Katalog an Filmen, Serien oder Musik.

Такие порталы, как *Netflix* и *Spotify*, предлагают огромный каталог фильмов, сериалов и музыки за доступные десять евро в месяц.

Несмотря на локальный характер издания “Stuttgarter Allgemeine”, тематически оно приближается к региональным источникам: в нем выделяются уже упомянутые выше значимые темы, однако они характеризуются большим весом входящих в них единиц (то есть соответствующих лексем в новостях). Земля Баден-Вюртемберг является одним из крупнейших экономически развитых регионов ФРГ, поэтому неудивительным оказывается высокая частотность в рассмотренных контекстах названий автомобильных компаний (*Mercedes*, *Porsche*, *BMW*, *VW*) и в целом темы, связанной с автомобилестроением:

Natürlich gehört es zu den Aufgaben von Konzernchefs, Zuversicht zu verbreiten — doch es ist mehr als nur Zweckoptimismus, wenn Porsche-Chef Oliver Blume darauf hinweist, wie ertragsstark Porsche nach wie vor dasteht, wenn man auch nur die Kosten für den Personalabbau und für die US-Zölle einmal außer Acht lässt.

Конечно, в задачи руководителей корпораций входит распространение уверенности, но это больше, чем просто целесообразный оптимизм, когда генеральный директор *Porsche* Оливер Блум указывает, насколько прибыльной продолжает быть компания *Porsche*, даже если игнорировать расходы на сокращение персонала и пошлины США.

Porsche wie auch Mercedes haben überdies längst ihre allzu optimistische Einschätzung des Markts der vollelektrischen Autos korrigiert und pragmatisch umgesteuert.

Более того, и *Porsche*, и *Mercedes* давно скорректировали свою чрезмерно оптимистичную оценку рынка полностью электрических автомобилей и прагматично изменили курс.

Автоматическая обработка всех данных позволила объединить сущности, встречающиеся в разных источниках, и построить семантическую сеть, в которую входят четыре крупных кластера. Первые два связаны с внешней и внутренней политикой ФРГ: упоминаются антропонимы (*Trump*, *Putin*, *Erdogan*, *Biden*, *Selenskyj*, *Obama*, *Assad* и *Merkel*) и эргонимы (*Bundeswehr*, *NATO*, *UN*, *AfD*, *FDP*, *CDU*, *Linke*, *Grüne*, *Union* и *Hamas*). Упоминание крупнейших автоконцернов ФРГ (*BMW*, *Mercedes*, *VW*) составляет третью тему, в то время спортивные новости позволили выделить последнюю (*VfB*, *VfL*, *VfL Bochum*, *MSV Duisburg*, *Bundesliga*, *Borussia Dortmund*).

Вместе с тем из 250 наиболее частотных единиц общими для рассмотренных новостных источников оказались следующие: *Berlin*, *Deutschland*, *deutsch*, *Europa*, *CDU*, *USA*, *Frankreich*. Вполне ожидаемым представляется наличие в этом списке упоминания самой страны (*Deutschland*), соответствующего прилагательного (*deutsch*) и столицы (*Berlin*), а также одной из крупнейших политических партий ФРГ (*CDU*), к которой принадлежат два федеральных канцлера, занимавшие этот пост в течение двух последних десятилетий (Ангела Меркель и Фридрих Мерц). Бесспорно, важными являются для политической жизни государства его внешние связи со странами-партнерами: в этой связи наиболее значимыми выступают США (*USA*) как приоритетный трансатлантический партнер и Европа в целом (*Europa*), где Франции (*Frankreich*) уделяется особое внимание ввиду ее историко-географической близости к Германии.

Экспертный анализ Топ-50 именованных сущностей

Общегерманская пресса представлена текстовым материалом крупного ежедневника “*Die Zeit*”. Прежде всего следует отметить, что в этом издании среди первых 50 лексем никак не представлена локальная тематика. Разве что значительной частотностью обладает *Berlin* (986 вхождений), однако Берлин здесь — не локальный актор, а столица германского государства. Характерно, что общеевропейская тематика ожидаемо включает лексемы, именующие ЕС и континент. При этом лексема *EU* (1930 вхождений) встречается на треть чаще, чем *Europa* (1237 вхождений), что подводит нас к выводу, что принадлежность к Европе определяется через принадлежность к ЕС, а не наоборот. Кроме того, примечательно, что внутриевропейские связи наиболее часто описываются в контексте германо-польских и германо-французских отношений, что видно по частотности использования лексем *Frankreich* (477 вхождений) и *Polen* (314 вхождений), тогда как названия таких крупных немецкоязычных соседей, как *Österreich*, *Schweiz*, в число 50 частотных лексем не входят, что тоже объяснимо, если учитывать особое положение этих двух государств: Австрия не входит в НАТО и не отличается сильным еврооптимизмом, а Швейцария сохраняет нейтралитет. Среди лексем, отнесенных к общегерманской тематике, внимания заслуживают наименования партий: помимо двух крупнейших, упоминаются критикуемая истеблишментом *AfD* (394 вхождения), либерально-буржуазная *FDP* (9364 вхождения) и леволиберальная партия [*Bündnis 90/*]/*Die Grünen* (315 вхождений). Отметим, что частотность использования лексем не соответствует реальному балансу политических сил, что позволяет выдвинуть гипотезу о главенстве принципа «школы политического образования» с целью трансляции либеральной повестки в общественные массы. Общемировая тематика явно акцентирует Россию и США как крупнейших игроков на мировой арене с вниманием к таким акторам, как Китай и Турция, при отсутствии интереса к Индии, а также пристальное внимание к внешнеполитической проблематике, связанной с Украиной, и к роли Североатлантического альянса в текущей политической повестке. Финансово-экономическая тематика представлена наименованиями таких валют, как евро и доллар, при отсутствии наименований иных валют среди частотных лексем, что свидетельствует при всем внимании к экономике об однополярном трансатлантическом характере этого экономического мышления.

Такое региональное издание, как “*Rheinische Post*”, характеризуется менее выраженным, чем в случае с “*Die Zeit*”, интересом к внешнеполитической повестке: 21 лексическая единица в “*Rheinische Post*” с общим числом 510 вхождений против 27 единиц в “*Die Zeit*” с общим числом 18063 вхождения. Внешнеполитический акцент в этом издании делается на связях с США, однако при интересе к Украине Россия отходит на задний план, впереди оказывается интерес к Китаю и Бразилии, а также объяснимое актуальной повесткой внимание к Израилю и Сектору Газа. Следует отметить, что внешнеполитические акценты на этом региональном уровне оказываются смазанными, что выражается в присутствии среди первых 50 частотных лексем совершенно случайных единиц (претендент на победу в колумбийской президентской гонке Густаво Петро, король-эмерит Испании Хуан Карлос, упоминаемый в связи с публикацией

его мемуаров). Такая калейдоскопичность наводит на мысль о второстепенности внешнеполитической повестки для региональной прессы при сохранении трансатлантического вектора, что соответствует и идеям политического образования, и реально существующим настроениям в обществе. Европейская повестка представлена слабо — все тот же ЕС, превалирующий над Европой (48 против 14 вхождений). Это свидетельствует об укорененности мысли о том, что границы Европы определяются все же границами ЕС — на региональном уровне становится ясным, что Европейский Союз не только становится реальным актором на несколько абстрактном внешнеполитическом уровне, но и определяет через законодательно-бюрократическую машину отдельного государства повседневность конкретного региона этой страны. Если анализировать лексемы, относящиеся к общегерманской тематике, то характерной особенностью регионального уровня является появление среди частотных единиц упоминаний крупных игроков на информационном поле (*ARD, ZDF*), политиков, не являющихся первыми лицами государства, но получившими в какой-то момент всплеск массмедийного внимания (например, министр жилья, городского развития и строительства Германии Верена Хуберц), а также Всеобщего немецкого автомобильного клуба (*ADAC*), что тоже интересно в связи с особым местом, которое автомобиль занимает в немецкой культуре. Таким образом, и на примере общенациональной лексики отмечается тяготение к мозаичности, совмещающей перспективы и такого конструкта, как «простой немец», реально существующего в совокупности населения этого региона, и того видения, которое задается идеями политического образования. Вероятно, этим и объясняется отсутствие среди частотных лексем наименования такой партии, как *AfD*: с одной стороны, ее позиции в прирейнском регионе относительно слабы, с другой — система политического образования не привносит в общественную повестку в этих условиях критики этой партии. Собственно локальная тематика в “*Rheinische Post*” представлена слабо, говорить можно о региональной тематике: среди первых 50 частотных лексем встречаются только наименование земли Северный Рейн-Вестфалия и имя собственное [Tina] Elsner (представитель полицейского ведомства, курирующий вопросы профилактики правонарушений преимущественно имущественного характера), имеющие по десять вхождений. Таким образом, региональная повестка сконцентрирована как на конкретной географической локации, что предсказуемо, так и на вопросах безопасности, которые получают в этом случае конкретно-личное звучание, связанное с защитой собственного имущества от посягательств. Говоря в завершение о кластере финансово-экономической проблематики, нельзя не отметить, что абстрактные наименования валют получают в “*Rheinische Post*” региональных конкурентов в виде компаний, активных в регионе (*WERDING, LEG, TKMS*). Таким образом, тенденция к калейдоскопичности/мозаичности, отмеченная выше, прослеживается и в этом кластере.

Особое место в палитре печатных средств массовой информации занимает “*Westdeutsche Allgemeine Zeitung*”. Внушительный тираж этого издания (более 275 000 экземпляров на фоне “*Rheinische Post*”, более 189 000 экземпляров) делает его одним из основных игроков на рынке региональной прессы, однако применительно к целям настоящего исследования в фокусе внимания оказывается высокий удельный вес регионально-локальной тематики: из 50 наиболее частотных именованных сущностей на долю лексем, относящихся к региональной тематике, приходится более 80%, тогда как лексемы общегерманской тематики составляют 8%, а на лексемы, соотносимые с внешнеполитической проблематикой, — 2%. Если принять во внимание приведенное выше сопоставление тиражей “*Westdeutsche Allgemeine Zeitung*” и “*Rheinische Post*”, то становится понятным, что такая тематическая структура “*Westdeutsche Allgemeine Zeitung*” является одним из факторов популярности этого издания, что свидетельствует о расположенности германского читателя к тому, чтобы уделять преимущественное внимание локальной тематике, оставляя за скобками не касающиеся его непосредственно события большой политики (ср. сопоставление Обломова и Штольца у Гончарова, а также идею о локальном

и муниципальном уровне участия населения в политической жизни страны как цели германского механизма политического просвещения).

Анализ прочих семи изданий, относящихся к группе локальных печатных СМИ, показывает, что они характеризуются преобладанием локальной тематики: на долю таких лексем среди первых 50 частотных единиц приходится в среднем 57%. Лексемы-репрезентанты этой группы расходятся по трем основным группам: топонимы, антропонимы и наименования событий (фестивали, концерты и т.п.). Внешнеполитическая тематика связана, прежде всего, с США и Украиной, Россия упоминается реже, ближневосточная тематика освещена только в “Augsburger Allgemeine”, тогда как “Thüringer Allgemeine” не имеет среди первых 50 наиболее частотных лексем единиц, номинирующих внешнеполитическую повестку дня. Финансово-экономическая тематика выражена преимущественно наименованием европейской валюты (*Euro*) и названиями фирм, отсутствие же наименования денежной единицы США можно рассматривать как свидетельство абсолютно локального горизонта экономических интересов. Таким образом, идея «гражданина мира», активно продвигаемая системой германского политического образования, остается не воспринятой на локальном уровне, где сильны, как и прежде, мелкобуржуазные тенденции.

Заключение

Анализ показал превалирование привнесенных в медийное поле тематик, связанных с современной концепцией политического образования, где целью ставится формирование «гражданина мира», вовлеченного в соответствующие бытийно-содержательные контексты, в материалах общегерманской прессы, с последующей трансформацией этой линии воздействия в концепцию формирования активно участвующего в общественной жизни гражданина на регионально-муниципальном уровне, что прослеживается на уровне региональной и локальной прессы. Другой тематический вектор связан с узко локальной тематикой, преобладающей на уровне локальной прессы, ярко высвечивающей обывательско-мелкобуржуазные устремления, также характерные для германского общества. Сказанное выше позволяет предположить, что частный обывательский мотив является превалирующим постольку, поскольку он коррелирует с прочно укоренившимися в немецком обществе ценностями, связанными с собственным «Я», своей автономией и ответственностью перед собой, «заботой о себе» и готовностью включаться в преобразовательные процессы на конкретно достигаемом локальном уровне, тогда как сравнительно новая модель «гражданина мира» оказывается привнесенной, не вполне интериоризованной германским социумом. Будущее покажет, насколько и с какой скоростью эта внешняя тематика, освещаемая общегерманскими печатными изданиями, будет осваиваться на частно-локальном уровне. Наблюдение за этими процессами и их осмысление — задача дальнейших лонгитюдных исследований.

В лингвистическом плане именованные сущности выступают ведущими компонентами, характеризующими дискурсивные практики, культивируемые издательскими домами и редакционными коллективами. Поскольку именованные сущности имеют определенный денотат и поддаются автоматическому извлечению и анализу, то для исследования дискурсивных практик и установок с применением больших текстовых данных именованные сущности и являются тем материалом, который дает основу для получения доказательно верного результата.

Результаты работы продемонстрировали, что автоматическое выделение именованных сущностей может рассматриваться как необходимый этап для последующего дискурсивного анализа, поскольку полученный материал нуждается в дополнительной экспертной оценке. Дальнейшая работа будет направлена на установление тональности применительно к выделенным сущностям на материале разных источников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппова Е.А. Извлечение информации // Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И.С. Николаева, О.В. Митрениной, Т.М. Ландо. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 211–232.
2. Moreda P., Llorens H., Saquete E., Palomar M. Combining semantic information in question answering systems // Information Processing & Management. 2011. Vol. 47, Iss. 6. P. 870–885. DOI: 10.1016/j.ipm.2010.03.008
3. Кораблинов В.О. Подготовка набора данных для вопросно-ответного поиска по базе знаний. Первый этап: сопоставление сущностей // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2020. № 4. С. 98–108. DOI: 10.17586/2541-9781-2020-4-98-108
4. Berezin S., Batura T. Named Entity Inclusion in Abstractive Text Summarization // Proceedings of the Third Workshop on Scholarly Document Processing, Gyeongju: Association for Computational Linguistics, 2022. P. 158–162.
5. Marek P., Müller Š., Konrád J., Lorenc P., Pichl J., Šedivý J. Text Summarization of Czech News Articles Using Named Entities // The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics. 2021. No. 116. P. 5–26. DOI: 10.14712/00326585.012
6. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–38.
7. Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе. Велико-Тырново, 2017. 196 с.
8. Baturina L.A., Lepikhov N.V., Panova E.P., Popova A.V., Karpova G.G., Gumerova L.Z. The newspaper heading and proper name are parts of medial space // Linguistics and Culture Review. 2021. Vol. 5, No. S4, 2021. P. 583–590. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS4.1675
9. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 63–68.
10. Борисов И.В. Антропонимы, как картина личности. М.: Научное издание, 2016. 100 с.
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 366 с.
12. Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
13. Чернявская В.Е. Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

REFERENCES

- [1] Filippova Ye.A., Izvlecheniye informatsii [Information extraction], Prikladnaya i kompyuternaya lingvistika [Applied and computational linguistics], LENAND, Moscow, 2016, pp. 211–232.
- [2] Moreda P., Llorens H., Saquete E., Palomar M., Combining semantic information in question answering systems, Information Processing & Management, 47 (6) (2011) 870–885. DOI: 10.1016/j.ipm.2010.03.008
- [3] Korablinov V.O., Dataset Creation for Question Answering Over Knowledge Bases. First Stage: Entity Linking, Kompyuternaya lingvistika i vychislitelnyye ontologii [Computational Linguistics and Computational Ontologies], 4 (2020) 98–108. DOI: 10.17586/0000-0000-2020-4-98-108
- [4] Berezin S., Batura T., Named Entity Inclusion in Abstractive Text Summarization, Proceedings of the Third Workshop on Scholarly Document Processing, Gyeongju, Association for Computational Linguistics, 2022, pp. 158–162.
- [5] Marek P., Müller Š., Konrád J., Lorenc P., Pichl J., Šedivý J., Text Summarization of Czech News Articles Using Named Entities, The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics, 116 (2021) 5–26. DOI: 10.14712/00326585.012
- [6] Shmeleva T.V., Klyuchevyye slova tekushchego momenta [Key words of the moment], Collegium, 1 (1993) 33–38.
- [7] Tsoneva L., Imena i lyudi. Klyuchevyye imena v mediadiskurse [Names and People: Key Names in Media Discourse], Veliko-Tyрноvo, 2017.
- [8] Baturina L.A., Lepikhov N.V., Panova E.P., Popova A.V., Karpova G.G., Gumerova L.Z., The newspaper heading and proper name are parts of medial space, Linguistics and Culture Review, 5 (S4) (2021) 583–590. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS4.1675

- [9] **Shmeleva T.V.**, Krizis (Crisis) as the Key Word of the Present Moment, *Political Linguistics*, 2 (28) (2009) 63–67.
- [10] **Borisov I.V.**, *Antroponimy, kak kartina lichnosti* [Anthroponyms as a picture of personality], Nauchnoye izdaniye, Moscow, 2016.
- [11] **Superanskaya A.V.**, *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names], Knizhnyy dom “Librokom”, Moscow, 2009.
- [12] **Sinclair J.M.**, *Corpus, Concordance, Collocation*, Oxford University Press, Oxford, 1991.
- [13] **Chernyavskaya V.E.**, Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values), *Terra Linguistica*, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Корышев Михаил Витальевич

Mikhail V. Koryshev

E-mail: m.koryshev@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8946-4431>

Хохлова Мария Владимировна

Maria V. Khokhlova

E-mail: m.khokhlova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9085-0284>

Поступила: 13.09.2025; Одобрена: 11.11.2025; Принята: 17.11.2025.

Submitted: 13.09.2025; Approved: 11.11.2025; Accepted: 17.11.2025.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16405>

EDN: <https://elibrary/PWBLJO>

ИНДИКАТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ФРЕЙМОВ

С.Л. Кушнерук

Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация

✉ Svetlana_kush@mail.ru

Аннотация. Визуальные фреймы рассматриваются как индикаторы конфликтности межкультурного взаимодействия, задающие интерпретации и перспективу осмысления трудовой миграции в социальной сети Telegram. Актуальным и новым являются обращение к визуальным ресурсам, включенным в процесс конфликтного смыслопорождения, и расширение объяснительных возможностей фрейма для изучения проблем социального качества в телеграм-коммуникации. Цель — осуществить лингвосемиотическую параметризацию визуальных фреймов в контексте обсуждения миграционной активности в российских телеграм-каналах и выявить особенности визуальной репрезентации взаимоотношений «резиденты — этнофоры». Методология работы основывается на положениях, доказанных в дискурс-анализе и социальной семиотике, о когнитивных структурах, участвующих в моделировании социального взаимодействия, возможностях конструирования «социальных» значений в дискурсе, принимаются во внимание установки теории фреймирования и подходы к изучению мультимодальных репрезентаций миграционных процессов. Материалом для анализа послужили 1058 фотоизображений, извлеченных из двух публичных телеграм-каналов в категориях «Политика» и «Новости и СМИ» с января по июль 2024 г. Предложена методика лингвосемиотического анализа визуальных фреймов по параметрам «фокус внимания» и «механика визуального фреймирования». В результате исследования выявляются закономерности визуального фреймирования конфликта и доказываются следующее: а) визуальные фреймы активируются синкретично ресурсами изобразительного и языкового модусов; б) специфика конфликтного содержания проявляется на уровне моносубъектных, дисубъектных и полисубъектных изображений; в) объекты изображения формируют группу ресурсов, передающих идею противоречий на основе визуальной метонимии; г) конфликтное содержание зашифровано в иконографическом коде изображения; д) модели визуального фреймирования включают нейтральную и конфликтную изобразительную и языковую субстанцию в трех вариантах. Исследование представляет интерес для дальнейшего изучения конфликтных импликаций, стоящих за визуальным оформлением социального взаимодействия в цифровой коммуникации.

Ключевые слова: фрейминг, визуальный фрейм, конфликтность, телеграм-коммуникация, лингвистика дискурса.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

Для цитирования: Кушнерук С.Л. Индикаторы конфликтности межкультурного взаимодействия в телеграм-каналах: дискурсивный анализ визуальных фреймов // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16405>

CONFLICTOGENICITY OF INTERCULTURAL INTERACTION ON TELEGRAM CHANNELS: DISCOURSE ANALYSIS OF VISUAL FRAMES

S.L. Kushneruk

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russian Federation

 Svetlana_kush@mail.ru

Abstract. Visual frames are examined as indicators of the conflict potential in intercultural interaction, shaping the interpretation and perspective of labor migration within the Telegram social network. The study's relevance and novelty lie in its focus on visual resources involved in the process of conflict-laden meaning-making and in expanding the explanatory potential of the frame concept for studying issues of social quality in Telegram communication. The aim of the study is to analyze linguo-semiotic aspects of visual framing in the context of labor migration debates on Russian Telegram channels, and to identify models of visual representation of the “residents vs ethnophores” relationship. The methodology is based on discourse analysis, social semiotics and framing theory. The sample included 1058 photographic images retrieved from two public Telegram channels in “Politics” and “News & Media” categories between January and July 2024. A method of linguo-semiotic analysis of visual frames is proposed, which highlights two parameters – “focus of attention” and “mechanics of visual framing”. The analysis reveals patterns of visual framing, indicating conflicts. The findings suggest the following: a) visual frames are activated syncretically by the visual and the linguistic modes of representation; b) conflict-provoking content manifests at the level of single-subject, two-subject and multi-subject images; c) image objects form a group of resources that convey the idea of contradictions on the basis of visual metonymy; d) conflict-provoking content is embedded in the iconographic code of the image; e) visual framing models vary, depending on the interaction of neutral or conflictogenic visual and linguistic modes. The results of the research present interest for further study of the visual framing of social conflicts in digital communication.

Keywords: framing, visual frame, conflictogenicity, Telegram-communication, discourse linguistics.

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

Citation: Kushneruk S.L., Conflictogenicity of Intercultural Interaction on Telegram Channels: Discourse Analysis of Visual Frames, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 74–91. DOI: 10.18721/JHSS.16405

Введение

Стремительная телеграмизация коммуникации, обусловленная появлением социальной сети Telegram в 2013 г., выводит на новый уровень осмысление взаимодействия граждан России с представителями инокультур, привлекаемых отечественными работодателями для ведения трудовой деятельности. По данным ВЦИОМ 2024 г., «антимигрантские настроения служат новой „точкой сборки“ общественного недовольства»¹. На этом фоне телеграм-каналы активно внедряются в процессы интерпретации и регулирования межкультурного взаимодействия резидентов с этнофорами, что обнаруживает высокую степень **конфликтогенности социума**. Феномен подразумевает процесс нарастания расхождений во мнениях, разногласий, противоречий в интересах и взглядах сторон под влиянием внешних и внутренних факторов, обостряющих взаимодействие между ними, приводящих к противоборству и столкновению [1].

¹ Корня А. Россиянам приглянулся консенсус // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7383856> (дата обращения: 20.10.2025).

В социально-психологической трактовке индикаторами (показателями), а также провокативными факторами конфликтов на межкультурной основе выступают конфликтогены — «слова, жесты, оценки, суждения, действия или бездействия взаимодействующих сторон, способные привести к возникновению конфликтной ситуации и к ее перерастанию в реальный конфликт»². С позиций лингвистики дискурса, конфликтогенным потенциалом обладают как речевые, так и неречевые средства [2, 3].

В условиях перехода от логоцентризма к мультимодальности, ознаменовавшего «иконический поворот» в конце 1990-х гг., меняется методологический приоритет лингвистики и отношение ученых к процессам смыслопорождения. Фундаментальная роль языка в конструировании представлений о мире признается, но перестает абсолютизироваться. Складывается понимание, что в технологически сложной среде визуальные ресурсы все больше интегрируются в текст наряду с вербальными компонентами. Это способствует созданию воплощенного образа мира, имеющего сходство с материальной реальностью и одновременно открывающего возможности для идеологических импликаций. На первый план все больше выходит визуальный модус репрезентации, который в единстве с языковым создает связность коммуникации на формальном и содержательном уровнях.

В социокультурной проекции визуальность понимается как «сложившийся в рамках определенной культуры ресурс смыслообразования» [4, с. 100]. Эта перспектива имеет большое значение для понимания роли изображений в конструировании социальных значений, делает актуальным изучение функционирования семиотических единиц изобразительной природы в репрезентации взаимодействия на межкультурной основе. Являясь частью социальной практики, изображения одновременно представляют собой «графические сообщения», или «высказывания», выступающие дискретными единицами визуальной семантики³. Вместе с тем в цифровой среде визуальное изображение рассматривается как аффорданс коммуникации [5, с. 84], позволяющий агентам дискурса создавать фреймы с информацией о конфликте или противостоянии между сторонами в пределах оппозиции «мы — они» [6].

С учетом этого новый результат исследования ожидается в связи с выработкой подхода к изучению индикаторов конфликтогенности межкультурного взаимодействия на основе введения в дискурсивный анализ понятия визуального фрейма и расширения его объяснительных возможностей для изучения пространственной актуализации проблем социального качества в телеграм-коммуникации. Цель — осуществить лингвосемиотическую параметризацию визуальных фреймов в контексте обсуждения миграционной активности в российских телеграм-каналах и выявить особенности визуальной репрезентации взаимоотношений «резиденты — этнофоры». Достижение цели призвано способствовать пониманию того, как за счет визуального модуса происходит создание «социальных» значений в дискурсе.

Методология и методика исследования

В социальных науках теория фреймирования является ведущим направлением междисциплинарного исследования когнитивных структур, отвечающих за репрезентацию и моделирование реальности, а также проблематизацию и депроблематизацию социальных и межкультурных отношений [7]. Количество публикаций, посвященных фреймированию миграции в зарубежной коммуникативистике, неизменно увеличивается [8–11]. Отмечается рост популярности методик анализа мультимодальных репрезентаций миграционных процессов [12, 13]. В России появляется все больше работ, выполненных в русле теории фреймирования [14–17]. На фоне разных векторов осмысления фреймов как когнитивных структур, или метакоммуникативных сообщений (по Б. ван Горпу), формирующих представления о миграции в дискурсе, в общем

² Леонов Н.И. Конфликтология: учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2006. С. 169.

³ Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие для вузов. СПб.: Питер, 2005. С. 145.

случае за основу принимаются идеи Р. Энтмана о выделении (отборе) объектов реальности в целях коммуникации и придании им заметности средствами языка (на текстовом уровне), что должно способствовать «определению социальной проблемы», диагностике и оценке ее общего состояния и, в конечном итоге, приводить к конструктивному решению [18, с. 53].

Востребованная в прикладных коммуникациях, такая позиция имеет глубокие теоретические основания, общие для зарубежных и для отечественных специалистов. В частности, когнитивные установки концепции уходят корнями в экспериментальную психологию Ф. Барлетта и теорию искусственного интеллекта Д. Румельхарта, Р. Шенка, Р. Абельсона, М. Минского, что определяет единство мнений о концептуальной природе фрейма. Социологическая трактовка феномена в аспекте конструирования повседневного опыта закладывается И. Гофманом [19]. Она обеспечивает понимание стратегического использования когнитивных структур в организации социальной жизни, что получает виток научного развития в работах Г. Такман, У. Гэмсона, А. Модильяни, Чж. Пана, Дж. Косицки, Б. ван Горпа и других исследователей медиа. Подробный обзор этих публикаций, а также типология фреймов, служащих целям упорядочения социальной реальности, представлены в статье С. Л. Кушнерук [20].

В большинстве случаев ученых объединяет понимание *фреймов* как интерпретационных схем, организующих социальную реальность и определяющих понимание адресатом поступающей информации. Применительно к проблеме конфликтности межкультурного взаимодействия эвристически значимым является наблюдение о том, что фрейм «конфликт» регулярно активизируется в медийном пространстве, помещая обсуждаемую тему в контекст столкновений, разногласий и противоречий между сторонами [21]. Названный фрейм становится предметом анализа в настоящем исследовании в аспекте «визуального воплощения» представлений о взаимодействии россиян с этнофорами. Знакомство с современными публикациями позволяет ограничить рефлексию следующими теоретико-методологическими установками.

Во-первых, фрейм может индуцироваться при помощи широкого круга семиотических средств словесного и несловесного качества — лексических единиц, словосочетаний, фразеологизмов, визуальных образов, культурных символов [21]. Во-вторых, визуальный фрейм активизируется при помощи статических и динамических изображений — фотографий, рисунков, картинок, скриншотов, мемов, видео, гиф-файлов [22–24], фотографии рассматриваются как особое семиотическое средство, создающее оценочную прагматику текстов [25]. В-третьих, устанавливаются три важнейших свойства, не позволяющие отождествлять визуальные фреймы с теми, которые индуцируются средствами языкового модуса. Отличия обусловлены такими семиотическими особенностями неречевых знаков, как иконичность, индексальность и синтаксическая имплицитность.

Иконичность. Является ведущей характеристикой изображений, поддерживающей «фактографичность, достоверность сообщения, выражаемого визуальными средствами» [4, с. 101]. В отличие от знаков языка (слов), которые являются произвольными (связь между означающим и означаемым не мотивирована), изображения выстраиваются на аналогии или сходстве [22, с. 216]. Свойство иконичности предопределяет их более высокую по сравнению с языковыми знаками «естественность» и, как следствие, более тесную связь с реальностью, что усиливает доверие адресата, практически исключая из его сознания идею, что любое изображение — это конструкт, созданный человеком в определенных целях. В этой связи визуальный фрейм воспринимается как менее «навязчивый» по сравнению с языковым, что, фактически, позволяет агенту дискурса «незаметнее» передавать идеологические смыслы.

Индексальность. Термин восходит к Ч. С. Пирсу, который отграничивает фотографии от других типов изображений, созданных человеком [26]. Благодаря свойству указывать на что-л. (объекты, участники), названное им индексальностью, фотографии обладают большей доказательностью и предоставляют неявную «гарантию», что они ближе к реальности, чем другие

формы коммуникации. Это устраняет или сводит к минимуму недоверие адресата в отношении того, что он воспринимает как действительно существующее [22, с. 217]. Необходимым звеном анализа становится идея смежности, заложенная в визуальном изображении, которое одновременно иконично и метонимично. Метонимия «показывает границы ситуации, в которой должно происходить понимание» [4, с. 102].

При создании фотографии особую значимость приобретает выбор объектов из множества, их комбинация, ракурс визуализации, особенности кадрирования и редактирования (размытие, затемнение). По аналогии с сообщением на естественном языке в визуальном сообщении можно выделить элементарные единицы, или *фигуры*, – дискретные смысловозначительные или служащие смысловозначению семиотические элементы, конституирующие пространство изображения [27; 28]. Развивая эту мысль, полагаем, что на языке фотографии фонетическому уровню соответствуют точки, контуры, линии, цветовые и световые пятна, на лексическом уровне основными единицами выступают объекты и субъекты изображения, грамматический уровень отражает общую структуру и композицию визуального сообщения, а также особенности кадрирования.

Убедительно звучит мысль о том, что фотографию нельзя считать информационно нейтральной формой или средством «автоматического» воспроизводства действительности. По справедливому наблюдению А. Бергера, фотография «остается только *интерпретацией* реальности и окружающего мира, а не самой реальностью» [28]. Даже если изображения не являются постановочными, их выбор многое говорит об отражении мира [22]. В частности, исследования визуальных фреймов подтверждают, что в практиках освещения военных конфликтов журналисты нарушают правила объективности и поддерживают позицию «своего» правительства [23]. Из этого вытекает, что передача разных культурно-идеологических смыслов будет выражаться в различных моделях визуального фреймирования, при помощи которого усиливается наглядность одних характеристик по сравнению с другими.

Синтаксическая имплицитность. Одним из качеств сообщений на естественном языке является синтаксическая эксплицитность. Она проявляется в характере синтагматических отношений, основанных на линейной последовательности элементов языка в речи. В языковом модусе производство высказываний регулируется правилами установления причинно-следственных связей («х произошло из-за у», «х связано с у»), сравнений («х похоже на у», «х совпадает с у»), обобщений («х типичен для у») [22, с. 218]. Визуальный модус отличается синтаксической имплицитностью. Хотя в структуре изображений причинно-следственная связь или сходство нередко подразумевается, система четких правил регулирования их производства отсутствует.

Существует значительная разница в выражении одного и того же содержания вербально и визуально. Высказывания на естественном языке выражают смысл линейно и во времени, а «графические высказывания» устанавливают смысл нелинейно (пространственно) и мгновенно⁴ [4, с. 102]. По сравнению с вербальным модусом визуальные высказывания в большей степени зависят от способности зрителя интуитивно понимать неявные значения. Названные характеристики изображений определяют особый статус визуального фреймирования, так как агент дискурса способен передавать содержание, которое может быть противоречивым или вызывать более острую реакцию аудитории при его передаче ресурсами естественного языка.

Поскольку реализация визуальных фреймов создается за счет частной разновидности семиотических ресурсов, выборка материала для исследования включает 1058 фотографий, интегрированных в структуру телеграм-постов, опубликованных в политическом (<https://t.me/Russiansword>) и новостном (https://t.me/migranty_RUS) телеграм-каналах с января по июль 2024 года. Эти каналы были отобраны на основании данных сервиса аналитики TGstat

⁴ Van Leeuwen T. Multimodality // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin. John Wiley & Sons, 2015. P. 450.

(<https://tgstat.ru/>) по критерию тематики (трудовая миграция), охвату (200 тыс. подписчиков), индексу цитируемости и вовлеченности аудитории (активность участников).

Анализ содержания, передаваемого изображениями, производился в соответствии с методикой анализа визуальной репрезентации конфликта М. Гриффина, Дж. Ли [29] с учетом идей К. Пэрри [30] и алгоритма, предложенного В. Ф. Петренко для анализа семантической структуры образной репрезентации⁵. Разделяя мнение о том, что «автономность визуального канала не означает его изолированность от языкового ресурса» [4, с. 107], при анализе фотоизображений автор статьи также привлекал сообщения на естественном языке, вмонтированные в вербально-визуальный текст телеграм-поста в виде подписей. Это позволило выработать двухэтапную методику лингво-семиотического анализа визуальных фреймов как индикаторов конфликтности межкультурного взаимодействия по параметрам «фокус внимания» и «механика визуального фреймирования».

Результаты исследования и интерпретация

Фокус визуального фрейма

Природа конфликтов между резидентами и трудовыми мигрантами проявляется в противоречиях, возникающих в ситуациях взаимодействия на профессиональной и бытовой основе. В структуре конфликта традиционно выделяется две активных стороны: субъект, ответственный за возникновение и развитие конфликтной ситуации, и актор, который по своей воле или случайно вовлекается конфликт⁶. Это *прямые* участники конфликта, в ходе его развития они могут меняться ролями. Наряду с ними выделяются косвенные участники. Они представляют третью сторону конфликта, могут провоцировать конфликт, способствовать его эскалации или прекращению, а также поддерживать одну, другую или обе стороны одновременно.

Изображения, включенные в структуру телеграм-постов, делают заметным (от англ. *salient* – заметный, бросающийся в глаза) присутствие одних акторов и игнорирование других [31], что обусловлено базовой функцией фрейма, заключающейся в *выделении* элемента [18]. С учетом этого значимым параметром анализа визуальных фреймов является *фокус внимания*, под которым подразумеваются представленные в пространстве изображения субъект(ы), объект(ы) или действие(я) субъектов.

На этом основании визуальные сообщения, извлеченные из телеграм-каналов, распределяются как показано в табл. 1.

Таблица 1. Распределение визуальных сообщений по параметру «фокус внимания»

Table 1. Distribution of visual images by the “focus of attention” parameter

№	Фокус внимания	Политический канал	%	Новостной канал	%
1	Субъект	218	41	231	44
2	Объект	91	17	78	15
3	Действие	222	42	218	41
Всего		531	100	527	100

Количественные данные свидетельствуют о том, что в политическом телеграм-канале фокус внимания направлен на субъект изображения в 41% случаев, в новостном – в 44%. По числу референтов, получающих иконическое воспроизведение, визуальные сообщения делятся на *моносубъектные* (от греч. *monos* – один), *дисубъектные* (от греч. *di* – два) и *полисубъектные* (три и более) изображения, которые вводят в перцептивную зону адресата один, два или несколько акторов (табл. 2).

⁵ Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учебное пособие для вузов. СПб.: Питер, 2005. С. 133.

⁶ Конфликтология: учебное пособие / сост. С.Ю. Иванова, С.В. Попова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 30.

Таблица 2. Распределение визуальных сообщений по количеству изображаемых субъектов
Table 2. Distribution of visual images by the number of subjects

№	Количество	Политический канал	%	Новостной канал	%
1	Моносубъектные	183	84	195	84,4
2	Дисубъектные	12	5,5	20	8,7
3	Полисубъектные	23	10,5	16	6,9
Всего		218	100	231	100

Данное разграничение оказывается важным для понимания особенностей визуальной репрезентации конфликтов на межкультурной основе и дает возможность установить следующие лингвосемиотические закономерности визуального фреймирования.

Моносубъектные изображения доминируют в двух источниках (84% — в политическом, 84,4% — в новостном). Визуальная репрезентация конфликта в телеграм-каналах выводит на первый план его основных участников. Прямые участники представлены образами мигрантов, инициирующих конфликт и имеющих непосредственное отношение к криминалу. Особую группу составляют моносубъектные изображения, служащие целям идентификации личности преступника. Ср.: референт изображения — нарушитель закона: *стали известны личности четверых из шести предполагаемых террористов, устроивших стрельбу в...* (здесь и далее сохранена оригинальная орфография и пунктуация).

Вторым участником конфликта является образ жертвы, воплощенный изображениями лиц, пострадавших от действий этнофоров. Ср.: референт изображения — военный: *произошёл инцидент, в результате которого мигрант нанёс ранения бойцу СВО*; референт изображения — девочка-подросток: *гастарбайтера осудили на девять лет за надругательство над школьницей*.

Косвенными участниками конфликта выступают представители профессиональных групп (спортсмены, военные, полицейские, политики, преподаватели, студенты, блогеры и др.), рядовые граждане, высказывающие мнения о трудовых мигрантах, государственные служащие и общественные деятели, принимающие участие в решении общественно-значимых задач и миграционных вопросов, а также модераторы. Ср. в двух примерах референт изображения — губернатор: *В Приамурье будут изымать земли у агропредприятий, привлекающих к работе нелегалов, заявил губернатор*; *Губернатор высказался о запрете для мигрантов заниматься работой в сфере такси*.

Дисубъектные изображения содержат две фигуры. В большинстве случаев референтом является пара — местная женщина и мужчина-мигрант. Ср.: *Все по многонациональной классике*. Ирония, создаваемая в языковом модусе, обыгрывает официальную риторику о многонациональном народе (Конституция РФ, ст. 3, 68), акцентируя внимание на сложных реалиях. В тексте телеграм-поста проблема взаимоотношений представлена как конфликт между партнерами с разной этнической принадлежностью и культурными ценностями.

В *полисубъектных изображениях* визуализируются несколько фигур, создающих композиционно-содержательную целостность. Выделяется группа субъектов, референтами которой выступают семьи разной этнокультурной принадлежности. Их образы используются для обсуждения недостатков миграционной политики в целом. Ср.: референт — семья из Канады: *Многодетную семью канадцев могут отправить обратно на родину из России из-за того, что они не знают русский язык*. Сами по себе изображения не несут идею конфликта, но играют роль визуальной «опоры» для конфликтогенного содержания, передаваемого за счет языкового модуса. При этом во всех случаях смыслопроизводство осуществляется по модели «изображение + языковая субстанция».

Конфликтогенное содержание преимущественно передается за счет визуальной метонимии, которую целесообразно рассматривать в аспекте когнитивной операции инференции [4, с. 102], позволяющей устанавливать закономерности и причинно-следственные связи между явлениями и обстоятельствами на основе смежности. Этим целям служит особая категория активируемых образов – *объекты* изображения (табл. 3). В 17% примеров в политическом канале и 15% в новостном фокус внимания адресата направлен на артефакт – материальный предмет, вещь или их совокупности (табл. 1).

Таблица 3. Распределение объектов изображений по тематическим группам
Table 3. Distribution of image objects by thematic groups

№	Тематическая группа	Политический канал	%	Новостной канал	%
1	Объекты городского ландшафта	38	41,6	41	52,6
2	Средства и предметы преступлений	28	30,8	9	11,5
3	Личное имущество	18	19,8	21	26,9
4	Символы культуры	3	3,4	4	5,1
5	Единичные	4	4,4	3	3,9
Всего		91	100	78	100

В двух телеграм-каналах самой многочисленной является группа изображений *объектов городского ландшафта* (41,6% – в политическом, 52,6% – в новостном). В выборке регулярно встречаются изображения зданий и их частей (аэропорт, метрополитен, магазин, ресторан, жилой дом, подъезд, общественный туалет и пр.), в том числе институциональных учреждений (посольство, школа и др.). Ср. референт изображения – здание Государственной думы: *Комитет Госдумы одобрил проект о праве полиции принимать решение об административном выдворении за пределы РФ иностранных граждан и лиц без гражданства*. В данном контексте речь идет о депроблематизации конфликтов на межкультурной основе и принятии государственных мер в случае нарушении правил миграционного режима.

Отличием политического телеграм-канала от новостного является интеграция изображений зданий в странах с длительной историей миграции. Ср. референт изображения – фасад дома с цитатой из священной книги мусульман (Великобритания): *Мэр Лондона начал размещать цитаты из Корана на городских улицах*. Конфликтогенные смыслы не эксплицируются, но представлены неявно в виде ассоциативной параллели между европейскими странами, переживающими острый миграционный кризис, и текущим положением дел в нашей стране.

В структуре телеграм-постов нередко присутствуют изображения мест религиозного поклонения (мечетей, церквей). Ср. референт изображения – православный храм на фоне городского пейзажа: *мигрант с ножом пытался начать резню в православном храме*. Факт присутствия лица, имеющего оружие и намерение совершить кровавое деяние в святом для верующих месте, обозначает угрозу общественной безопасности. Идея конфликта оформляется в единстве нейтрального изображения и языковой субстанции.

В новостном телеграм-канале обнаруживаются изображения объектов городского ландшафта, подвергшихся актам вандализма. Ср. разрушенный мощеный тротуар у городского фонтана: *отпрыски мигрантов разобрали свежесуженную брусчатку*. Активация визуального фрейма в подобных случаях привлекает внимание к результатам деструктивных действий этнофоров. Между невербальным и языковым компонентами устанавливаются семантические отношения двойного кодирования, усиливающие конфликтогенное содержание.

Вторыми по частотности в политическом телеграм-канале оказываются визуальные сообщения с изображениями *средств и предметов преступлений* (30,8%), в новостном – *личного*

имущества (26,9%). К объектам первой группы относятся транспортные средства (автомобили, автобусы, велосипеды, спецтехника, метропоезд и др.), единицы огнестрельного оружия, драгоценные вещества. В составе второй различаются документы (паспорт, водительские права и др.), знаки отличия (медали), наличные деньги, спецодежда (каска строителя), телефон и пр. Показательно, что в политическом телеграм-канале средств преступлений как объектов втрое больше, чем в новостном. Особое внимание здесь уделяется транспортным средствам, что обусловлено более активным обсуждением кровавого преступления в Подмоскowie, совершенного 22 марта 2024 г. В новостном канале изображения предметов преступлений используются при освещении широкого круга криминальных деяний, осуществляемых мигрантами в разных городах. Изображения личных вещей, являющиеся более приоритетными, по сравнению с политическим каналом, служат визуальным стимулом для дискуссий по острым вопросам взаимодействия россиян и представителей инокультур (выдворение нелегальных иностранцев, ношение мусульманской одежды, быт мигрантов и др.).

Тематическая группа **культурные символы** включает объекты: национальные куклы, костюмы, мемы, предметы живописи. Несмотря на невысокую репрезентативность в обоих каналах (3% — в политическом, 5,1% — в новостном), она представляет значительный интерес как ресурс для выражения модераторами собственной точки зрения и критики миграционных вопросов. В основе смыслопроизводства лежит визуальная интертекстуальность, или интериконичность — «интерсемиотический перевод значений и смыслов из одной знаковой системы в другую» [4, с. 104]. Субъективная позиция агента дискурса облекается в игровые формы, предлагая адресату включиться в визуальную игру для распознавания и оценки имеющихся в обществе противоречий.

Особую роль при этом играют *мемы* как изобразительные элементы интернет-коммуникации, существующие в виде высказываний, рисунков, изображений (в том числе с вербальным компонентом), видеотекстов, которые несут культурно-значимую информацию, имеют прецедентный характер, получают распространение и множественную ретрансляцию в цифровой среде. Модераторы используют мемы с целью творческой интерпретации решений официальных лиц в отношении трудовых мигрантов и «мягкой» критики миграционной политики. Интеграция мемов в структуру телеграм-постов вскрывает латентные аспекты конфликтогенности межкультурного взаимодействия. То, как это происходит, демонстрирует пример на рис. 1.

Ср.: *Админы нетолерантных телеграм-каналов после введения очередного запрета для мигрантов*. Модератор визуализирует реакцию на политическую инициативу губернатора Курской области запретить мигрантам работать в такси (май 2024 г.). Это осуществляется посредством

Рис. 1. Мем в новостном телеграм-канале. Источник https://t.me/migranty_RUS/4221, дата доступа 02.05.2024 г.

Fig. 1. Meme in a news telegram channel. Source https://t.me/migranty_RUS/4221, accessed on 05/02/2024

аллюзии к экранизации научно-фантастического романа «Дюна» (2021 г.) американского писателя Ф. Герберта. В фокус внимания вводятся зловеще улыбающиеся фигуры Харконненов (Барон Владимир, Глоссу Раббан, Фейд-Раута). Языковой модус устанавливает ассоциативную связь между агентом дискурса (*админы*) и собирательными характеристиками кинообразов, ведущими из которых являются жестокость, хитрость и деспотизм.

Включение мема в структуру телеграм-поста можно рассматривать как индикатор конфликтности социума, который, с одной стороны, сглаживает остроту миграционной проблемы, переводя ее из разряда серьезного в разряд игрового, с другой — делает очевидными противоречия между частью общества, настроенного против мигрантов (в том числе модератора), и представителями инокультур, в отношении которых принимаются ограничительные меры.

Механика визуального фреймирования

Визуальные фреймы, воплощенные ресурсами двух модусов, калибруют изображаемую реальность под интересы телеграмеров и обеспечивают контекст, оптимальный для распознавания конфликта. Трансфер понятия «механика» из физики в дискурсивный анализ позволяет ответить на вопрос о том, каким образом на основе интегративного единства сообщений визуальной и вербальной природы, заключенных в тексте телеграм-поста и обеспечивающих функционирование визуального фрейма, формируются представления о конфликтности межкультурного взаимодействия.

В процедурном отношении адресат перерабатывает информацию, заключенную в *иконографическом коде* визуального высказывания [27]. Понятие используется для обозначения совокупности визуальных и вербальных семиотических знаков, различимых в пространстве фотоизображения, при помощи которых кодируется адресованная подписчикам и рассчитанная на декодирование информация. Иконографический код изображений декомпозируется на три сообщения, соотносимые с уровнями восприятия изобразительной и языковой субстанции: денотативное визуальное сообщение, коннотативное визуальное сообщение, языковое сообщение [27, с. 303].

На основе этого устанавливаются *модели визуального фреймирования*, регулярные для политического и новостного телеграм-каналов (табл. 4).

Таблица 4. Модели визуального фреймирования
Table 4. Models of visual framing

№	Название модели	Политический канал	%	Новостной канал	%
1	Нейтральная изобразительная субстанция + конфликтная языковая субстанция	415	78,2	398	75,5
2	Конфликтная изобразительная субстанция + конфликтная языковая субстанция	99	18,6	92	17,5
3	Нейтральная изобразительная субстанция + нейтральная языковая субстанция	17	3,2	37	7
Всего		531	100	527	100

Нейтральная изобразительная субстанция + конфликтная языковая субстанция. В двух каналах модель является доминантной (78,2% — в политическом, 75,5% — в новостном). Изображение не визуализирует конфликт, языковая субстанция включает представления о противоречиях в пропозициональном содержании. Ср.: референт изображения — основной государственный документ, удостоверяющий личность, — используется для привлечения внимания к проблемам получения иностранцами российского гражданства (рис. 2).

Рис. 2. Изображение российского паспорта в новостном телеграм-канале.

Источник https://t.me/migranty_RUS/3294, дата доступа 12.03.2024 г.

Fig. 2. Image of the Russian passport on the news telegram channel.

Source https://t.me/migranty_RUS/3294, accessed 12.03.2024

Денотативное визуальное сообщение («без кода», по Р. Барту) «прочитывается» на основе непосредственной перцепции поверхностной фактуры и имеющихся у адресата знаний и представлений о мире и объекте. Происходит сличение с денотатом. В приведенном примере оно осуществляется благодаря общим знаниям о паспорте как документе, который подтверждает личность, устанавливает государственную принадлежность человека, обеспечивает его права и доступ к социальным и экономическим возможностям. Это уровень восприятия «буквального» сообщения.

Коннотативное визуальное сообщение распознается на основе культурно-специфичных знаний об объекте, отличающих его от однотипных объектов, которые наделяют графическое высказывание более глубоким содержанием в контексте образно-воплощенной ситуации. В данном случае лицу вручают российский паспорт с темно-красной обложкой, золотым гербом и надписью «Российская Федерация». Он предоставляет обладателю полноценные гражданские и политические права (участие в выборах, госслужба и др.), социальные гарантии (пенсия, бесплатное образование, медицина), льготы, пособия, экономические преимущества (трудоустройство, собственность на землю и др.). Коннотативное изображение как бы «оттиснуто на поверхности» денотативного. На изображение проецируются культурно-специфичные знания. Это уровень восприятия символического сообщения.

Языковое сообщение имеет двойственный характер (денотативный и коннотативный одновременно) и управляет процессами интерпретации визуального ряда. Оно закрепляет идею конфликта, которая не передается в изобразительной субстанции визуального сообщения: *В Госдуме предложили ужесточить требования для получения российского гражданства*. Слово-сочетание *ужесточить требования* имплицитно подразумевает социальную напряженность, обусловленную угрозами национальной идентичности и необходимостью усиления контроля за процессами миграции (так как большое число иностранцев стремится получить российское гражданство, что может нанести урон интересам государства). Это уровень интерпретации.

Понимание графического высказывания предполагает создание сложной ментальной репрезентации, формируемой синкретично тремя видами сообщений. В выделенной модели определяющая роль в активации конфликтогенных смыслов принадлежит вербальному модусу. За счет этого ресурса происходит интерпретация трудовой миграции, отражающая идею противостояния между «своими» и «чужими».

Конфликтогенная изобразительная субстанция + конфликтогенная языковая субстанция. Конфликтогенное изображение визуально эксплицирует простое или сложное действие (табл. 1), передающее идею разногласий и конфронтации между сторонами (42% — в политическом, 41% — в новостном). В логико-семантическом ядре языкового сообщения представления о противоречиях получают вторичную кодировку.

Единообразно в рассматриваемых каналах (18,6% — в политическом, 17,5% — в новостном) конфликтогенное изображение содержит признаки конфликта (в том числе непреднамеренного) в виде частных проявлений: разбор последствий ДТП, совершенных мигрантами, работа спецслужб на месте преступления, задержание преступников и подозреваемых, проверка документов, арест, заключение под стражу, заседание суда, миграционные рейды, пребывание этнофоров под стражей. В новостном канале также обнаруживаются единичные изображения драк мигрантов между собой и избиения мигрантами местных жителей.

В анализируемой выборке действия имеют множественную визуализацию: операции (компетентных органов, спецслужб), процессы (допрос, обезвреживание преступника, заключение под стражу, судебное разбирательство с участием подсудимого под стражей, вынесение приговора), работа (поисково-спасательные мероприятия, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, штурм объекта), социально-политические акты (теракт в Подмоскowie), поступки (поведение подсудимого в зале суда).

Референтами изображений чаще всего выступают ситуации, отражающие социально-правовые конфликты межкультурного взаимодействия. Наиболее характерные примеры — действия, имеющие место в суде. Ср.: подсудимый стоит в металлической клетке во время судебного заседания и заслушивает приговор: *...заключили под стражу двух абу-бандитов ранее избивших женщину за то, что она якобы украла из магазина продукты*; изображение двух подсудимых, каждый из которых сидит в специальной кабине за решеткой в зале суда: *...на два месяца арестовали двух гастарбайтеров, отравивших в своей рыгаловке 16 человек*.

Изображаемые действия, в целом, осуществляются в ситуациях, включающих совокупность обстоятельств. Ресурс языкового модуля призван направить процесс интерпретации и дать исходящую от модератора оценку положению дел, заключенную в пропозициональном содержании и пейоративной семантике лексем (*абу-бандит, рыгаловка* и пр.).

Нейтральная изобразительная субстанция + нейтральная языковая субстанция. Данная модель является низкочастотной (3,2% — в политическом, 7% — в новостном канале), но ее наличие в телеграм-коммуникации свидетельствует о латентной форме конфликтогенности межкультурного взаимодействия, которая не проявляется в открытых конфликтах, может создавать предпосылки для их возникновения.

В условиях роста числа иностранных специалистов из центральноазиатских стран озабоченность состоянием национальной культуры и традиций русского народа в политическом телеграм-канале передается посредством изображений, символизирующих культурный код и национальную самобытность (рис. 3).

Ср. референт изображения — мурал «Место силы русского мира» (художник О. Иванов) на фасаде здания Вологодской городской думы: *Немного русскости вам в ленту. Вологда, любо!* Трехфигурное изображение богатыря, Иисуса Христа и православного храма имеет глубокое символическое значение. Благодаря былинам образ богатыря укоренен в сознании россиян как образ защитника русской земли. Православный храм является оплотом цивилизации и духовной культуры. Визуальным стержнем изображения выступает лик Иисуса, подчеркивающий определяющую роль православия в русской культуре. Вербальный модуль усиливает патриотические идеи (*Место силы русского мира*) понятием *русскости*, которое вбирает множество культурно-исторических смыслов (язык, литература, история, религия и др.). Сакрализация русскости также визуализируется в других примерах. Ср.: референт изображения — циркачи на сцене,

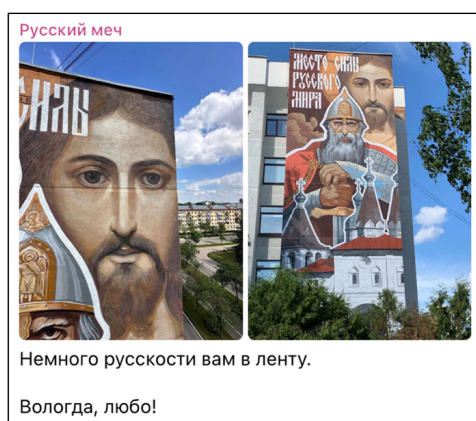

Рис. 3. Мурал «Место силы русского мира». Источник <https://t.me/Russiansword/2520>, дата доступа 10.06.2024 г.
Fig. 3. Mural «The place of power of the Russian world». Source <https://t.me/Russiansword/2520>, accessed 10.06.2024

Рис. 4. Праздник в национальных костюмах. Источник https://t.me/migranty_RUS/3263, дата доступа 11.03.2024 г.
Fig. 4. Celebration in national costumes. Source https://t.me/migranty_RUS/3263, accessed 11.03.2024

акробаты и гимнасты в русских народных костюмах: *Вот вам ещё порция русской красоты на вечер*; референт изображения — девушки в национальных костюмах, танцующие хоровод: *Сегодня состоится прекрасный русский праздник для всех, который пройдёт в Измайловском Кремле...*

Подобные примеры чаще обнаруживаются в новостном телеграм-канале. Ср.: серия фотографий, референты изображения — люди в русских национальных костюмах на празднике (рис. 4): *Кажется, нам кто-то приказал забыть свою идентичность...*

Визуальный фрейм активизирует представления об исторической и духовной идентичности россиян, ценностях и богатстве национальных культурных традиций. Языковая субстанция имплицитно угрожает (*нам кто-то приказал забыть свою идентичность*). В контексте общего содержания новостного телеграм-канала это может рассматриваться как намек на нежелательную

толерантность по отношению к представителям инокультур и ущемление прав государствообразующего русского народа.

Заключение

В социальном плане исследование согласуется с целью информационно-аналитического обеспечения реализации миграционной политики, обозначенной в Указе Президента «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», которая предполагает «совершенствование языка описания миграционных процессов»⁷.

В теоретико-методологическом плане настоящее исследование, опирающееся на аппарат дискурс-анализа и социальной семиотики, расширяет границы применимости теории фреймирования за счет дискурсивного анализа вербально-визуальных комплексов, которые используются для активации фреймов конфликтного взаимодействия с этнофорами в контексте трудовой миграции.

Иконичность, индексальность и синтаксическая имплицитность как основные свойства фотоизображений обуславливают их принципиальную несамодостаточность и большую зависимость от ресурсов языка. Именно вербальные средства задают оценочность и конфликтную интерпретацию визуального ряда при конструировании социальных значений. Визуальные фреймы, рассматриваемые как индикаторы конфликтности межкультурного взаимодействия, активируются синкретично ресурсами изобразительного и языкового модусов.

Для выявления специфики визуальной репрезентации взаимоотношений «резиденты – этнофоры» в политическом и новостном телеграм-каналах разрабатывается методика лингвосемиотического анализа визуальных фреймов по параметрам «фокус внимания» и «механика визуального фреймирования», которая акцентирует внимание на референтах изображения и конфликтном содержании, усиленном средствами языка.

Утверждается значимость субъектов, объектов и действий субъектов, вводимых в визуальное высказывание. Это позволяет выявить закономерности визуального фреймирования конфликта в аспектах: а) использования моносубъектных, дисубъектных, полисубъектных изображений; б) активации четырех тематических групп объектов изображения, служащих основой визуальной метонимии (объекты городского ландшафта, средства и предметы преступлений, личное имущество, символы культуры).

Демонстрируется, что единообразно в двух каналах конфликтное содержание зашифровано в иконографическом коде изображения, имеющем денотативную, коннотативную и языковую составляющую. Выделяются модели визуального фреймирования: «нейтральная изобразительная субстанция + конфликтная языковая субстанция»; «конфликтная изобразительная субстанция + конфликтная языковая субстанция»; «нейтральная изобразительная субстанция + нейтральная языковая субстанция».

Сложная семиотическая природа изображений делает изучение визуального фреймирования перспективной областью лингвистики дискурса. Заключение в визуальных сообщениях имплицитная конфликтность часто является трудноуловимой, но оказывающей полноценное воздействие на адресата. Латентные конфликтные смыслы требуют вербальной экспликации для углубления понимания скрытых предпосылок и негативных оценочных установок, стоящих за визуальным оформлением социальных практик и межкультурного взаимодействия. Это задает актуальное направление дальнейшего изучения визуального фреймирования с применением лингвосемиотического инструментария.

⁷ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 20.10.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Солидарность и конфликты в современном обществе: Материалы научной конференции XII Ковалевские чтения 15–17 ноября 2018 года / отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. 600 с.
2. **Абакумова О.Б., Абрамова Е.И., Александрова О.В. [и др.]**. Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина / под общей ред. Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой. М.: Наука, 2024. 560 с.
3. **Бушев А.Б., Гнедаш А.А., Голев Н.Д. [и др.]**. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Т. 3: Лингво-конфликтологический аспект: монография / отв. ред. Е.В. Новгородова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 384 с.
4. **Чернявская В.Е.** Визуальность в социокультурной проекции // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2 (28). С. 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
5. **Кресс Г.** Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77–100.
6. **Romano M., Porto D.** Framing conflict in the Syrian refugee crisis: Multimodal representations in the Spanish and British press // Discursive Approaches to Sociopolitical Polarization and Conflict / ed. by L. Filardo-Llamas, E. Morales-López, A. Floyd. London: Routledge, 2021. P. 153–173. DOI: 10.4324/9781003094005-10
7. **Van Gorp B., Vyncke B.** Deproblematization as an Enrichment of Framing Theory: Enhancing the Effectiveness of an Awareness-Raising Campaign on Child Poverty // International Journal of Strategic Communication. 2021. Vol. 15, Iss. 5. P. 425–439. DOI: 10.1080/1553118X.2021.1988615
8. **Brändle V.K., Eisele O., Trenz H.-J.** Contesting European Solidarity During the “Refugee Crisis”: A Comparative Investigation of Media Claims in Denmark, Germany, Greece and Italy // Mass Communication and Society. 2019. Vol. 22, Iss. 6. P. 708–732. DOI: 10.1080/15205436.2019.1674877
9. **Colombo M.** The Representation of the “European Refugee Crisis” in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses // Journal of Immigrant & Refugee Studies. 2018. Vol. 16, Iss. 1–2. P. 161–178. DOI: 10.1080/15562948.2017.1317896
10. **Corbu N., Buturoiu R., Durach F.** Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective // Romanian Journal of Communication and Public Relations. 2017. Vol. 19, Iss. 2. P. 5–17. DOI: 10.21018/rjcp.2017.2.234
11. **Kostopoulos C., Mylonas Y.** Framing migration in the Greek press: An analysis of the ‘Evros events’ in left, liberal, and far-right newspapers // Journalism. 2022. Vol. 25, Iss. 1. P. 158–179. DOI: 10.1177/14648849221134000
12. **Alonso-Belmonte M.I., Porto M.D.** Multimodal framing devices in European online news // Language & Communication. 2020. Vol. 71. P. 55–71. DOI: 10.1016/j.langcom.2019.12.001
13. **Caple H., Bednarek M.** Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography // Journalism. 2015. Vol. 17, Iss. 4. P. 435–455. DOI: 10.1177/1464884914568078
14. **Асмус Н.Г., Журкова М.С., Ковальчук Л.П. [и др.]**. Медийная репрезентация социальных проблем городов-побратимов: монография / под ред. С.Л. Кушнерук, Н.С. Олизько. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 237 с.
15. **Самкова М.А.** Тематические фреймы в конструировании образа города зарубежными СМИ // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 2. С. 350–364. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).350-364
16. **Сулейманова О.А., Соколова А.В.** Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 4. С. 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409
17. **Кушнерук С.Л.** Фреймирование трудовой миграции как социальной проблемы в российском сегменте Telegram // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10, № 1. С. 31–46. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-3
18. **Entman R.M.** Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43, Iss. 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

19. **Goffman E.** *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper & Row, 1974. 586 p.
20. **Кушнерук С.Л.** Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы // *Коммуникативные исследования*. 2022. Т. 9, № 2. С. 243–259. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.9(2).243-259
21. **Godefroidt A., Berbers A., d’Haenens L.** What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles // *The International Communication Gazette*. 2016. Vol. 78, Iss. 8. P. 777–801. DOI: 10.1177/1748048516640482
22. **Messararis P., Abraham L.** The Role of Images in Framing News Stories // *Framing Public Life: Perspectives on Media and Our Understanding of the Social World* / ed. by S.D. Reese, O.Jr. Gandy, A.E. Grant. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2008. P. 215–226. DOI: 10.4324/9781410605689-22
23. **Fahmy S.** Contrasting visual frames of our times: A framing analysis of English and Arabic-language press coverage of war and terrorism // *International Communication Gazette*. 2010. Vol. 72, Iss. 8. P. 695–717. DOI: 10.1177/1748048510380801
24. **Tankard J.W.Jr.** The Empirical Approach to the Study of Media Framing // ed. by S.D. Reese, O.Jr. Gandy, A.E. Grant. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2008. P. 95–105.
25. **Чернявская В.Е.** Прагматика визуальных средств в создании положительной репутации университета (на материале текстов, опубликованных на сайтах российских университетов) // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13, № 4. С. 62–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405
26. **Peirce C.S.** *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. 284 p.
27. **Барт Р.** Риторика образа // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс, 1994. С. 297–318.
28. **Бергер А.** Видеть — значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. М.: Вильямс, 2005. 288 с.
29. **Griffin M., Lee J.** Picturing the Gulf War: Constructing Images of War in Time, Newsweek, and US News & World Report // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 1995. Vol. 72, Iss. 4. P. 813–825. DOI: 10.1177/107769909507200405
30. **Parry K.** A visual framing analysis of British press photography during the 2006 Israel–Lebanon conflict // *Media, War & Conflict*. 2010. Vol. 3., Iss. 1. P. 67–85. DOI: 10.1177/1750635210353679
31. **Roger N.** *Image Warfare in the War on Terror*. London: Palgrave Macmillan, 2013. 190 p.

REFERENCES

- [1] *Solidarnost i konflikty v sovremennom obshchestve: Materialy nauchnoy konferentsii XII Kovalevskiy chteniya 15–17 noyabrya 2018 goda* [Solidarity and conflicts in modern society: Proceedings of the XII Kovalev Readings scientific conference, November 15–17, 2018], Skifiya-print, St. Petersburg, 2018.
- [2] **Abakumova O.B., Abramova Ye.I., Aleksandrova O.V. et al.**, *Mezhkulturnaya kommunikatsiya kak oblast nauchnogo issledovaniya i akademicheskaya distsiplina* [Intercultural communication as a field of scientific research and academic discipline], ed. by N.A. Akhrenova, O.D. Vishnyakova, A.P. Minyar-Beloruicheva, Nauka, Moscow, 2024.
- [3] **Bushev A.B., Gnedash A.A., Golev N.D. et al.**, *Sotsialnyye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz. T. 3: Lingvo-konfliktologicheskiy aspekt: monografiya* [Social networks: a comprehensive linguistic analysis. Vol. 3: Linguistic and conflictological aspect: monograph], Kemerovo State University, Kemerovo, 2022.
- [4] **Chernyavskaya V.E.**, Image and Visuality in Sociocultural Dimension, ПРАЭХМА. *Journal of Visual Semiotics*, 2 (28) (2021) 96–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-2-96-109
- [5] **Kress G.**, Social semiotic and the challenge of multimodality, *Political science (Russia)*, 3 (2016) 77–100.
- [6] **Romano M., Porto D.**, Framing conflict in the Syrian refugee crisis: Multimodal representations in the Spanish and British press, *Discursive Approaches to Sociopolitical Polarization and Conflict*, ed. by L. Filardo-Llamas, E. Morales-López, A. Floyd, Routledge, London, 2021. pp. 153–173. DOI: 10.4324/9781003094005-10

- [7] **Van Gorp B., Vyncke B.**, Deproblematization as an Enrichment of Framing Theory: Enhancing the Effectiveness of an Awareness-Raising Campaign on Child Poverty, *International Journal of Strategic Communication*, 15 (5) (2021) 425–439. DOI: 10.1080/1553118X.2021.1988615
- [8] **Brändle V.K., Eisele O., Trenz H.-J.**, Contesting European Solidarity During the “Refugee Crisis”: A Comparative Investigation of Media Claims in Denmark, Germany, Greece and Italy, *Mass Communication and Society*, 22 (6) (2019) P. 708–732. DOI: 10.1080/15205436.2019.1674877
- [9] **Colombo M.**, The Representation of the “European Refugee Crisis” in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses, *Journal of Immigrant & Refugee Studies*, 16 (1–2) (2018) 161–178. DOI: 10.1080/15562948.2017.1317896
- [10] **Corbu N., Buturoiu R., Durach F.**, Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective, *Romanian Journal of Communication and Public Relations*, 19 (2) (2017) 5–17. DOI: 10.21018/rjcp.2017.2.234
- [11] **Kostopoulos C., Mylonas Y.**, Framing migration in the Greek press: An analysis of the ‘Evros events’ in left, liberal, and far-right newspapers, *Journalism*, 25 (1) (2022) 158–179. DOI: 10.1177/14648849221134000
- [12] **Alonso-Belmonte M.I., Porto M.D.**, Multimodal framing devices in European online news, *Language & Communication*, 71 (2020) 55–71. DOI: 10.1016/j.langcom.2019.12.001
- [13] **Caple H., Bednarek M.**, Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography, *Journalism*, 17 (4) (2015) 435–455. DOI: 10.1177/1464884914568078
- [14] **Asmus N.G., Zhurkova M.S., Kovalchuk L.P. et al.**, *Mediynaya reprezentatsiya sotsialnykh problem gorodov-pobratimov: monografiya* [Media representation of the twin cities’ social problems: monograph], ed. by S.L. Kushneruk, N.S. Olizko, Chelyabinsk State University Publ., Chelyabinsk, 2021.
- [15] **Samkova M.A.**, The Construction of the City Image in Foreign Media: A Study of Thematic Framing, *Communication Studies*, 10 (2) (2023) 350–364. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(2).350-364
- [16] **Suleimanova O.A., Sokolova A.V.**, Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409
- [17] **Kushneruk S.L.**, Framing labour migration as a social problem on Russian Telegram, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 10 (1) (2024) 31–46. DOI: 10.18413/2313-8912-2024-10-1-0-3
- [18] **Entman R.M.**, Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm, *Journal of Communication*, 43 (4) (1993) 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
- [19] **Goffman E.**, *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, Harper & Row, New York, 1974.
- [20] **Kushneruk S.L.**, Strategic framing as an object of communication studies: origin, problems, prospects, *Communication Studies (Russia)*, 9 (2) (2022) 243–259. DOI: 10.24147/2413-6182.20-22.9(2).243-259
- [21] **Godefroidt A., Berbers A., d’Haenens L.**, What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles, *The International Communication Gazette*, 78 (8) (2016) 777–801. DOI: 10.1177/1748048516640482
- [22] **Messariss P., Abraham L.**, The Role of Images in Framing News Stories, *Framing Public Life: Perspectives on Media and Our Understanding of the Social World*, ed. by S.D. Reese, O.Jr. Gandy, A.E. Grant, Lawrence Erlbaum, Mahwah, NJ, 2008, pp. 215–226. DOI: 10.4324/9781410605689-22
- [23] **Fahmy S.**, Contrasting visual frames of our times: A framing analysis of English and Arabic-language press coverage of war and terrorism, *International Communication Gazette*, 72 (8) (2010) 695–717. DOI: 10.1177/1748048510380801
- [24] **Tankard J.W.Jr.**, The Empirical Approach to the Study of Media Framing, ed. by S.D. Reese, O.Jr. Gandy, A.E. Grant, Lawrence Erlbaum, Mahwah, NJ 2008, pp. 95–105.
- [25] **Chernyavskaya V.E.**, Pragmatic charge of visual resources in constructing positive university reputation: based on texts at university websites, *Terra Linguistica*, 13 (4) (2022) 62–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405
- [26] **Peirce C.S.**, *Peirce on Signs: Writings on Semiotic*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1991.
- [27] **Barthes R.**, *Ritorika obraza* [The rhetoric of the image], *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics], Progress, Moscow, 1994.

- [28] **Berger A.**, Seeing is Believing: An Introduction to Visual Communication, Williams, Moscow.
- [29] **Griffin M., Lee J.**, Picturing the Gulf War: Constructing Images of War in Time, Newsweek, and US News & World Report, Journalism and Mass Communication Quarterly, 72 (4) (1995) 813–825. DOI: 10.1177/107769909507200405
- [30] **Parry K.**, A visual framing analysis of British press photography during the 2006 Israel–Lebanon conflict, Media, War & Conflict, 3 (1) (2010) 67–85. DOI: 10.1177/1750635210353679
- [31] **Roger N.**, Image Warfare in the War on Terror, Palgrave Macmillan, London, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Кушнерук Светлана Леонидовна

Svetlana L. Kushneruk

E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4447-4606>

Поступила: 24.07.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 04.11.2025.

Submitted: 24.07.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 04.11.2025.

Научная статья

УДК 811.112.2, 811.111'42, 81'373.47

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16406>

EDN: <https://elibrary/EUTXEC>

ДИНАМИКА ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИИ НЕМЕЦКОЙ ПРАГМАТЕМЫ *PROST MAHLZEIT!* В ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

К.В. Манёрова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ k.manerova@spbu.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании и комплексном описании взаимосвязи системно обусловленного значения немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* и контекстов ее использования для выявления динамики процессов прагматикализации, вскрытия латентных смыслов на четко ограниченном немецком языковом материале в русле исследований прагматической лингвистики языковых единиц. В качестве материала в статье привлечены 100 контекстных примеров прагматемы *prost Mahlzeit* и ее вариантов *Na prost Mahlzeit*, *Na, dann prost Mahlzeit* («На здоровье!») — немецкой этикетной формулы, также употребляемой в пяти значениях прагматических маркеров, выражающих удивление, досаду, разочарование, скептическое отношение и иронию. Научная новизна исследования заключается в изучении развития значения немецкой формулы как результата семантической и прагматической модификации. Впервые доказано, что прагматема *prost Mahlzeit* представляет собой редкий пример двухэтапной прагматикализации коокурентных компонентов вследствие утраты компонентами их лексического значения. Установлено, что через развитие единицей своих прагматических значений в динамике ситуативный денотат меняется и эксплицируется на более широкий спектр коммуникативных ситуаций: от речевых актов со значением пожеланий к иллокутивным экспрессивам, от интенции к восклицанию со значением спонтанности. Продемонстрировано, что в процессе динамической смены речевых актов на экспрессивные положительно коннотированные этикетные формулы становятся коллоквиальными маркерами выражения негативных эмоций или сарказма. Выявлено, что экспрессивная функция прагматемы порождается ее формульностью, устойчивостью и воспроизводимостью. Многоаспектный подход, а именно контекстный анализ, прагмалингвистический анализ, корпусные методы анализа, теория речевых актов, принципы грамматики конструкций в применении к прагматеме призваны раскрыть динамику исследуемой двухфазовой прагматикализации формульной прагматемы. В результате на ранее не исследуемом материале создается основа для последующей прагматической типологии прагматем немецкого языка.

Ключевые слова: прагматическая лингвистика, прагматема, этикетная формула, двухэтапная прагматикализация, экспрессивы.

Для цитирования: Манёрова К.В. Динамика прагматикализации немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* в экспрессивных речевых актах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 92–109. DOI: 10.18721/JHSS.16406

DYNAMICS OF PRAGMATICALIZATION OF THE GERMAN PRAGMATEME *PROST MAHLZEIT!* IN EXPRESSIVE SPEECH ACTS

K.V. Manerova

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ k.manerova@spbu.ru

Abstract. The article aims to study and provide a comprehensive description of the relationship between the systemically determined meaning of the German pragmateme *prost Mahlzeit!* and the context of its use. This is done to identify the dynamics of pragmaticalization processes and to uncover latent meanings within a strictly limited corpus of German language material, following the research framework of pragma-semantics of linguistic units. The result of the analysis of 100 contextual examples of German pragmateme *prost Mahlzeit!* and its variants *Na prost Mahlzeit!*, *Na, dann prost Mahlzeit!* (“To your health!”), a German etiquette formula that is also used with five meanings as a pragmatic marker expressing surprise, annoyance, disappointment, skepticism and irony. The scientific novelty of the research lies in examining the development of the meaning of the German formula as a result of semantic and pragmatic modification. Proved for the first time that the pragmateme is a rare example of a two-stage pragmaticalization of co-occurring components, as a result of losing their lexical meaning. It is established that through the development of pragmatic meanings in dynamics, the situational denotation changes and is explicated into a wider range of communicative situations: from speech acts with the meaning of wishes to illocutionary expressions, from intention to exclamation with the meaning of spontaneity. The study demonstrates that during the dynamic shift from speech acts to expressive acts, positively connoted etiquette formulas become colloquial markers of the expression of negative emotions or sarcasm. It is revealed that the expressive function of a pragmateme is generated by its formality, stability and reproducibility. A multi-faceted approach – namely contextual analysis, pragmalinguistic analysis, corpus analysis methods, speech act theory, and the principles of construction grammar as applied to the pragmateme – is employed to uncover the dynamics of the investigated two-phase pragmaticalization of the formulaic pragmateme. As a result, using previously unstudied material, a foundation is laid for the subsequent development of a pragma-semantic typology of German pragmatemes.

Keywords: pragmasemantics, pragmatema, etiquette formula, two-stage pragmaticalization, expressive speech acts.

Citation: Manerova K.V., Dynamics of Pragmaticalization of the German Pragmateme *prost Mahlzeit!* in Expressive Speech Acts, *Terra Linguistica*, 16 (4) (2025) 92–109. DOI: 10.18721/JHSS.16406

Введение

В последние годы наблюдается рост интереса к фразеологии в широком смысле этого слова, и, в частности, к семантическому и прагмалингвистическому аспектам функционирования устойчивых словесных комплексов. Подход к изучению связи семантики и прагматики языковых знаков как к отражению взаимосвязи между языком как системой (объектом), знанием (семантикой) и действием (прагматикой) лег в основу монографии С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского, В.Е. Чернявской «Прагмасемантика и философия языка». Авторы выдвигают новую концепцию изучения смыслообразования в языке – прагмасемантику, суть которой усматривают в выделении системы-интерфейса взаимодействия между языком и миром через изучение значения не в системе, а в контексте [1, с. 14]. Прагмасемантика рассматривает языковые сущности, которые «становятся текстами и высказываниями посредством взаимодействия и результирующего сопряжения с контекстообразующими элементами и структурами внешнего

мира» [1, с. 16]. В рамках прагмасемантики возможно изучение изменения значения, порождения и дополнения новых смыслов языковых знаков и текстуальных структур в рамках расширяющихся контекстов.

В.Е. Чернявская упоминает две различные линии развития прагматически ориентированных концепций: в рамках первой «значимы только те отношения между языковым знаком и контекстом, которые грамматикализованы, включены в структуру знака и высказывания», для других концепций «значима динамика смыслов, интерпретация значения и возможность инференции в социокультурной ситуации». [1, с. 181]. Солидаризируясь с тезисом авторов о том, что прагматика в самом широком охвате изучает использование языка и контекстно зависимые аспекты значения, также отметим, что для нашей статьи важно положение о контекстуально ориентированных значениях языковых единиц, о динамике их смысла, с учетом роли говорящего в коммуникативно-речевом воздействии.

К прагматике (и прагмасемантике) как к современному вектору изучения устойчивых словосочетаний, рутинных формул (формулам) и прагматических маркеров (прагматем) в различных языках прицельно обращаются отечественные и зарубежные лингвисты. Понимание прагматической природы языковых знаков лингвистами выявляет широкий спектр подходов и методов. Изучению прагматики и семантики фразеологизмов в русском языке посвящена диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук М.Л. Ковшовой, где прагматика и семантика фразем рассматриваются в русле лингвокультурологического подхода¹; особенно структуры значения и прагматики использования неопраземы *белое пальто* рассмотрены в статье Т.В. Леонтьевой, где с помощью контекстного и дискурсивного анализа установлены вариативность структурно-семантического облика неопраземы, ее грамматические характеристики и факторы возникновения, а именно речевая практика в рамках комического и интернет-мемов, а также раскрыты системно-языковые потенции колоронима *белый* [2]. Семантика и прагматика дискурсивного прагматического маркера *нет* в русском языке, примеры его дискурсивного употребления в сопоставлении с немецким и английским языками освещены в статье Д.О. Добровольского и И.Б. Левонтиной [3], метакоммуникативные выражения русского и немецкого языков, относящиеся к иллокутивной цели высказывания, такие как *wieso*, *warum*, *ты чего?* и др., описываются авторами как метатекстовые маркеры, с помощью понятийного аппарата метадискурса [4]; многочисленные прагматические маркеры в русской спонтанной речи подробно рассмотрены в трудах Н.В. Богдановой-Бегларян, чья методика анализа прагматем, в частности, использована в нашей статье [5–8]. В монографии Д.О. Добровольского и Э. Пиирайнен на материале европейских языков рассматриваются аспекты фразеологической устойчивости, семантики и прагматики образных и формульных конструкций в рамках сравнительной лингвокультурологии [9]. Становлению изучения формульного языка с 1970 года и английских прагматических устойчивых маркеров посвящена обзорно-аналитическая статья Э. Поули [10]. В статье И.В. Зыковой подробно рассмотрены концепции изучения устойчивых и формульных конструкций в английском и русском языках, возникшие как результат прагматического поворота во фразеологии: прагматический фокус «дал исследовательский импульс разным областям лингвистики, в частности фразеологии» [11, с. 48]. Прагматически обусловленная формульность единиц как сочетаний, которые приобретают или уже приобрели устойчивый характер в результате частотного употребления в речи в немецком языке, изучена в работе Шт. Штайна. По мнению Штайна, для таких единиц, в отличие от фразеологизмов, не существует структурных ограничений в отношении лексических и синтаксических границ, в результате чего формульной может считаться единица, состоящая из одного слова или же, наоборот, предложения [12, с. 57].

¹ Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дисс. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 654 с.

Обратимся к методологии и методам исследования на материале употребления прагматемы *prost Mahlzeit* и ее вариантов в немецком языке.

Методология и методика исследования

Термин «прагматема» введен в научных обиход И. Мельчуком для обозначения словосочетания, «Сем(антическое) П(редставление) которого обусловлено конкретной коммуникативной ситуацией SIT, а Концепт(уальное) П(редставление) вербализуется» [13, с. 224–227], как завершенной речевой последовательности.

Иначе говоря, прагматемы представляют собой разновидность композиционных фразем, сфера употребления которых строго ограничена экстралингвистической ситуацией [14]. В этом понимании прагматемы представляют собой ситуативные фразы, связанные с конкретной коммуникативной ситуацией, в которой они используются говорящим «автоматически». Так, Н.А. Цыбульская на материале французского языка классифицирует прагматемы в соответствии с целью высказывания: прагматемы-вопросы, прагматемы-запреты, прагматемы-просьбы, прагматемы-предупреждения, прагматемы-оповещения, прагматемы-приказы. Таким образом, исследовательница соотносит коммуникативную ситуацию употребления прагматемы с речевым актом и обосновывает типологию тем, что иллокутивный акт представляет собой конвенциональное действие [15, с. 120]. Прагматический эффект таких единиц отмечает А.Р. Каюмова в критико-аналитической работе о лексикографической кодификации прагматем на материале английского и русского языков, а именно единиц институционального и повседневного дискурса из четырех словарей-разговорников. Рассматриваются основные фразы, приветствия, общеупотребительные выражения, повседневные выражения, первые слова. Прагматемы структурно разнообразны: они могут быть представлены словом (*Entrance*), словосочетанием (*Lost property*), предложением (*Please turn off all mobile phones and electronic devices*) [16, с. 117], согласно типологии И. Мельчука, могут быть представлены идиомой (*Present arms!*), должны быть прагматически ограничены [14, с. 18]. Исследовательница отмечает, что прагматемы оказались на периферии внимания отечественных исследователей. Тем не менее эти единицы представляют собой несомненный интерес в следующих ракурсах: установление надежных критериев, позволяющих выделить прагматемы в ряду сходных единиц; выявление их семантических, структурных, функциональных признаков; анализ их стилистического функционирования и трансформационного потенциала с целью сопоставительного изучения, лексикографической кодификации, преподавания и формирования навыков перевода, обучения машинному переводу [16, с. 118].

Прагматемы, как и другие знаки языка, способны актуализировать «социальные смыслы, такие как формы идентичности, обусловленные ими коммуникативные роли и социальные отношения» [17, с. 118], вследствие чего они могут развивать социальное значение и пониматься как динамичные социальные индексы, у которых, согласно справедливому замечанию Е.Н. Молодыхенко и В.Е. Чернявской, «природа „социального“ значения кардинально отличается от природы традиционных денотативных значений языковых единиц» [17, с. 107–108]. Так, И. Шершунович включает в класс прагматем этикетные и коммуникативные формулы, а именно новые прагматемы, появившиеся в польском языке под влиянием американского варианта английского языка: *Milego dnia* («Хорошего дня!»), *Ja panu nie przerywałem* («Я Вас не перебивал»), *Byle do piątku* («Только до пятницы!»). Три ситуативных клише проанализированы с помощью социолингвистического методологического подхода с учетом социально-лингвистической перспективы и социально-культурного контекста развития Польши в XX–XXI веках. Названные прагматические идиомы в польском языке описаны в направлении их лингвопрагматической функциональности и социальной детерминации: они выполняют фатическую и персуазивную функции, сопровождают ритуалы и этикетные действия, а именно приветствие, выражение вежливости, ободрение [18]. Значение и функции испанских формул и прагматем в свете

теории «Смысл — Текст» И. Мельчука — предмет исследования в статье М.А. Барриос Родригес. Исследовательница рассматривает испанские прагматемы, входящие в иллокутивные классы как части речевых актов, а именно как ассертивы, декларативы, директивы, экспрессивы, комиссивы, такие как *Ni por todo el oro del mundo* («Ни за что!», букв. «Ни за все золото мира!») или *A buenas horas, mangas verdes* («Поздно спохватился. Поезд ушел», букв. «Пришло время, зеленые рукава») и др. [19]. В таком прагмалингвистическом ракурсе прицельно исследуется контекстуальная и ситуативная прагматика формульных конструкций, которые имеют свойства идиоматичности, воспроизводимости, рекурентности и прагматической устойчивости — тезис, важный для исследования нашего материала.

Н.В. Богданова-Бегларян с иной точки зрения объясняет термин «прагматема» в своих работах на материале русской повседневной речи. Автор отмечает, что определенные формы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами в результате процесса прагматикализации как активного процесса в устной речи. Прагматикализация — процесс, в результате которого единицы становятся прагматическими, начинают выражать не пропозициональное содержание предложения, а различные реакции говорящего. В результате прагматикализации языковая единица утрачивает свое лексическое, а также грамматическое значение и приобретает прагматическую функцию, которая становится доминирующей при ее употреблении в потоке речи. «Обычная лексема, словосочетание или даже предикативная единица превращаются при этом в прагматемы, или прагматические маркеры (ПМ)» [6, с. 118], причем в русском языке большинство таких прагматем глагольные: *как сказать, (ну) (ты) знаешь, вот (этот) вот, туда-сюда, как его (ее, их), как это, (я) не знаю*. Типология русских прагматем включает вербальные хезитативы (*скажем так*), дискурсивы (*знаешь*), маркеры-ксенопоказатели (*грит* — говорит), маркеры-рефлексивы (*так скажем*), маркеры-метакоммуникативы (*ну слушайте*), междометные прагматемы (*здрасьте, пожалуйста*), вопросительно-риторические конструкции (*что ли*). Прагматемы могут быть симплексами или же состоять из нескольких компонентов, их объединяют грамматикализация и общее ослабление семантической составляющей, что фактически превращает такую форму в самостоятельную единицу. Прагматемы входят в «разряд условноречевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи» [5, с. 7].

Отметим, что отсутствие единой трактовки таких единиц в лингвистике порождает развернутую терминологию. Так, немецкий исследователь Ф. Кульмас предлагает классификацию, включающую пять классов прагматических идиом (формулы структурирования дискурса, формулы вежливости, метакоммуникативные формулы, формулы, выражающие эмоциональное состояние говорящего, формулы хезитации), с дальнейшим разделением на 17 подтипов [20].

Как видно из приведенного нами обзора, рассмотрение устойчивых структур в языке допускает различные методологические подходы и гетерогенное объяснение механизмов, приводящих к их прагматикализации: лингвокультурологический метод, дискурсивный анализ, сопоставительный анализ, контекстный анализ, анализ грамматикализации, анализ речевых актов, анализ коммуникативно-прагматического уровня языка, стилистический и синтаксический анализ, социолингвистический подход. Отметим, что все подходы могут быть объединены в контексте прагмасемантики, так как прагматемы как тип формул, ограниченных экстралингвистической ситуацией, подвергаются семантической и прагматической модификации — через утрату единицей своего лексического значения и приобретение прагматического.

По сравнению с образными идиомами рутинным формулам и прагматемам, как правило, в исследованиях уделяется меньше внимания. Так, лакунарность изучения прагматических и семантических аспектов таких функциональных структур отмечает Э. Поули: «Удивительно мало исследований посвящено полному набору характеристик прагматических формул» [10, с. 19]. На наш взгляд, такое упущение тем более несправедливо, если принимать во внимание

важность прагматических формул для успешной коммуникации или же существенность понимания и уместного их употребления в речи для предотвращения коммуникативных неудач в беседе с инофонами. Действительно, прежде всего прагматические формулы «явно или неявно указывают на взаимодействие» [21, с. 154]. Прагматемы используются для выражения эмоций, положительно или отрицательно окрашенных эмоциональных психогенных реакций или убеждений по отношению к содержанию высказывания или для прямого обращения к собеседникам, чтобы привлечь их внимание, вовлечь их в разговор или повлиять на них. Поэтому очень важно сосредоточить внимание на прагматических многословных единицах, используемых в разговорной речи, чтобы дать представление об их специфике и тем самым найти новый вектор рассмотрения формульности в прагмасемантическом и иллокутивном аспекте.

Материалом исследования послужили 100 примеров употребления прагматемы немецкого языка разного структурного типа *prost Mahlzeit*² (с вариантами *Na prost Mahlzeit*, *Na, dann prost Mahlzeit*), имеющих формульный и коллоквиальный характер. Примеры выбраны из общего количества 2037 внесений прагматемы в Цифровом словаре немецкого языка (*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*)³, в котором выбор пример возможен из публицистических, веб- и устных подкорпусов, в Лейпцигском корпусе (*Wortschatz Leipzig*)⁴, где выбор возможен из публицистических подкорпусов по годам (1994–2024)⁵. Немецкая прагматема кодифицирована в словарях, употребляется в разговорной речи. Из корпусов отобраны как письменные примеры, так и текстовые записи устной речи, что позволяет анализировать прагматему как единицу новой письменной устности.

Для анализа материала и описания методики исследования в статье существенное значение имеют следующие тезисные пункты:

1. Немецкая прагматема *prost Mahlzeit* во всем комплексе ее значений — единица, прагматический характер которой заложен не в образности (как у идиом), но в устойчивости и воспроизводимости в повторяющихся речевых актах, прежде всего в спонтанной речи. Как отмечают Д.О. Добровольский и Э. Пийрайнен [22, с. 20], одна из основных проблем, возникающих при работе со спонтанной речью, заключается в том, что существует множество устойчивых словосочетаний, которые похожи на общепринятые выражения, но все же в контексте остаются речевыми, а не лексическими единицами. С опорой на этот тезис в применении к материалу в статье использована методика контекстного анализа.

2. Прагматемы — коллоквиальные устойчивые формульные конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления и, таким образом, выполнять несколько прагматических функций в процессе коммуникации, ср. *Alter Schwede!*: 1) экспрессивная функция — выражение удивления или (также неприятного) ошеломления: *Vom tak сюрприз!*; *Кого я вижу!*; 2) фатическая функция — приятельское обращение к кому-либо: *Старина!*; *Приятель!*. Вслед за Н.В. Богдановой-Бегларян мы понимаем прагматемы как коллоквиальные прагматические единицы, которые выражают различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеют форму самостоятельных высказываний [5, 6]. Прагмалингвистический анализ в статье призван раскрыть ситуативный контекст, который влияет на смысл высказывания, в котором содержится прагматема.

3. Одним из наиболее важных аспектов является наличие прагматем в устных жанрах. При этом следует учитывать экстралингвистические факторы коммуникации: выбор единиц в речевом

² Написание с прописной буквы *Prost Mahlzeit* отмечено в Цифровом словаре немецкого языка как ненормативное: *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения: 18.08.2025).

³ *Korpusbelege Gegenwartskorpora mit freiem Zugang* // DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=prost+Mahlzeit&corpus=dwdsxl&date-start=1897&date-end=2025&sc=adg&sc=bz&sc=blogs&sc=bundestag&sc=ddr&sc=tsp&sc=kern&sc=kern21&sc=gesetze&sc=spk&sc=politische_reden&sc=untertitel&format=max&sort=date_desc&limit=50&p=1 (даты обращения: 10.06.2025 – 19.07.2025).

⁴ Wort: *Prost Mahlzeit* // *Wortschatz Leipzig*. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2022&word=Prost+Mahlzeit (даты обращения: 10.06.2025–19.07.2025).

⁵ Мультимедийные примеры употребления немецкой прагматемы в обоих корпусах не представлены.

акте может быть осознанным и продуманным, а может быть спонтанным, импульсивным, аффектированным. Методика анализа с применением инструментария теории речевых актов использована в статье для раскрытия двухэтапной прагматикализации выбранной немецкой прагматемы *prost Mahlzeit*.

4. Все виды жанров, в том числе устные, можно анализировать с точки зрения фразеологии. С точки зрения лингвистического анализа устойчивых многокомпонентных выражений грамматика конструкций как объяснение структурной основы классов фразем (например, устойчивых сравнений или фразеорефлексов [23, 24]) предлагает методологическую основу для анализа устойчивых словосочетаний и формул как сочетаний формы (синтаксические и морфологические свойства) и значения (семантические, прагматические и дискурсивно-функциональные свойства). В статье принципы грамматики конструкций частично применены к анализу варианта прагматемы.

5. При анализе прагмасемантического потенциала рассматриваемых единиц следует учитывать ситуативные аспекты. Следует определить, кто обычно использует то или иное выражение в разговоре с кем, в каких ситуациях и какие функции могут выполнять эти единицы. Для такого анализа полезен корпус разговорного языка.

Реализация цели в статье связана с последовательным решением следующих задач: выборка текстовых примеров немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* с вариантами, оценочный анализ значения прагматемы, реализуемого в ситуативном контексте, с учетом того, как речевой акт и социально-культурная контекстуализация в широком смысле слова влияют на смыслообразование.

Таким образом, в статье применен многоаспектный анализ, позволяющий выявить свойства и потенциал немецкой прагматемы *prost Mahlzeit*, что важно как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Результаты исследования

Прагматические идиомы — важный инструмент в процессе коммуникации. Их основная функция заключается в оформлении речевых актов, где они проявляют свой прагмасемантический потенциал, тем самым раскрывая «аспекты социального взаимодействия, обусловленного культурой» [25, с. 215]. Например, немецкая коллоквиальная формула *Da haben wir den Salat* выражает досаду по поводу неожиданной неприятности, неудачи, несчастливого исхода, невозможности исправить ситуацию в лучшую сторону, где кулинаризм *Salat* метафорически переосмыслен как синоним беспорядка или хаоса в ситуации (ср. рус. пейор. *Полный бардак*). Свойства идиоматичности, воспроизводимости, рекуррентности и прагматической устойчивости способствуют вхождению прагматем в узус языка и позволяют этим единицам выполнять различные функции: фатическую, констатирующую, экспрессивную. Рассматриваемая в статье прагматема *prost Mahlzeit* с вариантами имеет два прагмасемантических значения: 1) этикетное — пожелание приятного и полезного приема пищи и напитков; 2) экспрессивное — выражение удивления, ошеломления, иронии, сарказма или скепсиса. Иначе говоря, эти формулы можно описать как речевой акт, состоящий из одного предложения и выполняющий две основные функции: фатическую и экспрессивную. Таким образом, немецкая прагматема *prost Mahlzeit* с вариантами представляет редкий пример динамической двухэтапной прагматикализации в немецком языке.

Рассмотрим оба этапа прагматикализации выбранных формульных словосочетаний подробно.

В первом прагмасемантически обусловленном значении, а именно в пожелании приятного и полезного приема пищи и напитков («Приятного аппетита!» или «На здоровье!») прагматема *prost Mahlzeit* представляет собой немецкую застольную этикетную формулу, возникшую в ходе становления гастрономической культуры в Германии. Культура вкушения пищи и утоления

жажды имеет существенное значение в ходе мирового цивилизационного развития, не только как бытовое действие или как физиологический процесс, но и как обрядовый, социальный, сакральный и космогонический ритуал [26]. «Человечество начинается с кухни» [27, с. 54], как бы тривиально это ни звучало в тексте научной статьи. Немецкая поговорка *Essen und Trinken hält Leib und Seele zusammen* («Еда и питье объединяет тело и душу») подчеркивает фундаментальное значение пищи и напитков для физического и душевного равновесия человека. Так, пищевой или кулинарно-гастрономический код культуры как базовый код русских фразеологизмов выделяет и подробно описывает М.Л. Ковшова через «наличие в их семантике ценностного содержания культуры, способность к сохранению и передаче символических смыслов» [28, с. 231 и сл.]. Русские присловья-уговоры *съесть за папу*, *съесть за маму*, любовные прислушки [28, с. 238], лечебные заговоры, заговоры на удачу [28, с. 239], свадебные пожелания как обрядовые действия с использованием хлеба, хлебных крошек, меда, вина, молока и др. суть вербальные знаки, тем не менее они опираются на культурные представления о магической связи пищи и жизни, энергии, возможного воздействия. Имплицируется, что пища как культурный код символизирует щедрую и здоровую жизнь, и ее принятие должно идти человеку на пользу. Этот смысл выражает немецкая прагматема *prost Mahlzeit!* в ее первом значении («Приятного аппетита!» и «На здоровье!»). Формула раскрывает традиционную социально-коммуникативную практику взаимодействия в немецком социуме, протекающую с соблюдением особых культурно закреплённых вербальных ритуалов: совместное принятие пищи и напитков.

Так, оба компонента немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* (оригинал *prosit Mahlzeit*, сокращенно *Mahlzeit*) — суть этикетные формулы вежливости, застольные формулы, произносимые за обедом, в начале и в конце, или перед ним, например коллегам в обеденное время в бюро (ср. рус. *Приятного аппетита!*). Междометие, компонент формулы *prosit*, заимствованный в немецкий язык из латыни, представляет собой застольную латинскую формулу, точнее — тост, сопровождающий принятие алкогольных или, реже, неалкогольных напитков, в форме 3-го лица единственного числа презенса конъюнктива с оптативным значением от латинского глагола *prodesse* «быть нужным, идти на пользу». В XVIII веке застольная формула входит в узус немецкого языка через студенческий жаргон. Компонент формулы *Mahlzeit* («Приятного аппетита!») представляет собой метонимический перенос значения немецкого существительного *Mahlzeit* «обед, прием пищи, блюдо». Так, например:

Prost auf viele weitere Jahre voller Erinnerungen und Freundschaften (www.bild.de, gesammelt am 23.01.2024)⁶ (*Поднимем бокал за многие последующие годы, полные воспоминаний и дружеских связей*)⁷.

*Prost, und das seit Jahrhunderten, sagt man in Dutzenden Gaststätten*⁸ (www.welt.de, gesammelt am 17.05.2024) (*На здоровье! — и это в течение веков говорят в десятках ресторанов*).

Leichter Humor ist stets die beste Beilage zu jeder Mahlzeit (www.hna.de, gesammelt am 27.07.2024)⁹ (*Легкий юмор — всегда прекрасный гарнир к любому блюду*).

Mahlzeit bei Freunden! (www.noen.at, gesammelt am 21.07.2024)¹⁰ (*Обед у друзей!*)

Prost Mahlzeit: Neue Kunstforum-Ausstellung widmet sich dem Thema „Essen“ (www.op-online.de, gesammelt am 01.07.2022)¹¹ (*Приятного аппетита: Новая выставка на художественном форуме посвящена теме «Еда»*).

⁶ Wort: Prost // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2024&word=Prost (дата обращения 10.06.2025).

⁷ Перевод немецких примеров здесь и далее — автора. К.М.

⁸ Wort: Prost // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2024&word=Prost (дата обращения 17.06.2025).

⁹ Wort: Mahlzeit // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2024&word=Mahlzeit (дата обращения 17.06.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

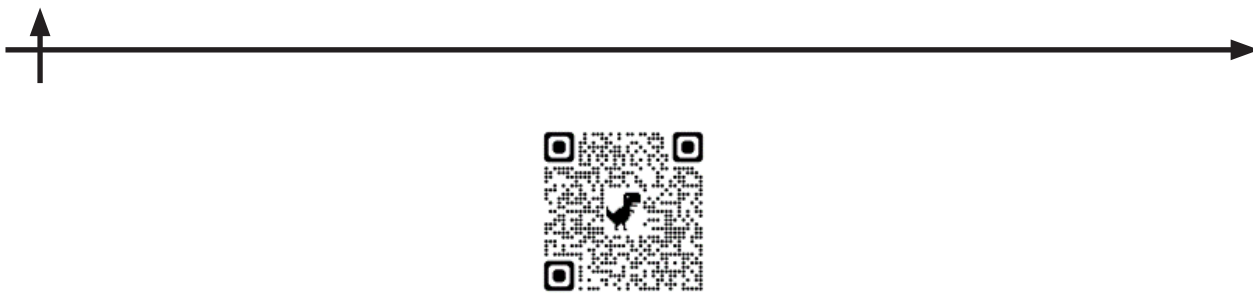

Рис. 1. QR – код графа коокурентности в Лейпцигском корпусе, дата обращения 17.06.2025

Fig. 1. QR code of the co-operation graph in the Leipzig building, accessed 17.06.2025

Компоненты *Prost* и *Mahlzeit* – коокурентны с частотностью 7 и показателем LogDice 2,7¹². Граф коокурентности в подкорпусе 2021 года показывает связь компонентов *Prost*, *Mahlzeit*, *na*, *dann* как пентаграмму¹³ (рис. 1).

В первичном прагмасемантическом значении формула *prost Mahlzeit* имеет нейтральную или положительную коннотацию. Этикетные формулы вежливости в этом прагматикализованном варианте представляют собой привычные для сообщества способы выражения социокультурной учтивости. Прагмалингвистический анализ раскрывает ситуативный контекст, влияющий на смысл высказывания, в котором содержатся прагматы, а именно пожелание приятного аппетита. В таком значении прагмата становится эксплицитным семиотическим знаком, сопровождающим несемантические действия (принятие пищи), и употребляется говорящим намеренно, а именно как выражение тактичности и вежливости. Ситуативно закреплённую шаблонность прагматом можно рассматривать в первую очередь как социолингвистически обусловленную особенность не общей языковой системы, а идиолекта – употребления в речевых актах пожелания.

Второй этап в динамике прагматикализации выбранных структур меняет ситуативный денотат: он эксплицируется на более широкий спектр коммуникативных ситуаций. К значениям прагматы *prost Mahlzeit* помимо этикетного пожелания приятного аппетита добавляется спектр иллокутивно изменённых контекстов, допускающих как прямое, так и прагматически модифицированное значение: выражение удивления, ошеломления, изумления, сарказма и скепсиса по отношению к чему-либо или, реже, к кому-либо. Употребление немецкой прагматы как формулы в соответствующих речевых актах влияет на: 1) семантику выбранных единиц; 2) значимость их денотативного и сигнификативного элементов. В смене речевых актов на экспрессивные изменяются и оба названных параметра, а именно положительно коннотированные этикетные формулы (пожелание приятного аппетита) становятся маркерами выражения негативных эмоций или иронии.

Узуально происходит вторичная лексикализация прагматом, связанная с общим автоматизмом спонтанной речи и закреплёнием прагматической функции за конструкцией в целом в определённой коммуникативной ситуации. Этот процесс существенно отражает динамику в двухэтапности прагматикализации. Во втором значении прагма-коммуникативное значение немецкой прагматы *prost Mahlzeit* и вариантов *Na prost Mahlzeit*, *Na, dann prost Mahlzeit* аксиологично и соотносится скорее с негативной оценкой, например при выражении неприятного удивления, ошеломления, скепсиса, сарказма, досады и раздражения. Формульные прагматы в косвенных речевых актах структурируют текст как финальные или стартовые маркеры с иллокутивной функцией. Немецкая прагмата известна с XVIII века, употребляется в сказках братьев Гримм, у Фридриха Шиллера:

¹² Suche im DWDS-Wortprofil // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wp/?q=Mahlzeit&comp-method=diff&comp=&display=lemma&pos=&minstat=0&minfreq=5&by=logDice&limit=20&view=table&table=&mode=> (дата обращения 17.06.2025).

¹³ Wort: Prost Mahlzeit // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2021&word=Prost+Mahlzeit (дата обращения 17.06.2025).

Bei den Grimms schon belegt war auch die ironische Verwendung zum Beispiel als Ausdruck des Missmuts oder der negativen Überraschung wie „Na, Mahlzeit“. Schon Friedrich Schiller benutzte die Wendung „**Prost Mahlzeit**“ im Drama „Wallensteins Lager“ (1798)¹⁴ (Братья Гримм уже использовали ироническое выражение, например для выражения недовольства или досады «Na, Mahlzeit». Уже Фридрих Шиллер использовал выражение «**Prost Mahlzeit**» в драме «Лагерь Валленштайна» (1798)).

Рассмотрим ситуативные контексты употребления немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* на примерах с помощью прагмалингвистического анализа, призванного раскрыть ситуативный контекст, который влияет на смысл высказывания.

1) Ситуативный контекст, в котором прагматема выражает изумление

*Entrüstet reagiert der Leiter des Archäologischen Landesamtes Berlin, Professor Wilfried Menghin: „Wenn Berlin seine eigenen Quellen vernichtet, kann man nur sagen, **Prost Mahlzeit**.“ Er verstehe nicht, warum nicht schon bei der Auslobung des Wettbewerbs verlangt wurde, die Überreste des Schlosses zu erhalten (Paul U. Eine Tiefgarage anstelle der alten Schloßfundamente // Berliner Zeitung, 07.06.1994)¹⁵ (Возмущенно отреагировал глава Берлинского государственного археологического ведомства профессор Вильфрид Менгин: «Если Берлин уничтожает свои собственные источники, остается только сказать: «Здесь только руками развести». По его словам, он не понимает, почему конкурс не потребовал, чтобы остатки дворца были сохранены)¹⁶.*

В текстовом отрывке речь идет о строительстве подземного гаража в Берлине в 1994 году, вызвавшем снос фундамента замка в одном из его исторических районов. Возмущенная реакция профессора Менгина (1942–2013), бывшего директора Музея доисторического периода и ранней истории в Берлине, главы Берлинского государственного археологического ведомства и известного градозащитника Берлина, с использованием прагматемы *prost Mahlzeit* может быть оценена как изумление или ошеломление от такого решения. Применение прагмалингвистического анализа говорит в пользу такой оценки: Лексема *entrüstet* в сочетании с глаголом *reagieren*, косвенная речь *er verstehe nicht, warum [...]*, словосочетание *seine eigenen Quellen vernichten* позволяют выявить негативную коннотацию прагматемы в контексте прямой речи, анализ согласно теории речевых актов относит прагматему к экспрессивам.

2) Ситуативный контекст, в котором прагматема выражает раздражение и досаду

Mitten im Wohngebiet ein solches Projekt zu verwirklichen, stößt auf wenig Gegenliebe bei den Anwohnern. „Na, Prost Mahlzeit“, meint ein Mieter aus der Louis-Lewin-Straße, „da werde ich als Schichtarbeiter tagsüber gar keine Ruhe mehr finden“. Das ficht Jack Schmidt jedoch nicht an (kg: Rap-Musiker spielen zur Grundsteinlegung // Berliner Zeitung, 07.08.1995)¹⁷ (Реализация такого проекта посреди жилого района не встречает одобрения со стороны местных жителей «Здрасьте, приехали, — говорит жилец с Луи-Левин-Штрассе, — поскольку я работаю по сменам, мне не удастся побыть в тишине и покое и днем». Но Джека Шмидта это не беспокоит).

В текстовом отрывке речь идет о закладке природоохранной станции «Шляйпфюль» и одновременной масштабной реконструкции Театральной площади¹⁸ в районе Берлина Хеллерсдорф в 1995 году, вызвавших недовольство местных жителей (*wenig Gegenliebe bei den Anwohnern*). Использование прагматемы *prost Mahlzeit* в качестве стартового маркера в экспрессивном высказывании прямой речи может быть оценено как выражение раздражения и досады от такого решения.

¹⁴ Stirbt der Mittagszeitgruß «Mahlzeit!» aus?, condor.cl, ~2023-03-14, abgerufen am 26.11.2024 // DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=-prost+Mahlzeit&corpus=web&date-start=1995&date-end=2023&format=max&sort=date_desc&limit=50&p=1 (дата обращения 19.07.2025).

¹⁵ *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 10.07.2025).

¹⁶ С учетом разговорного характера немецких прагматем, в переводе примеров на русский язык использованы коллоквиализмы как варианты эквивалента прагматемы (примеч. К.М.).

¹⁷ *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 10.07.2025).

¹⁸ Von der Parktrilogie zur Wachholderheide. 7. Kleingartenwanderung des BV Marzahn. URL: <https://www.kleingarten-marzahn.de/downloader.php?file=332de14ff12084434ad2972dc1b6a39d&fid=MjcyOQ==&guid=WExNTjdGZlVLeTtkYVZFtXlrRGiUamJSNCRYeiVLdEQ=&cuid=SGICNEFjYzJySmtqa2olMjdwa2lMVdDU2Z1c1UXNNYzY=> (дата обращения 17.07.2025).

В текстовом отрывке другого примера речь идет о личностном, негативном отношении к условиям перелета во времена начала эпидемии коронавируса в 2020 году. Напомним, что конвенциональное значение слова *Corona* контекстно трансформировалось и приобрело статус социального индекса, стало синонимом слова *Pest* («Чума (XXI века)») [29, 30]. В 2020 году коронавирус был мало изучен, вакцины против него находились на стадии разработки, что усугубляло не только общую эпидемиологическую обстановку в мире, но и чувство страха, паники от незащищенности перед возможным заражением. В пресуппозиции трактовка определения *rappellvoll* к существительному *Maschine* контекстно усиливает негативную коннотацию прагматемы: имплицитно утверждается, что требование безопасной дистанции в 1,5 метра в таких условиях не соблюдается. Использование прагматемы *prost Mahlzeit* в качестве финального маркера может быть оценено как выражение досады от перелета в условиях полной загруженности самолета:

Morgen geht nun unser Condor Flug im Rahmen des Rückholprogramms des Auswärtigen Amtes zurück nach Deutschland. [...] 12 h Direktflug bei Tag mit Baby in einer sehr wahrscheinlich rappellvollen Maschine in Zeiten von Corona. Prost Mahlzeit! (Zurück auf Los, 07.04.2020, aufgerufen am 01.09.2020;)¹⁹ (Завтра наш рейс авиакомпании «Condor» возвращается в Германию в рамках программы репатриации МИДа Германии. <...> 12 часов прямого перелета в течение дня с малышом в самолете, ожидаемо забитом до отказа, во времена коронавируса. И как вам это нравится? / Вот так подарок! / Какая досада!)

Оценить и верно интерпретировать значение прагматемы *Prost Mahlzeit* как эмоциональное выражение досады позволяет контрадикторный контекст следующего примера, в котором лексически противопоставлено долгое и радостное ожидание Рождества (*wochenlange Vorfreude, die Weihnachtsmusik, die feierliche Stimmung*) и последующее быстрое окончание праздника (*mit einem Schlag*), сопровождаемое возможной плохой погодой (*stürmisch und regnerisch*):

Die Tage nach Weihnachten hatten für mich schon immer etwas Trostloses. Die wochenlange Vorfreude, die Weihnachtsmusik, die feierliche Stimmung – mit einem Schlag ist alles vorbei. Und wenn es dann auch noch stürmisch und regnerisch ist – Prost Mahlzeit (Neue Westfälische, aufgerufen am 28.12.2020)²⁰ (В днях после Рождества для меня было всегда нечто безотрадное. Недели радостного ожидания, рождественская музыка, праздничное настроение – и в один момент все заканчивается. А если потом еще ветрено и дождливо, то очень весело / Хоть вешайся).

Рассмотренные примеры включают использование прагматемы в экспрессивных речевых актах. Согласно В.Е. Чернявской, экспрессивное значение обозначает семантическую характеристику слова или высказывания, которая не зависит от контекста их использования, имеет ценностно и эмоционально ориентированный характер и выражает субъективное переживание радости, огорчения, сожаления [1, с. 188]. В целом единицам, выполняющим экспрессивную функцию, свойственна формульность и устойчивость, как и прагматемам. Так, по мнению Серля, для экспрессивов характерны фразеологизированные клише, специфичные для каждого языка и маркирующие социальные отношения [31, с. 183]. Экспрессивный речевой акт – пространство для реализации экспрессивной функции при наличии двух других – аппеллятивной и репрезентативной; «в противном случае действие перестает носить знаковый характер и не подлежит лингвистической интерпретации» [1, с. 241]. Экспрессивная функция прагматемы *prost Mahlzeit* имеет своей целью прямое выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит, в трактовке Карла Бюллера это «действие словом» (цит. по: [1, с. 242]). В этом смысле прагматема *Prost Mahlzeit* в примере выше определена нами как выражение досады и экзистенциального разочарования от происходящего.

¹⁹ *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 10.06.2025).

²⁰ *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 17.06.2025).

3) Ситуативный контекст, в котором прагматема выражает скепсис

770 Euro warm für 14 Quadratmeter? Das ist echt keine Seltenheit. Das günstigste Angebot stammte übrigens von einer Studentenverbindung in Dahlem. Na prost Mahlzeit (Berliner Morgenpost, 31.08.2020)²¹ (770 евро за 14 квадратных метров с коммунальными платежами? Это уже не редкость. Кстати, самое выгодное предложение поступило от студенческого сообщества в Далеме. Веселенькое дельце! / Вот такие пироги).

Интерпретация значения варианта прагматемы *Na prost Mahlzeit* в примере как эмоциональное выражение скепсиса и экспрессивный речевой акт косвенной критики, характеризующийся сомнением и несогласием говорящего с изложенными фактами. Объект скептической оценки — высокая стоимость месячной аренды крохотного помещения в Далеме, престижном районе, рядом со Свободным университетом Берлина. Контекст раскрывает ситуацию, переставшую быть редкостью в Берлине в последнее время: катастрофический дефицит жилой площади в крупных городах (нем. Wohnungsnot). Пример содержит конструктивно расширенный вариант прагматемы с добавлением междометия *Na prost Mahlzeit* [Interjk + Interjk + Sn]. Междометие *na* со значениями удивления, сомнения, неодобрения²² усиливает потенциал прагматемы в ее вторичном прагматикализированном значении. Прагматема в расширенном варианте выражает скепсис и прогнозирование негативного, неудовлетворительного, худшего, чем ожидали, развития ситуации.

Прагматема синтаксически независима, благодаря формульному характеру она может не только участвовать в составе предложения, но и составлять цельную синтаксическую структуру, например главное предложение в условном сложноподчиненном предложении с союзом *Wenn..., dann...:*

Weltweit sind kaum noch gentechnikfreie Sojabohnen zu haben. Zum Glück bin ich kein Vegetarier und nicht auf Tofu angewiesen. Aber wenn unserem Kulturgut Kartoffel ein ähnliches Schicksal droht, dann prost Mahlzeit (Leipziger Volkszeitung, 14.02.2007)²³ (Во всем мире уже почти нет соевых бобов без ГМО. К счастью, я не вегетарианец и не завишу от творога тофу. Но если и нашей культуре — картофелю — грозит похожая участь, тогда все пропало / пиши-пропало / тушите свет).

4) Ситуативный контекст, в котором прагматема выражает сарказм:

Die Deutsche Bahn ist unerschöpflich in ihrer Innovationskraft. Jetzt will sie sogar ihren guten alten Stammlieferanten Siemens verlassen und Ersatzteile, womöglich ganze Züge in China bestellen. Na, dann prost Mahlzeit! (Die Zeit, 28.05.2015)²⁴ (Немецкая железнодорожная компания «Бундесбан» неисчерпаема в своем инновационном потенциале. Сейчас она хочет отказаться от своего старого доброго поставщика «Сименс» и заказывать запчасти, а, возможно, и целые поезда в Китае. Всё, пиши-пропало / Флаг вам в руки!)

С целью интерпретации примера раскроем контекст: приведем историю сотрудничества немецкой железнодорожной компании «Немецкие железные дороги» и производителя электропоездов «Сименс», насчитывающую несколько десятилетий. В условиях энергетического кризиса охлаждение экономики Германии, наступившее в последнюю декаду, вынудило «Немецкие железные дороги» вернуться к азиатскому рынку более доступных производителей сверхскоростных поездов, что не могло не повлиять на общую экономическую ситуацию (в частности, сокращение 6000 рабочих мест в «Сименсе» в 2025 году — итог длительного кризисного процесса). В таком контексте прагматема *Na, dann prost Mahlzeit* саркастически констатирует факт нежелательного ослабления экономического сотрудничества двух немецких концернов и ухудшение финансового развития старейшего немецкого электротехнического конгломерата.

²¹ Там же.

²² *na* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/na> (дата обращения 17.07.2025).

²³ *prost Mahlzeit* // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 19.07.2025).

²⁴ Там же.

Аналогичное значение скепсиса имеет вариант прагматемы в следующем примере:

Sollte im Haus jemand die Rettung benötigen, na dann Prost Mahlzeit, die könnten hier nirgends parken, und ob sie einen liegend Kranken aus dem Haus ins Auto bekommen, wage ich zu bezweifeln (www.focus.de, gesammelt am 09.02.2021)²⁵ (Если кому-то в доме потребуется медицинская помощь, тогда пиши-пропало: парковаться им здесь негде, и перенесут ли они лежащего больного из дома в машину скорой — я осмелюсь поставить это под сомнение).

Коллоквиальный характер прагматемы ярко проявляет себя в устной речи, в частности, зафиксированной в протоколах хода обсуждений в Бундестаге:

Das ist eine Gesundheitspolitik nach Zuteilung und Kassenlage. Prost Mahlzeit! Ich freue mich auf die Debatten, wenn wir uns streiten, wie viel Geld dann dem Gesundheitswesen zur Verfügung gestellt wird (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 16/128 vom 27.11.2007, S. 13509)²⁶ (Это политика здоровья, основанная на распределении и денежном потоке. Да на здоровье! Я с нетерпением жду дебатов, когда мы будем спорить о том, сколько денег будет выделено на систему здравоохранения).

В этом примере прагматема *Prost Mahlzeit* как саркастический экспрессив соотнесена на уровне предложения и текста не столько с эмоциональным обсуждением бюджета, выделяемого на здравоохранение, сколько с губительной ситуацией в страховании немецкого здравоохранения в целом. В 2007 году в силу вступил закон об усилении конкуренции в сфере обязательного медицинского страхования „Gesetz zur Stärkung des Wettbewerbs in der gesetzlichen Krankenversicherung“ (GKV-WSG), вызвавший обсуждение и критику в широких общественных кругах, в том числе в немецком парламенте²⁷. Таким образом, коллоквиальная прагматема, зафиксированная в протоколе пленарного заседания Бундестага, используется в институциональном дискурсе.

5) Ситуативный контекст, в котором прагматема выражает удивление, граничащее с иронией

*Viel Glück! Du als Mutter? Prost Mahlzeit. — Genau deshalb wollte ich 's dir nicht sagen*²⁸ (Удачи! Ты — мама? Вот так сюрприз! / Мои поздравления! — Именно поэтому я и не хотела тебе этого говорить).

В текстовом отрывке примера прагматема выражает удивление от новости о материнстве. На наш взгляд, удивление сопровождается иронией, хотя мы согласны, что для точного толкования нужен мультимедийный корпус примеров [32]: недоступность просодического контура прагматемы в примере не позволяет однозначно оценить ее значение. Ирония без анализа просодики и интонации чрезвычайно сложна для декодирования. Признаком иронии могут быть вопросы. В вопросе *Du als Mutter?* содержится свойственная иронии субъективно-эмоциональная модальность, которую усиливает как сама прагматема *Prost Mahlzeit*, так и ответная реплика: *Genau deshalb [...]*. Подобные примеры могут наметить перспективу исследования фонетических характеристик прагматем.

Заключение

В статье представлена комплексная реконструкция ситуаций употребления немецкой прагматемы *prost Mahlzeit* («На здоровье!») — застольной этикетной формулы в качестве прагматического маркера, экспрессива, выражающего удивление, досаду, раздражение, скептическое отношение к чему-либо и иронию по отношению к чему-либо. Впервые предложено комплексное описание взаимосвязи системно обусловленного значения прагматемы *prost Mahlzeit* с вариантами и ситуативных контекстов ее использования, выявлена динамика процессов прагматизации на четко ограниченном немецком языковом материале. Прагматема *prost Mahlzeit* также представляет собой тип формулем, ограниченных экстралингвистической ситуацией, которые

²⁵ Wort: Prost Mahlzeit // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2021&word=Prost+Mahlzeit (дата обращения 19.07.2025).

²⁶ Wort: Mahlzeit // Wortschatz Leipzig. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2021&word=Prost+Mahlzeit (дата обращения 19.07.2025).

²⁷ Gesundheitsreform 2007: Was sich geändert hat // vfa. Die forschenden Pharma-Unternehmen. URL: <https://www.vfa.de/de/wirtschaft-politik/artikel-wirtschaft-politik/reform2007.html> (дата обращения: 25.07.2025).

²⁸ prost Mahlzeit // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/prost%20Mahlzeit> (дата обращения 20.07.2025).

подвергаются семантической и прагматической модификации — через утрату единицей своего лексического значения и приобретение прагматического. С опорой на прагмасемантический вектор исследования единиц языка, с одной стороны, и на понимание прагматикализации и ее реализации в речевых актах, с другой, удалось установить значимость динамики смыслов выбранной немецкой прагматемы. С применением многоаспектного анализа установлено, что немецкая прагматема *prost Mahlzeit* с вариантами представляет редкий пример динамической двухэтапной прагматикализации в немецком языке. Так, немецкая прагматема *prost Mahlzeit* — ситуативная фраза, связанная с конкретными коммуникативными ситуациями, в которых она используется говорящим интенционально в значении этикетной формулы, и «автоматически», спонтанно как выражение досады и удивления в широком смысле. В первом значении мы расцениваем прагматему как эксплицитный семиотический знак, сопровождающий несемиотические действия (принятие пищи). Прагматема включает широкий спектр ситуативных контекстов во втором значении, а именно добавляется употребление в пяти выявленных контекстах: выражение удивления, раздражения и досады, сарказма, скепсиса и иронии. Процесс двухэтапной прагматикализации сопровождается изменением коннотации: положительно коннотированные этикетные формулы пожелания приятного аппетита становятся маркерами выражения негативных эмоций. Второе прагматикализованное значение имплицитно использует прагматему в экспрессивных речевых актах: таким образом, экспрессивная функция прагматемы связана с ее формульностью и устойчивостью. Прагматема относится к узусу спонтанной речи, однако анализ предложенных в обоих корпусах примеров показывает, что формула может быть расценена как единица новой письменной устности. На фоне русского языка в переводах немецких примеров в статье отмечена необходимость подбора эквивалентных разговорных прагматем (коллоквиализмов) для возможного расширения лексикографических данных, например для *Prost Mahlzeit* — *вот так сюрприз; этого только не хватало!; и как вам это нравится?; не хотите, не надо; флаг [вам] в руки; здравствуйте, приехали; нате [вам] пожалуйста; веселенькое дельце!; хоть вешайся; пиши-пропало* и др.

Перспектива исследования включает сопоставительный и фонетический анализ употребления немецкой этикетной, застольной формулы вежливости и прагматемы *Wohl bekomms! / Wohl bekomt's!*. Формула представляет клитический вариант 3-го лица единственного числа презенса конъюктива в значении оптатива «*wohl bekomme es! / es möge gut bekommen!*» (чтобы легко усвоилось) — ср. рус. *на здоровье!; твое/ваши здоровье!*.

Прагматические идиомы как важные средства коммуникации следует рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны, такой анализ способствует лучшему пониманию устойчивых выражений, а с другой — подобные исследования могут улучшить лексикографические описания прагматических идиом и качество их представления в процессе преподавания языка. В целом применение многоаспектного анализа позволяет найти новый вектор рассмотрения формульности в прагмасемантическом, иллокутивном аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Золян С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е. Прагмасемантика и философия языка / под ред. С. Т. Золяна. М.: Издательский Дом ЯСК. 2024. 328 с.
2. Леонтьева Т.В. Белое пальто: происхождение, состав, семантика, прагматика и словообразовательный потенциал русского фразеологизма // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 2. С. 181–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-181-203
3. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Русское дискурсивное нет в сопоставительном аспекте // Вопросы языкознания. 2024. № 1. С. 39–59. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.39-59

4. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Вопрос о цели вопроса и метакоммуникативные средства языка (немецко-русские соответствия) // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 3. С. 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303
5. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
6. Богданова-Бегларян Н.В. Глаголы в устной речи: путь от лексемы к прагматеме (от значения к функции) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2019. Т. 3, № 15. С. 113–133. DOI: 10.30842/alp2306573715305
7. Богданова-Бегларян Н.В. Об идиоматическом потенциале русской разговорной речи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020. Т. 17, № 4. С. 582–595. DOI: 10.21638/spbu09.2020.406
8. Богданова-Бегларян Н.В. Коллоквиалистика в Санкт-Петербургском государственном университете: прошлое, настоящее и будущее (К 300-летию Alma mater) // *Коммуникативные исследования*. 2023. Т. 10, № 4. С. 851–859. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).851-859
9. Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*. 2nd ed., revised and updated. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2022. 51 p.
10. Pawley A. *Developments in the study of formulaic language since 1970: A personal view* // *Phraseology and Culture in English* / ed. by P. Skandera. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 3–45.
11. Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // *Terra Linguistica*. 2025. Т. 16, № 3. С. 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304
12. Stein St. *Formelhafte Sprache: Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch (Sprache in der Gesellschaft)*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. 375 S.
13. Мельчук И.А., Иорданская Л.Н. *Смысл и сочетаемость в словаре*. М.: Языки славянских культур. 2007. 672 с.
14. Mel'čuk I. Clichés and pragmatemes // *Neophilologica*. 2020. No. 32. P. 9–20. DOI: 10.31261/NEO.2020.32.01
15. Цыбульская Н.А. Прагматема: статус и функционирование // *Романия: языковое и культурное наследие – 2019: материалы I Международной научно-практической конференции*. Минск, 2019. С. 117–123.
16. Каюмова А.Р. Особенности лексикографического описания прагматем в двуязычных словарях-разговорниках // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22, № 4. С. 116–131 DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.4.9
17. Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
18. Szerszunowicz J. *New Pragmatic Idioms in Polish: An Integrated Approach in Pragmateme Research* // *Formulaic Language and New Data. Theoretical and Methodological Implications* / ed. by E. Piirainen, N. Filatkina, S. Stumpf, Ch. Pfeiffer, 2020. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH. P. 173–196. DOI: 10.1515/9783110669824-008
19. Барриос Родригес М.А. Значение и функции испанских формул и прагматем в сравнении с иллокутивными глаголами // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26, № 4. С. 1031–1049. DOI: 10.22363/2687-0088-31597
20. *Conversational Routines. Exploration in Standardized Communication Situation and Prepatterned Speech* / ed. by F. Coulmas. The Hague: Mouton. 1981. xii + 331 p.
21. Chitra F. *Idioms and idiomaticity*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 265 p.
22. Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*. Amsterdam [etc.]: Elsevier, 2005. 419 p.
23. Манёрова К.В. Конструктивная формализация фразорефлексов Gott weiß / weiß Gott в немецком языке // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019. Т. 16, № 2. С. 259–271. DOI: 10.21638/spbu09.2019.207
24. Манёрова К.В. Этнолингвистическая специфика устойчивых сравнений с компонентом-онимом в немецком языке (на фоне русского языка) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2021. № 11. С. 49–67.

25. **Piirainen E.** Figurative phraseology and culture // *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective* / ed. by G. Sylviane, M. Fanny. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 207–228. DOI: 10.1075/z.139
26. **Von Paczensky G., Dünnebier A.** Kulturgeschichte des Essens und Trinkens. München: Orbis Verlag, 1999. 693 S.
27. **Клод Л.-С.** Первобытное мышление. М.: Республика. 1994. 384 с.
28. **Ковшова М.Л.** Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. 3-е изд. М.: Ленанд. 2016. 456 с.
29. **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.** Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv“ zu „Team“. Und via Coronavirus-Pandemie zurück? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*. 2021. Iss. 46. P. 1–27. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
30. **Езан И.Е., Ковтунова Е.А., Григорьева Л.Н.** Лингводискурсивный корпусный анализ лексики пандемии коронавируса в онлайн-версии журнала *Der Spiegel* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. Т. 19, № 4. С. 760–779. DOI: 10.21638/spbu09.2022.407
31. **Серль Дж.** Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17: Теория речевых актов / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195–223.
32. **Васильева П.Е., Герман Р.Д., Евдокимова В.В., Качковская Т.В., Кочеткова У.Е., Новолодская Е.А., Новоселова Д.Д., Пушкина А.В., Скрелин П.А., Холявин П.А., Чукаева Т.В.** Фонетические характеристики иронии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2025. 170 с.

REFERENCES

- [1] **Zolyan S.T., Tulchinskiy G.L., Chernyavskaya V.Ye.**, *Pragmasemantika i filosofiya yazyka* [Pragmasemantics and philosophy of language], ed. by S.T. Zolyan, LRC Publishing House, 2024.
- [2] **Leontyeva T.V.**, White Coat: Origins, Composition, Semantics, Pragmatics, and Word-Formation Potential of Russian Phraseological Unit, *Nauchnyi dialog*, 14 (2) (2025) 181–203. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-181-203
- [3] **Dobrovol'skij D.O., Levontina I.B.**, Russian discourse word net 'no' in a contrastive perspective, *Voprosy Jazykoznanija*, 1 (2024) 39–59. DOI: 10.31857/0373-658X.2024.1.39-59
- [4] **Dobrovol'skij D.O., Levontina I.B.**, Questioning the purpose of questions: Metacommunicative devices in language (a contrastive study of German and Russian), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303
- [5] **Bogdanova-Beglarian N.V.**, Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3 (27) (2014) 7–20.
- [6] **Bogdanova-Beglarian N.V.**, Verbs in the Oral Speech: a Way from Lexeme to Pragmateme (from Value to Function), *Acta Linguistica Petropolitana*, 3 (15) (2019) 113–133. DOI: 10.30842/alp2306573715305
- [7] **Bogdanova-Beglarian N.V.**, About the idiomatic potential of Russian colloquial speech, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (4) (2020) 582–595. DOI: 10.21638/spbu09.2020.406
- [8] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, Colloquial studies at St. Petersburg University: past, present and future (on the 300th anniversary of Alma Mater), *Communication Studies (Russia)*, 10 (4) (2023) 851–859. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(4).851-859
- [9] **Dobrovol'skij D., Piirainen E.**, *Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*, 2nd edition, revised and updated, Walter de Gruyter GmbH, Berlin, Boston, 2022.
- [10] **Pawley A.**, *Developments in the study of formulaic language since 1970: A personal view*, *Phraseology and Culture in English*, ed. by P. Skandera, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2007, pp. 3–45.
- [11] **Zykova I.V.**, Parameters of pragmatic analysis of phraseology in multimodal discourse (the case study of feature films), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304
- [12] **Stein St.**, *Formelhafte Sprache: Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch (Sprache in der Gesellschaft)*, Peter Lang, Frankfurt am Main, 1995.

- [13] **Melchuk I.A., Iordanskaya L.N.**, Smysl i sochetayemost v slovare [Meaning and compatibility in the dictionary], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, 2007.
- [14] **Mel'čuk I.**, Clichés and pragmatemes, *Neophilologica*, 32 (2020) 9–20. DOI: 10.31261/NEO.2020.32.01
- [15] **Tsybul'skaya N.A.**, Pragmatema: status i funktsionirovaniye [Pragmatema: status and functioning], Romania: linguistic and cultural heritage – 2019: Proceedings of the 1st International scientific and practical conference, Minsk, 2019, pp. 117–123.
- [16] **Kayumova A.R.**, Lexicographic Description of Pragmatemes in Bilingual Phrasebooks], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22 (4) (2023) 116–131. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.4.9
- [17] **Molodychenko E.N., Chernyavskaya V.E.**, Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
- [18] **Szerszunowicz J.**, New Pragmatic Idioms in Polish: An Integrated Approach in Pragmateme Research, *Formulaic Language and New Data. Theoretical and Methodological Implications*, ed. by E. Piirainen, N. Filatkina, S. Stumpf, Ch. Pfeiffer, Walter de Gruyter GmbH., Berlin, Boston, 2020, pp. 173–196. DOI: 10.1515/9783110669824-008
- [19] **Barrios Rodríguez M.A.**, Meaning and function of Spanish formulemes and pragmatemes vs. illocutionary verbs, *Russian Journal of Linguistics*, 26 (4) (2022) 1031–1049. DOI: 10.22363/2687-0088-31597
- [20] *Conversational Routines. Exploration in Standardized Communication Situation and Prepatterned Speech*, ed. by F. Coulmas, Mouton, The Hague, 1981.
- [21] **Chitra F.**, *Idioms and idiomaticity*, Oxford University Press, Oxford, 1996.
- [22] **Dobrovol'skiy D., Piirainen E.**, *Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*, Elsevier, Amsterdam [etc.], 2005.
- [23] **Manerova K.V.**, Constructive formalization of phraseoreflexes Gott weiß / weiß Gott in German, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 16 (2), (2019) 259–271. DOI: 10.21638/spbu09.2019.207
- [24] **Manerova K.V.**, Ethnolinguistic specificity of German conventional similes with an onym component against the background of the Russian language, *German Philology at St Petersburg State University*, 11 (2021) 49–67.
- [25] **Piirainen E.**, Figurative phraseology and culture, *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*, ed. by G. Sylviane, M. Fanny, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2008, pp. 207–228. DOI: 10.1075/z.139
- [26] **Von Paczensky G., Dünnebier A.**, *Kulturgeschichte des Essens und Trinkens*, Orbis Verlag, München, 1999.
- [27] **Claude L.-S.**, *Pervobytnoye myshleniye [Primitive Thinking]*, Respublika, Moscow, 1994.
- [28] **Kovshova M.L.**, *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kultury [Linguistic and cultural method in phraseology. Culture codes]*, 3^d ed., Lenand, Moscow, 2016.
- [29] **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.**, Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv“ zu „Team“. Und via Coronavirus-Pandemie zurück?, *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*, 46 (2021) 1–27. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815
- [30] **Jesan, I.E., Kovtunova, E.A., Grigorieva, L.N.**, Corpus-based discourse analysis of the lexemes related to COVID-19 pandemic in the German magazine *Der Spiegel* (online version), *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (4) (2023) 760–779. DOI: 10.21638/spbu09.2022.407
- [31] **Searle J.R.**, *Speech acts: an essay in the philosophy of language*, *Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics]*, Iss. 17: *Teoriya rechevykh aktov [Theory of speech acts]*, ed. by B.Yu. Gorodetskogo, Progress, Moscow, 1986, pp. 195–223.
- [32] **Vasilyeva P.Ye., German R.D., Yevdokimova V.V., Kachkovskaya T.V., Kochetkova U.Ye., Novolodskaya Ye.A., Novoselova D.D., Pushkina A.V., Skrelin P.A., Kholyavin P.A., Chukayeva T.V.**, *Foneticheskiye kharakteristiki ironii [Phonetic characteristics of irony]*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Манёрова Кристина Валерьевна

Kristina V. Manerova

E-mail: k.manerova@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4979-8573>

Поступила: 12.08.2025; Одобрена: 28.10.2025; Принята: 05.11.2025.

Submitted: 12.08.2025; Approved: 28.10.2025; Accepted: 05.11.2025.

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16407>

EDN: <https://elibrary/OJSYMF>

ОБРАЗ АГРЕССИИ В РУССКОЙ МЕТАФОРИКЕ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

М.Д. Уразаев

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

✉ marat-urazaev@yandex.ru

Аннотация. Метафорическое осмысление алкогольного опьянения представляет собой значимый фрагмент русской языковой картины мира, в котором отражаются телесные, эмоциональные и культурные представления о воздействии алкоголя на человека. Цель исследования заключается в выявлении и описании метафорических моделей, в рамках которых алкогольное опьянение в русском языке концептуализируется как форма агрессии. Теоретическую основу составляет многоуровневый когнитивный подход, основанный на Расширенной теории концептуальной метафоры. Анализ проводится на трех уровнях: лексическом, основанном на материале 61 номинации из идеографического словаря алкогольного опьянения; контекстном, включающем 54 примера из Национального корпуса русского языка; и концептуальном, предполагающем реконструкцию фреймов и единой понятийной сферы. Анализ лексического уровня фиксирует базовый инвентарь метафор, выражающих образ агрессии, а анализ корпусного уровня раскрывает их динамику, включая персонификацию опьянения как активного противника. Анализ концептуального уровня демонстрирует, что опьянение систематически репрезентируется как агрессивная сила, которая типически приводит к соматическому и когнитивному ущербу и нарушает психофизический баланс. Следовательно, концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» обладает высокой когнитивной продуктивностью и отражает глубинные связи между языком, воплощенным опытом и культурными представлениями. Исследование подтверждает, что агрессивная метафорика является не случайным стилистическим приемом, а устойчивой когнитивной моделью, структурирующей понимание физиологических и социальных состояний в русском языковом сознании. Перспективы работы связаны с межъязыковым сопоставлением агрессивной метафорики опьянения и изучением ее роли в современных дискурсах зависимости, измененного сознания и социальной идентичности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, опьянение, агрессия, когнитивная модель, русская языковая картина мира.

Для цитирования: Уразаев М.Д. Образ агрессии в русской метафорике алкогольного опьянения // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 110–127. DOI: 10.18721/JHSS.16407

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16407>

IMAGE OF AGGRESSION IN THE RUSSIAN METAPHORICS OF INEBRIATION

M.D. Urazaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

 marat-urazaev@yandex.ru

Abstract. The metaphorical conceptualization of inebriation represents a salient component of the Russian linguistic worldview, reflecting bodily, emotional and cultural perceptions of alcohol's impact on the individual. The aim of this study is to identify and describe the metaphorical models through which inebriation in Russian is conceptualized as a form of aggression. The theoretical foundation relies on a multi-layered cognitive approach developed within the extended conceptual metaphor theory. The analysis is conducted on three levels: the lexical level, based on 61 nominations from an ideographic thesaurus of alcohol-related terms; the contextual level, including 54 examples from the Russian National Corpus; the conceptual level, involving the reconstruction of frames and a unified conceptual domain. The lexical analysis establishes the core inventory of metaphors that frame inebriation through the imagery of aggression, while the corpus analysis reveals their dynamics, including the personification of inebriation as an active adversary. The conceptual-level analysis demonstrates that inebriation is consistently represented as an aggressive force that typically results in somatic and cognitive damage and disrupts psychophysical equilibrium. Accordingly, the conceptual metaphor "inebriation is aggression" displays high cognitive productivity and reflects the profound interplay between language, embodied experience and cultural perceptions. The findings confirm that aggression-based metaphors are not incidental stylistic embellishments but entrenched cognitive models that structure the understanding of physiological and social states within the Russian linguistic worldview. Future research prospects are associated with cross-linguistic comparison of aggression in inebriation metaphors and with exploring their role in contemporary discourses of addiction, altered states of consciousness and social identity.

Keywords: conceptual metaphor, inebriation, aggression, cognitive model, Russian linguistic worldview.

Citation: Urazaev M.D., Image of Aggression in the Russian Metaphorics of Inebriation, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 110–127. DOI: 10.18721/JHSS.16407

Введение. Постановка проблемы

Метафора — один из фундаментальных когнитивных инструментов, с помощью которых человек осмысляет и структурирует действительность. Она представляет собой не только лингвистический, но и когнитивный инструмент, обеспечивающий фиксацию и передачу знаний в форме метафорически организованных значений [1, с. 17]. Как подчеркивал Ю.С. Степанов, «метафора занимает в языке столь же важное место, как и бинарные оппозиции, поскольку позволяет переносить опыт из одной понятийной сферы в другую, расширяя границы восприятия и выражения» [2, с. 385]. Метафоры не просто отражают, но и формируют восприятие и социальную реальность, способствуя конструированию и поддержанию определенных идентичностей, систем убеждений и иерархий власти [3]. Это явление пронизывает все сферы человеческой активности: оно проявляется не только в языке и мышлении, но и в действиях [4]. В языкознании изучение метафоры в качестве структуры мышления нашло свое отражение в виде теории концептуальной метафоры, рассматривающей метафору как форму ментального моделирования.

Концептуальная метафора определяется как «системный набор соответствий между двумя понятийными областями» [5, с. 2] и предполагает переживание одного явления через призму другого [6]. В ее структуре выделяются две области: область-цель, которая подлежит осмыслению,

и область-источник, через которую осуществляется это осмысление [7, с. 884]. Следовательно, метафорическая проекция возникает как результат формирования у языковой общности устойчивых аналогий между двумя сферами опыта, поскольку аналогическое мышление — один из базовых механизмов когнитивной деятельности [8]. Следует отметить, что восприятие метафоры не обязательно является сознательным: оно может происходить имплицитно — посредством перцептивной, моторной или аффективной симуляции [9]. Подобный подход опирается на теорию воплощенного познания, согласно которой модели восприятия формируются на основе сенсомоторного взаимодействия с окружающей средой, а не исключительно посредством абстрактного мышления. Концептуальные метафоры, таким образом, являются одним из ресурсов познания мира, опирающимся на взаимодействие языковых и когнитивных механизмов и формирующим понятийную систему языка.

Накопление опыта и формирование понятийной системы всегда происходят в определенном культурном контексте. Совокупность традиций, стереотипов поведения, ритуалов и других культурных факторов создает уникальную систему, придающую понятийной системе языка этноспецифику. Сквозь призму этой этнокультурной оптики осуществляется дальнейшее познание мира, что влияет на характер метафорического мышления [10, с. 907]. В результате образуется языковая картина мира, представляющая собой конкретную реализацию понятийной системы языка с учетом культуры, истории и менталитета.

В частности, употребление алкогольных напитков играет важную роль в русской языковой картине мира, что отражается в богатстве лексикона, связанного с состоянием опьянения. Одной из устойчивых культурных констант русского языкового сознания, по замечанию Ю.С. Степанова, является водка — в связке с хмелем, пьянством, вином, пивом и застольями [11]. К примеру, в словаре А.Ю. Кожевникова представлено около 2500 номинаций, связанных с употреблением алкоголя [12], что свидетельствует о высокой языковой и социальной значимости этого феномена.

Поскольку состояние опьянения представляет собой сложный феномен с часто противоречивыми физическими и психическими проявлениями, оно с трудом поддается описанию средствами строго денотативной лексики. Как отмечает А.В. Нагорная, «дискурсы алкогольной аддикции буквально пронизаны метафорами» [13, с. 122], что указывает на особую роль метафор в языковом оформлении концепта алкогольного опьянения. Через метафорические проекции говорящие переосмысливают опьянение, наделяя его признаками физических процессов, психических состояний или социальных взаимодействий. Следовательно, образ алкогольного опьянения не только глубоко укоренен в языке, но и наделен богатым метафорическим потенциалом, в котором отражаются телесные, эмоциональные и социальные аспекты познания.

Важно подчеркнуть, что метафорика алкогольного опьянения нередко отражает агрессивное действие спиртного на тело и психику человека: номинирует явления, процессы и свойства, непосредственно с ситуацией физического ущерба (ср. *вмазанный, датик, ударить в голову, крикнуть, сломаться*). Подобные номинации указывают на то, что опьянение осмысляется не как нейтральное физиологическое состояние, а как агрессивный акт. Это обстоятельство делает подобные выражения предметом особого интереса для лингвистического анализа и подчеркивает актуальность настоящего исследования, направленного на выявление и описание метафорических моделей, репрезентирующих опьянение как форму агрессии.

Цель исследования заключается в выявлении и описании метафорических моделей, в рамках которых алкогольное опьянение в русском языке концептуализируется как форма агрессии.

Методология (материалы и методы)

В данной работе использована комбинация лексического и корпусного анализа метафоры [14]. Лексический анализ опирается на данные, зафиксированные в лексикографических

источниках, прежде всего на лексические и фразеологические единицы. Предполагается, что метафорические переносы значений, закрепленные в лексиконе, выполняют функцию концептуальных индикаторов: они позволяют прогнозировать возможные ассоциативные поля и сценарии, актуализирующиеся в контексте. Это основано на представлении о языке как концептуальной системе, обладающей интенциональностью, то есть направленностью на сохранение собственной целостности. Данный принцип характерен для любых системных образований (язык, биосфера, физические, химические, космические системы и др.), различающихся главным образом механизмами и формами организации [15, с. 16]. Корпусный анализ выполнялся на основе предварительных результатов лексического анализа.

Материал исследования включает: 1) 61 номинацию с семантикой агрессивного акта, зафиксированную в словаре-тезаурусе алкогольного опьянения «Между первой и второй...: Словарь алкогонимов» А.Ю. Кожевникова (словарь); 2) 54 контекстных примера коллокаций лемм с семантикой алкогольного опьянения и лемм, обозначающих агрессивное воздействие, извлеченных из Национального корпуса русского языка (корпус) [16].

Структура анализа базируется на положениях Расширенной теории концептуальной метафоры (РТКМ) З. Кёвечеша, предполагающей многоуровневый подход, при котором метафора рассматривается как система когнитивных аналогий между сферами восприятия [6]. Эта теория объединяет элементы теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории фреймов (Ч. Филлмор) и теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тёрнер).

В настоящем исследовании этот подход адаптирован для анализа иерархии метафорического моделирования: когнитивные модели → фреймы → понятийные сферы. Такой переход от ситуативных структур к обобщенным концептуальным системам обеспечивает операционализацию метафоры как аналитического инструмента.

На первом уровне иерархии когнитивные модели трактуются как метафоры, основанные на соотношении области-источника и области-цели. Для их описания применяются два формата: 1) модель метафорического переноса (МП-модель) — для анализа словарных данных; 2) метафорическая модель (М-модель) — для анализа корпусных данных.

Критерием выделения МП-моделей служит устойчивая семантическая корреляция между областью-источником «опьянение» и областью-целью «агрессия» во внутренней форме номинации. Соответственно, единицами лексического анализа признаются номинации с воспроизводимым, а не единичным переносом (например: *вмазать, шибануть, долбануть*).

М-модели фиксируют метафорические проекции, реализованные в естественном речевом контексте. Они формируют ментальные пространства, включающие совокупность когнитивных моделей и систему проекций между областью-источником и областью-целью [17].

Единицей корпусного анализа признается контекст уровня клаузы или предложения, в котором реализуется проекция «опьянение — это агрессия». Минимальным контекстом считается предикативная группа с обозначенным или реконструируемым из ситуации агенсом и объектом воздействия.

Выборка метафорических выражений осуществлялась целенаправленно, по сочетанию двух семантических зон, выявленных на этапе лексического анализа. На первом шаге формировались два списка лемм: (А) «опьянение», (В) «агрессивный акт/воздействие». На втором шаге извлекались контексты, где элементы (А) и (В) встречались в пределах одной предикативной группы либо были связаны зависимостью «агенса → агрессивное воздействие → объект». Использовались следующие поисковые шаблоны: *X бьет по/в Y; X ударил(о) в Y; X сбивает/валит Y; X воюет с Y; X борется против Y; X атакует Y*, где $X \in (A)$, $Y \in (B)$.

Для верификации данных применялась процедура Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU) [18], предусматривающая пятиступенчатый анализ номинаций с сопоставлением их базового и контекстуального значений. При выявлении несоответствия фиксировался

метафорический перенос. Методика предусматривает «двойную проверку найденных несоответствий по словарю и корпусу» и считается одной из наиболее эффективных процедур идентификации метафорических переносов [19, с. 263].

Из корпусной выборки исключались:

- случаи буквальной агрессии (*она ударила его бутылкой* — агенс человек, бутылка инструмент);
- описания агрессивного поведения пьяных субъектов по отношению к другим людям (*пьяная молодежь бьет прохожих*);
- соматические эффекты без агрессивной семантики (*его шатало, она не стоит на ногах*);
- оценочные эпитеты без предиката действия (*агрессивная водка* вне предикативной конструкции).

Таким образом, в корпусном анализе учитывались коллокации лемм, обозначающих состояние опьянения (*опьянение, хмель, водка, вино* и др.), с леммами, выражающими семантику насилия, агрессии и противостояния (*ударить, сражаться, побеждать, бороться* и др.), а также с леммами, обозначающими объекты агрессивного воздействия — части тела, организм или ментальные состояния (*голова, печень, организм, разум* и др.). Подобные сочетания свидетельствуют о концептуализации опьянения как агрессивного агенса, представленного в языке как источник атаки, ущерба или насилия.

На втором уровне иерархии исследовались типические фреймы, структурирующие когнитивные сценарии агрессивного воздействия. Метафора в этом случае понимается как сценарий с распределенными ролями (агенс, объект воздействия, инструмент, эффекты), что позволяет реконструировать динамику взаимодействия опьянения и субъекта. Следовательно, фрейм фиксирует не отдельную метафору, а устойчивый сценарий, объединяющий совокупность МП- и М-моделей.

На третьем уровне иерархии выделялась единая понятийная сфера, интегрирующая отдельные сценарии в более широкую концептуальную систему. Это позволило описать совокупность признаков и функций, закрепляющих проекцию «опьянение — это агрессия» в языковом сознании.

Следовательно, анализ материала осуществляется в рамках многоуровневой интерпретации значения, включающей три последовательных этапа: лексический, контекстуальный и концептуальный. На лексическом уровне рассматриваются метафорические номинации, представленные в словаре, что позволяет зафиксировать их инвентарь, структурные особенности и реконструировать базовые фреймы. Контекстуальный уровень, основанный на корпусном материале, раскрывает динамику функционирования метафорических выражений и позволяет выделить контекстные фреймы. Концептуальный уровень предполагает синтез результатов лексического и контекстуального анализа и направлен на реконструкцию единой понятийной сферы, структурирующей метафорическое пространство агрессии.

Исходя из вышеописанного, алгоритм анализа материала представлен следующим образом: 1) выявление корпуса языковых метафор алкогольного опьянения (словарь и корпус); 2) выявление основных МП-моделей на лексическом уровне и реконструкция их фреймовой структуры; 3) выделение М-моделей на основе корпусных данных и описание их фреймовой структуры; 4) выявление специфических когнитивных аспектов метафоризации опьянения в образе агрессии в рамках единой понятийной сферы.

Результаты исследования

1. Анализ лексического уровня

Лексический анализ на основе 61 номинации показывает, что опьянение предстает как сила-агрессор, наносящая удары — как локальные (по отдельным частям тела, например по голове или печени), так и тотальные (по общему состоянию здоровья).

МП-модель фиксируется в виде двучлена, где левая часть (до знака «—») означает область-источник, а правая часть (после знака «—») — это область-цель. Одна МП-модель может иметь иерархическую структуру: включать субмодели и микромодели.

Всего были выделены одна МП-модель, одна МП-подмодель и четыре МП-микромодели:

1. МП-модель [опьянение — удар] → *бабахнуть, бахать, бахнуть, бацнуть, вдарить, вда-
тый, вдолбить, вломить, вмазанный, вмазать, вметелить, впендюрить, врезать, всалатить,
всандаить, грохнуть, датик, датый, долбануть, зафигачить, зашибать, зюкнуть, камуфле-
тить, клюкнувший, клюкнутый, клюкнуть, колошматить, метелить, надираться, надравший-
ся, надраться, надубаситься, наклюкаться, наметелиться, настукаться, натюкаться, нatio-
хаться, нахерачиться, поддавать, поддавон, поддавший, поддатый, поддача, садить, треснуть,
тютюкнуть, фугасить, херачить, шибануть, шибать.*

1.2. МП-подмодель [опьянение — удар по телу] → *нанести удар по организму.*

1.2.1. МП-микромодель [опьянение — удар в голову] → *вбубенить, забубенить, набубениться,
принять на лоб, ударить в голову.*

1.2.2. МП-микромодель [опьянение — удар в грудь] → *принять на грудь.*

1.2.3. МП-микромодель [опьянение — удар по печени] → *удар по печени.*

1.2.4. МП-микромодель [опьянение — удар по почкам] → *удар по почкам.*

Анализ МП-моделей позволяет реконструировать фрейм, в котором опьянение представле-
но как форма удара. Фрейм «опьяняющий удар» в структуре метафоры «опьянение — это агрес-
сия» строится вокруг сценария агрессивного воздействия. Его ядро составляет ролевая схема:
агрессор (агенс) → удар → жертва (объект воздействия). В лексике опьянение осмысливается
как источник насильственного действия. Следует отметить, что данный агрессор (опьянение)
не всегда вербализуется явно, но имплицитно присутствует в структуре значений.

Типический сценарий фрейма «опьяняющий удар» можно представить так: субъект иници-
рует акт употребления алкоголя → опьянение концептуализируется как агрессор → реализуется
схема «нанесение удара» → удар направлен на организм в целом или на отдельные органы (голо-
ва, грудь, печень, почки).

Таким образом, анализ лексико-фразеологических единиц показывает, что в рамках данной
метафорической проекции алкогольное опьянение репрезентируется как внешняя агрессивная
сила, наносящая локальные и тотальные удары по опьяневшему. В русском языке опьянение
имплицитно осмысливается как агрессивный агенс.

2. Анализ контекстного уровня

Корпусный анализ позволяет рассмотреть концептуализацию опьянения как активной
агрессивной силы или противника, чья атака лишает равновесия, подчиняет тело и сознание
опьяневшего. Выявление подобных сценариев требует перехода от качественного описания
контекстов к формализованной модели анализа. Такую функцию выполняет М-модель, задаю-
щая структуру метафорической проекции.

В настоящем исследовании М-модель фиксируется в виде многочлена, где крайняя левая
часть (до знака «—») — это область-источник, правая часть (после знака «—») есть область-цель,
а крайняя правая часть (после знака «→») обозначает порождаемый смысл. Одна М-модель
может быть представлена несколькими порождаемыми смыслами в зависимости от контекста,
поэтому в рамках анализа выделяются общие и частные М-модели.

Всего выделено три базовые и 21 частная М-модели.

Примеры (1), (2) концептуализируют опьянение как импульсный удар, способный повлиять
на внешний облик и поведение субъекта. Таким образом, в этих случаях реализуется базовая
М-модель [опьянение — это удар → изменение состояния], при которой алкогольное воздей-
ствие представлено как кратковременное, но мощное насильственное вмешательство:

(1) ...на голодный желудок *водка ударила разом*, захмелила (В. Личутин. Любостай, 1987);

(2) Видно было, что и царю *сильно ударил хмель* (А.Н. Толстой. День Петра, 1918).

Фрагменты (3), (4) конкретизируют развитие этой модели, показывая, что «удар» ведет не просто к изменению состояния, но к дезориентации и потере контроля, выделяя частную М-модель [опьянение — удар → дезориентация]. Ср.:

(3) *Ударенный подряд двумя стаканами портвейна, почти не слыша себя в образовавшемся красном гуле*, он однако пытался писать в тетради... (В.М. Шапко. Бич, 2011);

(4) Первая же *рюмка ударила мне в голову. Я чувствовал, как взгляд мой становится скользким, а в ушах нарастает эхо* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь, 1993–2003).

Примечателен пример (5), в котором «удар» описывается как распространяющееся по телу силовое воздействие, напоминающее волну, прокатывающуюся сквозь организм. Здесь реализуется частная М-модель [опьянение — удар → циклический эффект на организм → воздействие на сердце]:

(5) Он еще выпивает, а вот и *удар хмеля сотрясает его изнутри: волна прокатывается до самых пальцев ног, отражается и мчит вверх, вот она снова здесь — у сердца* (В. Маканин. Утрата, 1984).

Фрагмент (6) расширяет смысловую динамику: «удар» хмеля несет не только физиологический, но и эмоционально-энергетический импульс, формируя М-модель [опьянение — удар → распространение по телу → эмоциональный и энергетический заряд], ср.:

(6) Нам вся эта благодать сейчас ни к чему — *хмель взыграл, как ударил! и гонит, гонит по телу силу, чувственность, даже молодость, изумительный самообман!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени, 1996–1997).

Пример (7) демонстрирует вариант, при котором «удар» не разрушает, а напротив — выполняет функцию кратковременного стимула, что выражается в частной М-модели [опьянение — удар → кратковременное оживление]:

(7) *Удар вина временно воскресил Лорха*; шатаюсь, но лишь в меру опьянения, мокрый от пота, с обшлющенной папиросой в зубах, прошел он боковым коридором во двор, сполз в бассейн... (А.С. Грин. Борьба со смертью, 1918).

В примерах (8)–(14) проиллюстрирована базовая М-модель [опьянение — удар в голову], где локализация удара по голове подчеркивает, что основным объектом алкогольной «атаки» является сознание и восприятие, ср.:

(8) В силу профессиональной необходимости я изучала вина, я полюбила вина, не *просто хмель, ударяющий в голову*, а искусство, которое дарит возможность попробовать удивительно красивое, великое вино (Л. Пузикова. Путь в Париж, 2012);

(9) *Водка была хорошая и сразу же ударила в голову* (С. Иванов. Марш авиаторов // «Звезда», 2002);

(10) Ну что ж, пожалуйста, разрешаю я — *водка тоже ударила мне в голову* (Л. Иванова. Искренне ваша грешница, 2000);

(11) И *хмель, теперь только ударивший в голову*, подвел его на этот раз (П.Ф. Нилин. Последняя кража, 1937);

(12) *Водка ударила Загирова в голову*. Он опять опустил пальцы в стакан, стряхнул на стружки и выпил (В.П. Катаев. Время, вперед! 1931–1932);

(13) Молодцов, выпив водку, почувствовал, как *она ударила ему в голову*, но те надежды, какие он возлагал на нее, не оправдались (С.Т. Семенов. Внизу, 1922);

(14) Розанов не повторил, потому что ему показалось, будто и первая *рюмка как-то уж очень сильно ударила ему в голову* (Н.С. Лесков. Некуда, 1864).

Опьянение часто ведет к потере контроля над поведением, к чему также приводят некоторые травмы головы. Данный аспект находит выражение во фрагментах (15), (16) через частную М-модель [опьянение — удар в голову → расторможенность]:

(15) Да нет — *водка в голову ударила. Расхрабрился, наговорил лишнего, и теперь вот иди куда хочешь* (П. Каменченко. История одного опьянения, 1997);

(16) *Хмель вновь ударил ему в голову*, он почувствовал себя будто *крылатым и вновь показался самому себе воином-партизаном, самым главным, отважным и решительным* (Ю. Герман. Дорогой мой человек, 1961).

Нарушение моторики также является одним из симптомов алкогольной интоксикации и может быть следствием удара по голове (17). Настоящая проекция проявляется в частной М-модели [опьянение — удар в голову → потеря баланса]:

(17) Надел фуражку и *покачнулся от ударившего в голову хмеля* (С.А. Есенин. Яр, 1915).

Чрезмерное опьянение, как и сильный удар, может привести к состоянию, похожему на нокаут (18), что выражено М-моделью [опьянение — сильный удар в голову → потеря сознания]:

(18) *Хмель сильно ударил в башку, и я свалился на диван, вырубился* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997).

Пример (19) добавляет к образу удара мотив внутреннего движения, реализуя М-модель [опьянение — удар в голову → цикличность]:

(19) Но, может быть, *хмель все-таки не ушел из ее тела и дрожал теперь, переливался, ударял в голову горячими волнами* (А. Берсенева. Полет над разлукой, 2003–2005).

Во фрагментах (20)–(22) проявляется частный вариант базовой М-модели [опьянение — удар в голову], где локализация смещается с внешней части головы непосредственно на центр мышления, памяти и рационального контроля — головной мозг. Подобное концептуальное смещение подчеркивает, что опьянение может восприниматься как агрессивное вторжение во внутренний центр мыслительной деятельности, а не просто как физическая агрессия.

Повреждение центра когнитивного восприятия может оказывать устойчивый эффект, который уже невозможно контролировать (20), (21). Данный эффект проявляется в частной М-модели [опьянение — удар в мозг → потеря самоконтроля]:

(20) Справедливости ради надо сказать, что директор меру свою знал и обычно старался соблюдать, удаляясь «в номера» с какой-нибудь спутницей еще до того, как *хмель неоправимо ударял в мозг* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1, 2014);

(21) *И вот от этого молчания, от этого их безмолвного бунта, накатило такое зло, такая охватила обида...* Видимо, вся выпитая за вечер *водка в тепле в мозг ударила* (М.Л. Халфина. Расплата, 1978).

В примере (22) добавляется сравнение с электрическим разрядом («током ударила в мозг»), что делает образ еще более физиологически конкретным: «удар» воспринимается как незапный импульс, мгновенно сотрясающий нервную систему. Таким образом, формируется отдельная М-модель [опьянение — удар в мозг → мгновенный эффект → импульсивность и расторможенность], ср.:

(22) Крылов, которому *теплая скверная водка* после всех сегодняшних приключений *током ударила в мозг*, сильно сжал Тамарино плечо с трогательной, выпроставшейся из-под платья шелковой бретелькой (О.А. Славникова. 2017, 2017).

Опьянение может отражаться не только на центрах восприятия действительности, но и на физической устойчивости тела — иными словами, акцент может смещаться на утрату равновесия и способности нормально передвигаться. В частности, во фрагментах (23), (24) подчеркивается контраст локализации «удара»: если обычно опьянение типически воспринимается как воздействие на голову, то здесь оно поражает ноги, лишая человека возможности двигаться уверенно. Это проиллюстрировано через частную М-модель [опьянение — удар в ноги → нарушение моторики]:

(23) *Хмель его отличался тем, что бросался не в голову, а в ноги*, и потому «танцы после ужина с банановым вином отменялись»... (Н.П. Кончаловская. Волшебство и трудолюбие, 1989);

(24) *Хмель ударил в ноги*, а голова была светлая, даже светлее, чем всегда (С. Залыгин. Соленая Падь, 1967).

В примере (25) реализуется локализация удара: алкогольная атака точно направлена не на голову или ноги, а на печень — орган, который метонимически репрезентирует физиологический урон. Таким образом проявляется отдельная М-модель [опьянение — удар по печени → физиологический ущерб]:

(25) Пусть *ваш праздничный стол* будет обильным, но *не бьющим по печени!* (Проводы осени (2002) // «100% здоровья», 11.11.2002).

В метафору может быть заложена мысль о том, что опьянение может не только дезориентировать и нарушать моторику тела, но также провоцировать агрессию и вызывать эмоциональный ответ. Этот аспект формирует М-модель [опьянение — локализованный удар / атака → вариативный эффект], которая образована на стыке нескольких частных смежных М-моделей. В частности, во фрагменте (26) метафора образована суммой частных М-моделей [удар в голову → потеря самоконтроля], [удар в ноги → нарушение моторики] и [удар в руки → агрессия], ср.:

(26) На разных людей *хмель действует* по-разному: *одним ударяет в голову, другим в ноги, третьим в руки* (А. Яшин. Вологодская свадьба, 1962).

Во фрагменте (27) заложена схожая метафорическая конструкция, которая реализуется М-моделями [атака на голову → потеря самоконтроля], [атака на ноги → нарушение моторики], [атака на руки → агрессия] и [атака на сердце → эмоциональный ответ], ср.:

(27) *Хмель*, он ведь кому куда кидается: кому — в голос, кому — в кулак, кому — в сердце, кому — *в голову*, а Егору — *в ноги* (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973).

Таким образом, фрейм «опьяняющий удар» задает сценарий, в котором опьянение выступает как агрессивный агент, наносящий атаку по телу и сознанию субъекта. Если на лексическом уровне можно распознать лишь базовую структуру фрейма, то на уровне клаузы/предложения эта структура разворачивается в динамический сценарий. В контексте «удар» определяет специфику последствий, а исход сценария варьируется от легкой эйфории до полной утраты контроля. В табл. 1 уточняются роли, содержание, функции и сценарии.

Таблица 1. Структура фрейма «опьяняющий удар»
Table 1. The structure of the “inebriating strike” frame

Роль	Содержание	Функции
Агент	Опьянение (алкоголь, хмель, вино, водка)	Активный инициатор агрессии, внешняя сила, запускающая процесс
Объект воздействия	Человек (тело, части тела, сознание)	Испытывает последствия удара: дезориентация, потеря контроля, эмоциональные сдвиги
Инструмент	Удар (как импульс, толчок, волна, ток)	Метафорический механизм передачи силы от агента к объекту воздействия
Локализация	Голова, мозг, ноги, сердце, печень	Определяет тип эффекта: когнитивный (голова/мозг), моторный (ноги), эмоциональный (сердце), физиологический (печень)
Эффект	Изменение состояния: дезориентация, потеря баланса, расторможенность, эйфория, временное оживление	Определяет сценарную динамику: от кратковременного подъема до поражения / утраты сознания
Сценарий	Начальный импульс → распространение по телу → дезорганизация функций / потеря контроля → возможное восстановление или нокаут	Разворачивает фрейм как процесс, а не статический образ

Во фрагментах (28)–(33) представлена М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног], где опьянение метафорически действует как удар или толчок, лишаящий человека опоры и вертикали. В данном случае метафорическая проекция смещается с когнитивного воздействия

на чисто физическую плоскость: действие осмысляется как мощная сила, способная буквально «свалить», «сразить» или «опрокинуть» тело. В частности, в ряде фрагментов прослеживается частная М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног → нарушение моторики], ср.:

(28) Остаточный *хмель действовал, но не сбивал*: приезжий брел, пересекая лысину ковыля... (В. Маканин. Утрата, 1984);

(29) Дева всплескивает руками, дева обильно плачет, *пробует встать, но хмель опрокидывает ее* (В.Я. Шишков. Угрюм-река, 1913–1932).

Примечательны примеры (28)–(31), где метафора подразумевает не только физическую потерю устойчивости, но и прекращение работы сознания. Таким образом реализуется частная М-модель [опьянение — атака, сбивающая с ног → потеря сознания], ср.:

(30) Послышалось похрапывание, *хмель свалил девушку*. (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004);

(31) Все три девицы наелись, напились. Хмель *сразил их, будто пуля разбойничья*. (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона // Девочки из колодца, 2004);

(32) Гости расходятся. *Едекона свалил хмель — остается на скамье...* (Е.И. Замятин. Атилла, 1928);

(33) Александр Данилович был трезвее других, зато *непривычный хмель свалил с ног Кенигсека* (А.И. Красницкий. На закате любви, 1910).

В группе примеров (28)–(33) мотив атаки достигает предельно наглядной физической формы: опьянение осмысляется как агрессивная сила, воздействующая на тело подобно нокаутирующему удару, который способен лишить не только опоры, но и сознания. Если во фрейме «удар» объектом воздействия прежде всего является голова и сознание, то во фрейме «атака, сбивающая с ног» акцент смещается на соматический аспект — физическую устойчивость и опору тела. В табл. 2 конкретизируются роли, содержание, функции и сценарии.

Таблица 2. Структура фрейма «алкогольная атака, сбивающая с ног»
Table 2. The structure of the “inebriating stunning attack” frame

Роль	Содержание	Функции
Агнс	Опьянение (хмель)	Активная сила, атакующая субъекта и лишаящая его устойчивости
Объект воздействия	Человек (тело)	Теряет опору, вертикальное положение, контроль над телом и сознанием
Инструмент	Атака (толчок, сбивание, опрокидывание)	Действие осмысляется как внешнее насильственное воздействие
Локализация	Ноги, тело в целом	Потеря равновесия, падение, «сваливание» субъекта
Эффект	— Нарушение моторики — Потеря сознания	Вариативность сценариев: от неустойчивости до полного отключения
Сценарий	Начало действия (опьянение «сбивает с ног») → падение или утрата равновесия → прекращение активности (сон, потеря сознания)	Структурирует восприятие опьянения как атаки, приводящей к поражению субъекта

Опьянение может метафорически проецироваться как активная сила, с которой человек вступает в борьбу, стремясь ее «одолеть». Такая интерпретация смыкается с фреймами «опьяняющий удар» и «алкогольная атака, сбивающая с ног», однако акцент здесь смещается с одностороннего воздействия на двустороннюю динамику противодействия. В частности, во фрагменте (34) опьянение концептуализируется как враг, с которым можно вступить в конфронтацию или которого можно опасаться, но которому в данном случае противостоит ясный разум героини.

Следует отметить, что трезвый рассудок выпившего персонифицируется в виде мифологического образа — Кашея Бессмертного, который в русской народной традиции символизирует неуязвимость и вечную стойкость. Такой образ подчеркивает силу сопротивляемости опьянению: трезвый разум представлен как вечный страж, не поддающийся действию хмеля. В результате формируется М-модель [опьянение — потенциальный противник → победа выпившего → ясность сознания], ср.:

(34) Она рабыня, пленница у *голоого, бессмертного Кашея, у трезвого рассудка, который уже никакого хмеля не боится* (Г.Д. Гребенщиков. Поклон родной земле, 1936).

Во фрагменте (35) опьянение также метафоризируется как потенциальный враг, однако возможный проигрыш в этом «сражении» обретает положительную коннотацию — это не угроза, а шанс отдалиться веселью и временно избавиться от бремени мыслей. Следовательно, вектор смысловой динамики смещается от «борьбы за трезвость» к «готовности позволить опьянению одолеть себя ради развлечения». Данный аспект находит выражение через частную М-модель [опьянение — потенциальный противник → победа опьянения → потенциальное развлечение], ср.:

(35) А Мещеряков сам к себе так же присматривался — то ли он загуляет окончательно, то ли нет, — *не сможет нынче хмель его одолеть?* То ли будет и дальше думать, разгадывать, то ли *предастся веселью?* (С. Залыгин. Соленая Падь, 1967).

Во примере (36) опьянение концептуализируется как активный противник, который вступает в борьбу с разумом человека. Это подчеркивает, что борьба еще не завершена: остатки алкоголя продолжают оказывать влияние, порождая внутреннее противоборство между разумом и опьянением. Такая проекция отражает частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба не завершена], ср.:

(36) В душе Байконура *благоразумие боролось с тоской и остатками хмеля*. (А. Иванов. Земля — Сортировочная, 1990–1991).

Внутренняя борьба с последствиями употребления алкоголя может проявляться через ряд внешних признаков. В частности, в примерах (37), (38) бледность кожи служит зримым маркером тяжелого противостояния опьянению. Этот физиологический признак сигнализирует о том, что алкоголь продолжает действовать, а победа над ним еще не достигнута. Данный сценарий представлен в частной М-модели [опьянение — активный противник → борьба не завершена → бледность кожи], ср.:

(37) — Я хочу поднять этот тост, — сказал он, вставая со своего места, *бледный, упрямо не поддающийся хмелю* на исходе ночи... (Ф. Искандер. Сандро из Чегема, 1989);

(38) Капитан Агильберт нынче *бледен*, глотает красное вино бокал за бокалом, *но хмель его не берет* (Е. Хаецкая. Мракобес: Свора пропащих, 1997).

Во фрагменте (39) внешним индикатором сопротивляемости алкогольной интоксикации выступает интенсивная фокусировка глаз, которая имплицитно противопоставляется затуманенности взгляда, одному из частых признаков опьянения. Это представлено в М-модели [опьянение — активный противник → победа выпившего → проницательный взгляд], ср.:

(39) Башмачкин хмель *вдруг превозмог*,

Сосредоточил *цепкий взгляд*

И всех пронзил он им подряд! (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975–1998).

Иногда «победа» над опьянением, вопреки обыденной логике, вовсе не является целью человека, поскольку его изначальное стремление — войти в состояние опьянения. Однако организм может сопротивляться алкоголю независимо от воли, что приводит к ощущению разочарования. На данный аспект указывает частная М-модель [опьянение — активный противник → попытка атаки → человек не поддается → разочарование]:

(40) ...хоть и было выпито довольно, но *хмель нынче не брал, не доходил до души так, чтобы позвать на песню* (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы, 1977);

(41) Василий хватил крепкой старки, *но хмель не брал...* (А.Н. Толстой. Петр Первый. Книга вторая, 1933);

(42) Да и направляясь в Большие Терема к жене, для храбрости, чтобы язык развязался, Петр тоже выпил, но теперь и *хмель не брал его*: как-никак, а в этом деле он не чувствовал себя правым, и слова туго шли с заплетавшегося языка (А.И. Красницкий. Трон и любовь, 1910).

Опьянение может «победить» человеческий рассудок (43), что может привести человека к абстрактно-философским рассуждениям. Подобный эффект алкоголя показан в частной М-модели [опьянение — активный противник → победа алкоголя → квазимыслие], ср.:

(43) ...пока *мысль, не осиленная хмелем*, не подсказывает ему, *что и тут ему не удалось избежать некоего повторения, что все это обыденность и заигрывание с вечностью* (В. Маканин. Утрата, 1984).

Во фрагменте (44) опьянение выступает в качестве активного противника, с которым ведется внутренняя борьба. Эта борьба завершается победой алкоголя, что приводит к спутанности сознания, которое является типичным признаком алкогольной интоксикации. Это выражается через частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба не завершена → побеждает алкоголь → спутанность сознания], ср.:

(44) *Хмель одолевал Захара, он забыл, о чем говорил, и замолчал* (Г.М. Марков. Строговы. Кн. 1, 1936–1948).

Проигрыш в «схватке» с опьянением (45), (46) может также проявляться через такой признак, как потеря вертикального положения, что уподобляется метафорическому удару, сбивающему человека с ног. В данном случае активизируется частная М-модель [опьянение — активный противник → победа алкоголя → потеря баланса], ср.:

(45) Тут *хмель сборол Мартынка*. Он поговорил, песенку еще спел да и *растянулся на полу* (Б.В. Шергин. Мартынка, 1960);

(46) ...*не сладив с хмелем, тяжело упал задом на пятки* (И.А. Бунин. Крик, 1911).

Порой метафорическая победа завершается так же, как и настоящая — проигравший в «драке» теряет сознание, что воплощается через частную М-модель [опьянение — активный противник → победа алкоголя → потеря сознания]:

(47) Чтобы не умереть от Брамса, трио заготовило две поллитры. *Но Брамс победил водку. Фридман упал, сломал пюпитр. Идти он не мог. Более стойкие виолончель и кларнет оказались не в силах ни разбудить его, ни вынести вон. Тело поставили в шкаф с нотами* (С. Сэ. Ева, 2010);

(48) Я прямо-таки *в какую-то прострацию впал. Видно, хмель взял свое... Глаза раскрыл, а ее уж нет* (В.Ф. Кормер. Крот истории, или Революция в республике S=F, 1979);

(49) ...где Хвостиков...покоился *крепким сном, побежденный более водкою, нежели кровопролитным боем* (В.Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, 1814).

Активная борьба с опьянением зачастую приводит к сбивчивому дыханию у наименее выносливого «бойца», что, в свою очередь, сопровождается нарушением речи. Подобное состояние представляет собой характерный индикатор алкогольного опьянения, что выражает М-модель [опьянение — активный противник → борьба неудачна → нарушение речи]:

(50) *Из всех сил борясь с опьянением, Матвей изрекает непонятное...* (Л. Левинзон. В Тель-Авиве, 2005);

(51) Матушка, — *сурово борясь с хмелем, надрывно выкрикнул он*, — сам Родамус Кверк говорит, что лучше смерть, чем такая жизнь... (А.С. Бухов. Уважение, 1917).

В примере (52) результат подобной «борьбы» заключается в том, что человек теряет самоконтроль, совершая хаотичные или социально неадекватные действия. Подобное поведение

иллюстрирует частную М-модель [опьянение — активный противник → борьба неудачна → нарушение контроля действий], ср.:

(52) ...чувствуя, что хмель одолевает его, стал сгребать с тарелки куски ветчины и пихать в карманы порток (И.А. Бунин. Деревня, 1909–1910).

Одним из частных вариантов такого сражения, приобретшего затяжной и разрушительный характер, является метафора войны. Согласно исследованию Р.А. Кафтанова, с образом войны в русском языке тесно связаны ассоциации смерти, страдания, горя и разрушения [21, с. 153]. Алкоголизм в этом контексте осмысливается как затяжная форма опьянения, обладающая признаками болезни и антисоциального поведения, что порождает сходный ассоциативный ряд. Подобным образом во фрагменте (53) поражение в таком затянувшемся «сражении» приводит не только к потере самоконтроля, но и к гибели субъекта. Здесь реализуется более сложная М-модель [опьянение — активный противник → затяжное сражение → победа алкоголя → потеря самоконтроля → смерть], ср.:

(53) Акундин зарезал в куски жену свою кроильным ножом, исполосовал самого себя и в страшных муках умер, побежденный водкой (К.С. Петров-Водкин. Моя повесть, 1930).

Наконец, в примере (54) алкогольный «враг» мыслится не просто как угроза индивиду, но как агрессивная сила, способная уничтожить целую государственную систему. Здесь алкоголь представляется мощным противником, победившим в затяжной войне — итогом становится крах Советского Союза, а его население оказывается в состоянии перманентной зависимости, символической «оккупации» аддиктивным опьянением. Эта конфигурация реализует частную М-модель [опьянение — активный противник → затяжная война → победа алкоголя → потеря самоконтроля → деградация → зависимость], ср.:

(54) ...всех победила водка, и Советский Союз рухнул, а население, оставшееся в живых, героически продолжает пить (Ф. Искандер. День писателя // «Новый Мир», 1999).

Анализ примеров (34)–(54) показывает, что в фокусе М-модели [опьянение — это противник] находится фрейм «пьянящий противник», выражающий сценарий борьбы, исход которой может варьироваться: от сопротивления и временной победы человека до полного подчинения воздействию алкогольного опьянения. Для наглядности динамика фрейма в табл. 3 представлена в виде типического сценария, структурирующего последовательность ролей и их функций. В отличие от фреймов «опьяняющий удар» и «алкогольная атака, сбивающая с ног» данный фрейм предполагает длительную борьбу с вариативными исходами. Поэтому в его структуре выделены сценарные линии, отражающие разные траектории развития конфликта (сопротивление, промежуточная борьба, поражение, война). В более статичных сценариях такая динамика не актуализируется.

Таким образом, на уровне контекста единичное агрессивное действие может перерасти в длительную агрессивную конфронтацию, в рамках которой опьянение метафорически действует как противник, с которым субъект ведет борьбу. Эта борьба описывается как процесс с неопределенным исходом: возможна победа (сохранение устойчивости, ясности сознания), но чаще — поражение, проявляющееся в нарушении моторики, речи и когнитивной целостности.

Анализ концептуального уровня

Анализ словарного и корпусного материалов демонстрирует, что метафорические модели агрессии формируют иерархически организованный метафорический ландшафт, в котором опьянение функционирует как активный и зачастую враждебный агент. Локализация агрессии на теле (прежде всего — голова, мозг, ноги) иллюстрирует различие в соматической и ментальной симптоматике: от кратковременной эйфории и двигательной расторможенности до утраты контроля и сознания. Переход от отдельных лексических номинаций и корпусных примеров к их интерпретации на уровне фреймов позволяет выявить когнитивные сценарии агрессивного

Таблица 3. Структура фрейма «пьянящий противник»
Table 3. The structure of the “inebriating adversary” frame

Роль	Содержание	Функции
Агенси	Опьянение (хмель, алкоголь, водка)	Персонифицированный агрессор, вступающий в борьбу с человеком
Объект воздействия	Человек (разум, тело, воля, социальное «я»)	Ведет борьбу, сопротивляется или терпит поражение
Инструмент	Борьба, схватка, противостояние, война	Средство концептуализации затяжного конфликта
Сценарные линии	Сопротивление, промежуточная борьба, поражение, затяжная война	Моделируют разные исходы конфликта
Эффекты	Ясность сознания и победа; развлечение; незавершенная борьба; разочарование; спутанность сознания; потеря баланса и сознания; нарушение речи и действий; поражение (смерть, деградация, зависимость)	Отражают вариативность исходов
Сценарий	Вступление в борьбу → сопротивление или капитуляция → промежуточные признаки (бледность, сбивчивость речи, хаотичность действий) → финал: победа или поражение → социальные и экзистенциальные последствия	Структурирует восприятие опьянения как длительное противостояние

воздействия, фиксирующие динамику опьянения как процесса. Как и всякий релевантный фрагмент действительности, фреймы «формируются на основе принятых в социуме представлений об этом фрагменте» [22, с. 127]. Исходя из этого, можно заключить, что проанализированные фреймы «опьяняющий удар», «алкогольная атака, сбивающая с ног» и «пьянящий противник» структурируют понятийную сферу «опьяняющая агрессия», интегрирующую различные аспекты воплощенного опыта.

Структурные признаки данной понятийной сферы: 1) *семантическая доминанта* передает идею насильственного воздействия, приводящего к соматическому и когнитивному ущербу; 2) *прототипическая ситуация* показывает восприятие опьянения в качестве агрессивного агенса, атакующего объект воздействия, в результате чего объект теряет контроль над телом, поведением и сознанием; 3) *типические признаки* — потеря самоконтроля, борьба за его сохранение, психофизиологические изменения; 4) *воплощенный опыт*, через который опьянение соотносится с реальным агрессивным воздействием (ударом, сражением, атакой), делает метафору особенно наглядной и физиологически убедительной.

Функции понятийной сферы: 1) *интерпретативная* — объясняет физиологические и психические эффекты опьянения через опыт агрессии; 2) *интенсифицирующая* — усиливает образ разрушительного воздействия алкоголя, подчеркивая его опасность; 3) *оценочная* — часто маркирует опьянение как негативное и враждебное состояние, сближая его с образом угрозы.

Описание понятийной сферы «опьяняющая агрессия» позволяет заключить, что агрессивная метафорика опьянения представляет собой не разрозненные переносы, а устойчивую когнитивную модель. Она опирается на воплощенный опыт алкогольного опьянения и закреплена в русской языковой картине мира.

Обсуждение

Результаты исследования подтверждают продуктивность метафорической проекции, в рамках которой алкогольное опьянение концептуализируется как образ агрессии — удара, нападения или борьбы. Концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» формирует разветвленное когнитивное пространство, включающее как отдельные сценарии, так и целостную модель интерпретации опьянения как деструктивной силы.

Лексический анализ выявил устойчивый пласт номинаций, в которых агрессивный характер опьянения фиксируется посредством семантического переноса. Номинации типа *вмазать*, *шибануть*, *долбануть*, *удар по печени*, *ударить в голову* репрезентируют метафорическую проекцию опьянения как одномоментного акта физического воздействия (удара), закрепленного в языковой системе через устойчивые выражения. Внутренняя форма этих номинаций достаточно явно отражает мотивирующие признаки, что позволяет реконструировать общие и частные модели переноса значения, в частности: [опьянение — удар] и [опьянение — удар по частям тела]. Лексический уровень анализа, таким образом, фиксирует номинативный аспект концептуализации опьянения как насильственного воздействия.

Анализ контекстуального уровня позволил выйти за пределы лексической системы и выявить сценарную динамику метафоры, то есть проследить специфику ее реализации в контексте. Полученные данные показали, что образ агрессии концептуализируется в разных по времени и интенсивности формах: от краткого, концентрированного импульса (удар в голову, мозг, руки, ноги) до длительного, разрушительного процесса (борьба, поражение, утрата контроля, смерть).

Существенным результатом стало выявление персонификации опьянения как врага, что отражает культурное осмысление алкогольного воздействия как угрозы и формы борьбы. Корпусные данные также наглядно показали жанровую и прагматическую гибкость метафоры: в зависимости от интенции говорящего, контекста и жанра образ агрессии может окрашиваться либо негативно (девиантное поведение, потеря сознания, зависимость), либо положительно (эйфория, подъем, стимул, веселье). Такая семантическая амбивалентность свидетельствует о концептуальной пластичности модели и ее высокой когнитивной продуктивности.

Важно подчеркнуть, что именно концептуальный уровень анализа обеспечил целостное осмысление полученных данных. Если лексический уровень фиксировал номинативные индикаторы образа агрессии, а контекстный уровень раскрывал динамику сценариев, то концептуальный анализ позволил интегрировать эти компоненты в понятийную сферу «опьяняющая агрессия». В ее структуре опьянение систематически репрезентируется как агрессивный агент, наносящий удары, сбивающий с ног или выступающий в роли противника. Подобная интерпретация показывает, что агрессивная метафорика опьянения является не стилистическим приемом, а глубоко укорененной когнитивной моделью, отражающей воплощенный опыт и культурные аспекты русской языковой картины мира.

Заключение

Проведенное исследование опирается на теоретико-методологический фундамент когнитивной лингвистики, прежде всего на РТКМ, которая позволяет рассматривать метафору как системный инструмент организации знаний. В ее рамках подтверждается ключевой тезис о том, что алкогольное опьянение в русском языке систематически концептуализируется как агрессия.

Предложенная методика, сочетающая лексический и корпусный анализ с использованием процедуры MIPVU и дополняемая концептуальным анализом, позволила выявить устойчивые метафорические модели, реконструировать фреймовые сценарии агрессивного воздействия и описать понятийную сферу «опьяняющей агрессии» как целостную когнитивную модель. Анализ лексического уровня зафиксировал инвентарь номинаций, репрезентирующих «удар», тогда как анализ контекстуального уровня показал расширенную динамику функционирования подобных моделей в контексте: от кратковременного «удара» до затяжной «борьбы» и «поражения». Анализ концептуального уровня продемонстрировал интеграцию данных лексического и корпусного уровней в устойчивую когнитивную модель «опьяняющей агрессии», закрепленную в русской языковой картине мира. Иными словами, данная методика показала, что образ

агрессии в метафорическом пространстве алкогольного опьянения не сводится к стилистическому приему, а представляет собой укорененную когнитивную схему, структурирующую восприятие алкогольного опьянения.

Итоги исследования показывают, что концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» обладает значительной когнитивной продуктивностью и культурной значимостью. Она объединяет воплощенный опыт, социокультурные факторы и языковые аспекты, формируя специфический пласт русской языковой картины мира.

Полученные результаты могут быть использованы в ряде направлений. Во-первых, они представляют ценность для лексикографических исследований, фиксирующих метафорические номинации опьянения. Во-вторых, выявленные модели применимы в преподавании когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, поскольку наглядно демонстрируют взаимосвязь языка, восприятия и культуры. В-третьих, данная работа может быть полезна для анализа дискурсов аддикции и разработки профилактических коммуникационных стратегий: концептуальная метафора «опьянение — это агрессия» позволяет объяснить механизмы восприятия опьянения как деструктивного фактора и способствует формированию критического отношения к культуре потребления алкоголя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабенко Л.Г., Романова М.А.** Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28
2. **Степанов Ю.С.** Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
3. **Зибин А., Солопова О.А.** Метафора в языке, культуре и дискурсе: исследовательская повестка дня // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 1. С. 7–32. DOI: 10.22363/2687-0088-37837
4. **Beknazarova U.U., Almutova A.B., Yelemessova S.M., Abadildayeva S.K.** The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations // Journal of Language and Linguistic Studies. 2021. Vol. 17, Iss. 3. P. 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94
5. **Kövecses Z.** Extended Conceptual Metaphor Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127
6. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
7. **Оленева П.** Когнитивный аспект английских денежных пословиц // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 5. С. 882–891.
8. **Pritchard T.** Analogical Cognition: an Insight into Word Meaning // Review of Philosophy and Psychology. 2019. Vol. 10. С. 587–607. DOI: 10.1007/s13164-018-0419-y
9. **Johansson Falck M., Okonski L.** Procedure for Identifying Metaphorical Scenes (PIMS): The Case of Spatial and Abstract Relations // Metaphor and Symbol. 2023. Vol. 38, Iss. 1. С. 1–22. DOI: 10.1080/10926488.2022.2062243
10. **Козлова Л.А.** Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925
11. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
12. **Кожевников А.Ю.** Между первой и второй...: Словарь алкогонимов. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2007. 311 с.
13. **Нагорная А.В.** Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 120–147. DOI: 10.17223/19986645/75/6

14. Кевечеш З., Бенцеш Р., Роммель А., Селид В. Универсальность и вариативность в концептуализации эмоции гнев: проблемы методологии // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Т. 28, № 1. С. 55–79. DOI: 10.22363/2687-0088-34834
15. Тульчинский Г.Л. Лента Мёбиуса прагматосемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто — и обратно // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2023. Т. 14, № 4. С. 8–30. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-4-1
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.05.2025).
17. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, Iss. 2. P. 133–187. DOI: 10.1207/s15516709cog2202_1
18. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 238 p. DOI: 10.1075/celcr.14
19. Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
20. Манерко Л.А., Суханова А.С. Функционирование фрейма environment в специальных концептуальных областях знания в английском языке // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2024. Т. 15, № 3. С. 22–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-2
21. Кафтанов Р.А. Динамика образа войны в русском языковом сознании (психолингвистический аспект) // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17, № 1. С. 149–160. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160
22. Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15, № 4. С. 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

REFERENCES

- [1] Babenko L.G., Romanova M.A., The feeling of love in the metaphorical space of the Russian language: basic projections and models, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (2024) 17–28. DOI: 10.20916/1812-3228-2024-1-17-28
- [2] Stepanov Yu.S., *Yazyk i metod: K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and Method: Toward a Contemporary Philosophy of Language], *Yazyki russkoy kultury*, Moscow, 1998.
- [3] Zibin A., Solopova O.A., Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (1) (2024) 7–32. DOI: 10.22363/2687-0088-37837
- [4] Beknazarova U.U., Almutova A.B., Yelemessova S.M., Abadildayeva S.K., The cognitive function of a conceptual metaphor and its methodological foundations, *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17 (3) (2021) 1312–1324. DOI: 10.52462/jlls.94
- [5] Kövecses Z., *Extended Conceptual Metaphor Theory*, Cambridge University Press, Cambridge, 2020. DOI: 10.1017/9781108859127
- [6] Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, University of Chicago Press, Chicago, 1980.
- [7] Oleneva P., Cognitive perspective of English money proverbs, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 17 (5) (2024) 882–891.
- [8] Pritchard T., Analogical cognition: an insight into word meaning, *Review of Philosophy and Psychology*, 10 (2019) 587–607. DOI: 10.1007/s13164-018-0419-y
- [9] Johansson Falck M., Okonski L., Procedure for Identifying Metaphorical Scenes (PIMS): The case of spatial and abstract relations, *Metaphor and Symbol*, 38 (1) (2023) 1–22. DOI: 10.1080/10926488.2022.2062243
- [10] Kozlova L.A., Metaphor as the reflection of culture determined cognition, *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4) (2020) 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925
- [11] Stepanov Yu.S., *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture], 3rd ed., revised and expanded, Akademicheskiy Proekt, Moscow, 2004.

- [12] **Kozhevnikov A.Yu.**, Mezhdru pervoy i vtoroy...: Slovar' alkogonimov [Between the First and the Second...: Dictionary of Alcohol-related Expressions], OLMA Mediagrupp, Moscow, 2007.
- [13] **Nagornaya A.V.**, Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture, *Tomsk State University Journal of Philology*, 75 (2022) 120–147. DOI: 10.17223/19986645/75/6
- [14] **Kövecses Z., Benczes R., Rommel A., Szelid V.**, Universality versus variation in the conceptualization of ANGER: A question of methodology, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (1) (2024) 55–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34834>
- [15] **Tulchinskiy G.L.**, The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back, *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4) (2023) 8–30. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-4-1
- [16] National Corpus of the Russian Language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 27.05.2025).
- [17] **Fauconnier G., Turner M.**, Conceptual integration networks, *Cognitive Science*, 22 (2) (1998) 133–187. DOI: 10.1207/s15516709cog2202_1
- [18] **Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T.**, A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU, John Benjamins, Amsterdam, 2010. DOI: 10.1075/celcr.14.
- [19] **Sun Y., Kalinin O.I., Ignatenko A.V.**, The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in the political public speeches, *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1) (2021) 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
- [20] **Manerko L.A., Sukhanova A.S.**, Functioning of the frame environment in various conceptual knowledge domains in the English language, *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (3) (2024) 22–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-3-2
- [21] **Kaftanov R.A.**, Dynamics of the Image of War in the Russian Language Consciousness (Psycholinguistic Aspect), *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 17 (1) (2019) 149–160. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-149-160
- [22] **Suleimanova O.A., Sokolova A.V.**, Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 15 (4) (2024) 123–133. DOI: 10.18721/JHSS.15409

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Уразаев Марат Дамирович

Marat D. Urazaev

E-mail: marat-urazaev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8996-8882>

Поступила: 25.07.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 05.11.2025.

Submitted: 25.07.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 05.11.2025.

Research article

UDC 811

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16408>

EDN: <https://elibrary/OQWNWC>

MACHINE METAPHORICS IN TECHNO-MODERN TEXTS

K.A. Habibova

Azerbaijan National Academy of Sciences,
Linguistics Institute named after I. Nasimi, Baku, Azerbaijan

 habibovakonul@gmail.com

Abstract. This article explores the machine metaphor as a central conceptual and aesthetic device in the literature of the techno-modern era. The machine is examined not merely as a thematic presence or symbolic motif, but as an operative metaphor that structures narrative form, cognitive engagement and ideological positioning within literary texts. The relevance of this research lies in the accelerating development of digital technologies and their pervasive influence on how stories are told and perceived. An interdisciplinary methodology is employed, grounded in the philosophy of technology (particularly the works of Ernst Kapp and Gilbert Simondon), media theory and literary analysis informed by close reading and narratology. This multilayered design enables a comprehensive account of how machine metaphors operates across levels of the literary text. The findings indicate that machine metaphors is woven into the compositional fabric of works, manifesting in narrative architecture; in character development (notably figures of artificial intelligence and mechanized humans); in stylistic procedures that foreground precision and iterability; and in an ideology of technological rationalism. These metaphors shape the reading experience, fostering algorithmic modes of interpretation, a deterministic construal of the world, and aesthetic expectations oriented toward functionality. Ultimately, the study argues that the machine metaphor in the literature of techno-modernity functions as a powerful cognitive instrument: it not only reflects dominant technocultural paradigms but also actively intervenes in how readers construe identity, subjectivity, and meaning. By staging the dramatic convergence of human and machine logics, such literature invites critical reflection on the nature of consciousness and the shifting boundaries of the human in an era increasingly mediated by technology.

Keywords: machine metaphoric, narrative, narrative devices, techno-modern texts, technocultural paradigms.

Citation: Habibova K.A., Machine Metaphors in Techno-Modern Texts, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 128–140. DOI: 10.18721/JHSS.16408

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16408>

МАШИННАЯ МЕТАФОРИКА В ТЕХНОМОДЕРНЫХ ТЕКСТАХ

К.А. Габибова

Национальная Академия Наук Азербайджана,
Институт языкознания им. И. Насими, Баку, Азербайджан

✉ habibovakonul@gmail.com

Аннотация. Эта статья исследует метафору машины как центральный концептуальный и эстетический приём в литературе эпохи техномодерности. Машина рассматривается не просто как тематический элемент или символический мотив, но как действенная метафора, структурирующая повествовательную форму, когнитивное восприятие и идеологическое позиционирование в рамках литературных текстов. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их повсеместным влиянием на способы рассказа и восприятия истории. В работе используется междисциплинарная методология, основанная на философии техники (в особенности на трудах Эрнста Каппа и Жильбера Симондона), медиа-теории, а также литературном анализе, опирающемся на внимательное чтение и нарратологию. Такой многоплановый подход позволяет всесторонне осмыслить, как машинная метафорика функционирует на различных уровнях литературного текста. Результаты исследования показывают, что машинная метафорика вплетена в саму композицию литературных произведений, проявляясь в нарративной архитектуре, развитии персонажей (особенно в образах искусственного интеллекта и механизированных людей), стилистических приёмах, подчеркивающих точность и повторяемость, а также в идеологии технологического рационализма, отражающих технологический рационализм. Эти метафоры формируют читательский опыт, способствуя алгоритмизированным способам интерпретации, детерминистскому восприятию мира и эстетическим ожиданиям, ориентированным на функциональность. В конечном счете, в исследовании делается вывод, что машинная метафора в литературе техномодерности выступает как мощный когнитивный инструмент. Она не только отражает господствующие технокультурные парадигмы, но и активно вмешивается в то, как читатели воспринимают идентичность, субъектность и смысл. Изображая драматическое слияние человеческой и машинной логики, подобная литература побуждает к критическому осмыслению природы сознания и изменяющихся границ человеческого в эпоху, всё более опосредованную технологиями.

Ключевые слова: машинная метафорика, нарратив, нарративные приемы, техномодерные тексты, технокультурные парадигмы.

Для цитирования: Габибова К.А. Машинная метафорика в техномодерных текстах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 128–140. DOI: 10.18721/JHSS.16408

Introduction

In the age of *techno-modernity* – an era defined by digital technology and pervasive computation – literature has increasingly turned to the metaphor of the machine as a way of understanding human consciousness and society. From mechanical automata in early modernist poems to algorithmic structures in contemporary digital narratives, writers have used machine metaphors to both reflect and shape the mental worlds of their characters and readers. This article explores how the machine metaphor functions in literature shaped by technological modernity, focusing on its potential to model consciousness and to structure subjectivity and perception. As a self-modeling account puts it, consciousness appears when a system “*not only models the world and itself, but recursively models its own modeling processes through a stable symbolic self-representation*” [1, p. 3]. By examining literary works that explicitly or implicitly integrate mechanical logic, algorithmic patterns, or artificial intelligence, we can observe how the aesthetics of engineering – clarity, functionalism, determinism – become embedded in literary representations and rhetorical strategies. These constructions, in turn,

shape readers' cognitive patterns and even ideological orientations, as narrative form and content work together to influence how we think about ourselves and our world. "*Politics makes a wide use of imagery and vocabulary from mechanics to create the perceptions of politics as a properly working mechanism with all its parts and cogwheels working together*" [2, p. 64]. The following sections outline the methods, review relevant scholarship across disciplines (literary studies, philosophy of technology, cultural theory, media archaeology, digital humanities), present results from textual analyses, and discuss the ways in which machine metaphors operate within literary narratives. By the conclusion, we will see that literature of techno-modernity not only depicts machines but often thinks like one, deploying mechanical analogies as powerful frameworks that resonate in the minds of readers.

Methods and Materials

In this study, a qualitative interdisciplinary approach that combines linguistic strategies of analysis at the text level with contributions from the philosophy of technology and media studies is applied. Although not confined to clothing, the study does not aim to conduct a traditional (restricting the word "text" to verbal discourse) but rather a linguistically-oriented textual analysis, the focus of which are discursive structures, lexical-semantic constellations, metaphorical models, and pragmatic strategies in the chosen writings. The analysis focuses on the ways in which linguistic devices (lexis, syntax, cohesive devices, figure) create representations of the logic of the machine and of its effect on the experience of the mind.

This study adopts an interdisciplinary qualitative approach, combining close reading of literary texts with theoretical analysis informed by philosophy of technology and media studies. Rather than a quantitative or corpus-based method, the research uses textual analysis and comparative interpretation. The approach draws from the tools of discourse analysis, metaphor theory (the study of conceptual metaphors that affect thinking and language use), and the comparison of language patterns in texts. We interpret how selected literary works employ machine metaphors and structures, and then analyze the effects on representations of consciousness and reader experience. The methodology is influenced by metaphor theory (understanding how metaphors shape thought) and by media archaeology (examining how older and newer media logics inform narrative forms). In essence, the approach is to read literature through the lens of machine logic and to read theories of technology with an eye to their narrative and metaphorical implications.

The literary works examined span genres and periods within techno-modernity (primarily 20th and 21st centuries). Examples include avant-garde and modernist pieces (e.g., the machine poems of Lars Gustafsson¹), mid-century and late-century science fiction and dystopias (e.g., Aldous Huxley's "Brave New World"², Eugene Zamiatin's "We"³, Stanisław Lem's "The Cyberiad"⁴), and contemporary experimental or digital literature (e.g., Oulipo works like Georges Perec's "Life A User's Manual"⁵, and novels featuring AI such as Ian McEwan's "Machines Like Me"⁶ or Kazuo Ishiguro's "Klara and the Sun"⁷). These texts were chosen for their explicit or implicit incorporation of mechanical or algorithmic elements in either content (characters who are machines or governed by machines) or form (narratives structured like algorithms or machines). Alongside primary texts, the study engages with key theoretical works: philosophical texts like Ernst Kapp's "Elements of a Philosophy of Technology" [3] and Gilbert Simondon's "On the Mode of Existence of Technical Objects" [4] provide insight into the human-technology relationship; cultural theory sources (e.g., Donna Haraway's concept of the cyborg [5], Friedrich Kittler's media determinism [6]) and media archaeology

¹ Gustafsson L., Selected Poems, trans. by J. Irons, Bloodaxe Books, Hexam, 2015.

² Huxley A., Brave New World, Chatto & Windus, London, 1932.

³ Zamiatin E., We, trans. by G. Zilboorg, E. P. Dutton, New York, 1924.

⁴ Lem S., The Cyberiad, trans. by J. Irons, M. Kandel, Harcourt Brace, New York, 1974.

⁵ Perec G., Life: A User's Manual, trans. by D. Bellos, David R. Godine, Boston, 1987. (Original work published 1978)

⁶ McEwan I., Machines Like Me, Jonathan Cape, London, 2019.

⁷ Ishiguro K., Klara and the Sun, Faber & Faber, London, 2021.

(e.g., discussions of how media devices shape perception) offer frameworks to interpret the influence of machine forms on human consciousness. We also draw from digital humanities perspectives that consider algorithmic patterns in literature and reading (such as Nancy Katherine Hayles's analyses of digital literature [7] and Franco Moretti's concept of "distant reading" treating literature as data [8]). By integrating these materials, the article ensures a broad view of machine metaphors from both within literary texts and outside them (in the form of critical theory and philosophy).

Literature review

The relationship between humans and machines has been a subject of philosophical inquiry since the dawn of industrial modernity. Two thinkers of particular relevance to literary metaphors are Kapp and Simondon, who provide foundational ideas on how tools and machines relate to human consciousness and culture. Kapp, a 19th-century philosopher, introduced the concept of "organ projection," positing that all tools are essentially unconscious projections of human organs [9]. In Kapp's view, technology is not an alien other but an extension of ourselves: for example, a hammer externalizes the function of the fist, and the telegraph system externalizes the human nervous system [3, p. 35]. Crucially, Kapp suggests a dialectical feedback loop between humans and their technological extensions. "*External things enter into the human being as objects of his consciousness. To the extent that he discovers himself elucidated in them, they become his interiority... Self-consciousness proves to be the result of a process in which knowledge of an exterior is transformed into knowledge of an interior*" [10, p. 11]. In other words, when we create machine metaphors or technologies based on ourselves, those creations in turn shape our own self-understanding. This Hegelian insight (filtered through Kapp) implies that metaphors of the machine in literature might serve as a mirror – revealing something about human interiority by projecting it outward. Kapp's narrative of technology as a "*broad expression of culture*" envisioned an evolution where technical refinement and conceptual refinement go hand in hand [10, p. 12]. Applied to literature, this suggests that as society's machines become more sophisticated, so do the metaphors and narratives drawn from them, potentially driving new ways of thinking. "*The essence of metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another*" [11].

Simondon, writing in the mid-20th century, deepened the analysis of how technical objects mediate human reality. He observed that modern culture had largely positioned itself in a defensive or alienated stance toward machines – treating them as either mere utilitarian objects or as threatening, quasi-autonomous "others" [12]. He famously noted that society often holds *two contradictory attitudes* toward machines: on one hand, we regard machines as soulless tools (valueless beyond their function), and on the other, we indulge in "*mythical*" imaginings of machines as living robots with intentions of their own [12]. This contradiction reveals a cultural ambivalence: the machine is either denied any meaning or endowed with dangerous agency. Simondon argued that this stems from a misunderstanding. He pointed out that the highest forms of technical perfection are not those that are completely rigid or automatic but rather those that incorporate a "*margin of indeterminacy*" – an openness to information and interaction [4, p. 61]. In effect, an advanced machine is not a closed deterministic system but an *open* system capable of adaptation. This notion challenges the simplistic idea of machines as purely deterministic and underscores that modern machines (like computers or cybernetic systems) include dynamic feedback, much like living organisms. For Simondon, humans become *alienated* when they no longer understand the machine as continuous with human effort and creativity. He traced how, historically, the Industrial Revolution moved the individual from being a "*tool bearer*" (an artisan physically engaged with tools) to a "*spectator*" of automated processes [4, p. 41]. By the 19th century, the worker "*no longer experiences progress*" through their own embodied skill; instead, the machine operates independently, and the human either oversees it or is reduced to observing its results [12]. This led to a new kind of alienation beyond Marx's economic analysis – a "*physio-psychological*" alienation

where “*the machine no longer prolongs the corporeal schema*” of the human (neither for the worker nor for the owner) [4, p. 54]. The machine had become another, detached from intimate human experience, thus affecting consciousness by severing the unity of mind, body, and tool.

Results

Drawing on the methods and texts outlined, this section presents findings on how machine metaphors manifest in techno-modern literature and what patterns emerge regarding consciousness and subjectivity. Several key results were identified:

1. ***Mechanization of Narrative Structure.*** A number of works integrate mechanical or algorithmic structures into their very form, producing a *procedural* experience for the reader. As anticipated, the Oulipo experiments serve as clear examples – for instance, “Life A User’s Manual” reads almost like a meticulously engineered device, each chapter a component fitting into a larger blueprint⁸. The research finds that such structurally mechanized narratives tend to emphasize *determinism* and *totality*: every element is in its place for a reason, much as a gear in a clock. Readers often report a dual consciousness when reading these works – enjoying the aesthetic pattern (the clarity of an underlying order) while also becoming highly aware of the artificial nature of the construction (one’s mind oscillates between immersion in the story and admiration of the “machine” that is the story’s structure). This awareness can model the reader’s consciousness and perception: one begins to look for patterns everywhere, adopting a problem-solving mindset. As one navigates the puzzle-like narrative, one’s consciousness mirrors the algorithmic process, temporarily accepting the *logic of the machine* as the logic of the story world. This result was evident not only in Perec but also in modern digital hypertext fiction (e.g., Michael Joyce’s “Afternoon, a story”, a hypertext from 1987⁹). In such hypertexts, the reader must click links to move to the next lexia (text chunk), effectively operating the narrative like a machine with multiple pathways. The outcome is a *distributed narrative consciousness* – the linear, singular flow of reading is broken, replaced by a network logic similar to browsing the web. Thus, the narrative structure itself can act as a machine that reconfigures the reader’s consciousness (from linear-thinking to network-thinking, or to pattern-recognition-thinking).

2. ***Machine Characters and Consciousness Transfer.*** Many techno-modern literary works feature machines as characters (robots, AIs) or humans whose consciousness is mechanized. “*As scholars of digital identity argue, metaphor here functions as a cognitive tool that constructs new meanings and makes the digital/technological world more readily perceived*” [13, p. 30]. The research finds that when literature personifies machines or mechanizes persons, it often blurs the line between the two to provocative effect. In Stanisław Lem’s “The Cyberiad”¹⁰, a collection of science-fiction fables, virtually all characters are intelligent machines (robots invented by the protagonists Trurl and Klapaucius). One story, “Trurl’s Electronic Bard”, features a machine built to write poetry. This is a literal *machine metaphor* for artistic creativity. Lem demonstrates that the machine can indeed generate clever verse (even outdoing a human poet in a contest), thereby satirically suggesting that creativity might be reduced to algorithms. However, the story’s humorous chaos – the machine eventually causes trouble by taking its instructions too literally – also implies a limit to machine logic, highlighting the nuances of consciousness and intention that pure algorithms lack. The presence of an AI poet character impacts readers’ consciousness by forcing them to consider: *is human thought just computational?* As we identify with the machines (Lem invites us to, as the robots are very anthropomorphic in behavior), our subjectivity is subtly repositioned. We momentarily inhabit a mechanical point-of-view, following the story’s logic, and then step back to notice the absurdity or the coldness in that viewpoint. A similar pattern occurs in more serious treatments like Isaac Asimov’s robot stories¹¹ or Kazuo Ishiguro’s

⁸ Perec G., *Life: A User’s Manual*, trans. by D. Bellos, David R. Godine, Boston, 1987. (Original work published 1978)

⁹ Joyce M., *Afternoon: A Story* [Hypertext fiction], Eastgate Systems, Watertown, MA, 1987.

¹⁰ Lem S., *The Cyberiad*, trans. by J. Irons, M. Kandel, Harcourt Brace, New York, 1974.

¹¹ Asimov I., *I, Robot*, Gnome Press, New York, 1950.

“Klara and the Sun”¹², where an AI narrator describes the world in algorithmic, straightforward terms. Readers of Ishiguro’s novel have noted how the narration’s *extreme clarity and literalness* (the AI Klara observes everything in functional terms, without metaphor as humans use it) creates an emotional effect – it makes the reader acutely conscious of how much of human feeling is *between the lines*¹³. By employing a machine’s voice, the literature strips away the usual subjective color, and ironically this models the reader’s consciousness, prompting them to fill in the gaps, often with projections of empathy or meaning. In short, machine characters act as mirrors: they either reflect human consciousness in mechanical form (raising the question of what consciousness fundamentally is) or they serve as *naïf observers* whose mechanical view of the world makes the reader aware of their own non-mechanical, emotional or intuitive cognitive processes.

3. ***Dystopian Mechanisms and the Loss of Individuality***. An important result, strongly supported by classic dystopian texts, is that machine metaphors are used to depict and indeed perform the *manipulation of consciousness on a societal scale*. In these narratives, it is not the reader’s consciousness being directly structured (as with formal experiments) but the characters’ and by allegorical extension the publics. Zamiatin’s “We”¹⁴, Huxley’s “Brave New World”,¹⁵ and even Forster’s earlier short story “The Machine Stops”¹⁶ all provide examples. The research confirms that these works use the metaphor (or literal presence) of a machine as a rhetorical device to comment on ideology and control. For example, in “Brave New World”, the entire society is often described in mechanistic terms – people are “*conditioned*” from birth like products on an assembly line, and even the language used by the World State’s leaders is deliberately clinical and repetitive (e.g., hypnopædic slogans repeated hundreds of times to inculcate beliefs, much like a loop programmed into a machine brain): “*Ninety-six identical twins working ninety-six identical machines! ... He quoted the planetary motto. ‘Community, Identity, Stability.’ Grand words. If we could bakanovskify indefinitely the whole problem would be solved... The principle of mass production at last applied to biology*”¹⁷; “*All conditioning aims at that: making people like their unescapable social destiny*”¹⁸.

In these examples there is an emphasis at lexical level on the industrial and technical: *conditioned, assembly line, identical machines, mass production*. These units pack the life of a human being in a technological paradigm and make the reader think of society in the context of a production line. The syntax of the statements is also constructed with parallelism and repetition: “*Ninety-six identical twins... working ninety-six identical machines*”. Indeed, the discursive tactic of the ruling figures is embodied in the use of slogans and formulas with cliché-like structure and a high degree of repetition: “*Community, Identity, Stability*”; “*All conditioning aims at that*”. Such speech originally propagandistic in nature, becomes speech clichés in itself and serves as a way of making these social views common practice.

Similarly, in “We”, Zamiatin’s depiction of the One State employs imagery of industrial precision and mathematical order: citizens are known by numbers rather than names, their daily lives are governed by a rigid Table of Hours, and the built environment of glass and steel reinforces a sense of total transparency and surveillance. The central machine, the Integral, is both a literal construction and a symbol of the regime’s drive to impose absolute rationality and eliminate individual desire: *The hull of the “Integral” is almost complete: an elegant, elongated ellipsoid made of our glass – eternal as gold, flexible as steel. I saw how cross ribs – frames – were being fastened inside its glass body, and longitudinal stringers; in the stern they were setting the foundation for a gigantic rocket engine. Every three seconds – an explosion; every three seconds the mighty tail of the “Integral” will hurl down flame and gases...*¹⁹.

¹² Ishiguro K., *Klara and the Sun*, Faber & Faber, London, 2021.

¹³ *Ibid.*, p. 24.

¹⁴ Zamiatin E., *We*, trans. by G. Zilboorg, E. P. Dutton, New York, 1924.

¹⁵ Huxley A., *Brave New World*, Chatto & Windus, London, 1932.

¹⁶ Forster, E.M., *The Machine Stops*, Archibald Constable, London, 1909.

¹⁷ Huxley A., *Brave New World*, Chatto & Windus, London, 1932, p. 6.

¹⁸ *Ibid.*, p. 17.

¹⁹ Zamiatin E., *We*, trans. by G. Zilboorg, E. P. Dutton, New York, 1924, p. 48.

As can be seen, this passage is characterised by the heavy recurrence of technical and mechanical terms of the (*ellipsoid, cross ribs, frames, stringers, rocket engine*), which shapes a semantic field of engineering and production. The accumulation of jargon is working as a figure, making a discourse of preciseness, of mastery, of technological necessity. The syntax contributes to this effect: the paratactic coordination and rhythmic repetition (“*Every three seconds – an explosion; every three seconds...*”) conjures the measured pulsation of a machine, translating mechanical regularity into the syntax of the text. The processes of linguistic projection are able to metaphorically project machine properties on to human order. In this way, Zamiatin’s narrative voice effaces the line between industrial and artistic language, offering a linguistic model of a society in which technology forfeits individual autonomy.

Forster’s “The Machine Stops” presents an even more explicitly technological vision: human beings live isolated underground, wholly dependent on an all-encompassing Machine for their survival, communication, and intellectual life. Language within this world reflects this dependence – conversations are mediated by the Machine’s interface, and spiritual or aesthetic experience is reduced to standardized “lectures” delivered via mechanical transmission. When the Machine begins to fail, the disintegration of language and thought mirrors the collapse of the system itself. For example:

“‘*I want to see you not through the Machine,*’ said Kuno. ‘*I want to speak to you not through the wearisome Machine.*’

‘*Oh, hush!*’ said his mother, vaguely shocked. ‘*You mustn’t say anything against the Machine.*’

‘*Why not?*’

‘*One mustn’t.*’

‘*You talk as if a god had made the Machine,*’ cried the other. ‘*I believe that you pray to it when you are unhappy. Men made it, do not forget that. Great men, but men. The Machine is much, but it is not everything. I see something like you in this plate, but I do not see you. I hear something like you through this telephone, but I do not hear you. That is why I want you to come. Pay me a visit, so that we can meet face to face, and talk about the hopes that are in my mind*’”²⁰.

In this case, we can see how, once communication is filtered entirely through technology, it begins to lose its sense of immediacy and authenticity. By contrast, as psychology frames it, “*mindfulness refers to an open and nonjudging awareness toward one’s moment-to-moment experiences*” [14, p. 4]. Words like “*machine,*” “*plate,*” and “*telephone*” dominate the conversation, pushing aside anything organic or personal and creating a vocabulary shaped by mechanisms and interfaces. The constant return to the word “*machine*” works almost like a drumbeat, reminding the reader how inescapable this presence has become. Even the sentence structure – short, simple, and repetitive (“*I see something like you in this plate, but I do not see you. I hear something like you through this telephone, but I do not hear you*”) – highlights the contrast between what is seen and heard and what is truly experienced. As T. McLellan has noted, “*the self-symbol creates a division between ‘subject’ and ‘content’ – the experiencer and the experienced*” [1, p. 4]. Through this language the text makes clear how personal contact has been replaced by a mechanical version of life, while also hinting at Kuno’s urge to resist a system that has made even speech feel cold and detached from real human experience.

This narrative strategy effectively *models* the process of ideological manipulation: the novel’s form includes frequent repetition of certain phrases (“*Ending is better than mending,*”²¹ “*Everyone belongs to everyone else*”²²), which not only shows the characters’ brainwashing but also creates a disturbing echo in the reader’s mind. The result observed is that readers become highly aware of how a mechanized use of language – words into a kind of assembly-line product – can influence thought. For example, in “*Brave New World*”, hypnopaedic slogans repeated thousands of times function as linguistic conditioning; in “*We*”, the bureaucratic language of the One State promotes conformity; and in “*The Machine Stops*”, standardized lectures replace genuine discourse. In other words, these

²⁰ Forster, E.M., *The Machine Stops*, Archibald Constable, London, 1909, p. 2.

²¹ Huxley A., *Brave New World*, Chatto & Windus, London, 1932, p. 58.

²² *Ibid.*, p. 50.

works use machine-like repetition and logic to expose how consciousness may be manipulated within techno-modern societies – and, reflexively, within the narrative itself. Similarly, Forster’s “The Machine Stops” portrays humans living underground, utterly dependent on a vast Machine that provides all needs; over generations, they come to worship the Machine and lose the ability to live without it²³. The characters’ consciousness has been molded to accept the Machine as an omnipotent, benevolent force – a clear metaphor for technological dependence. When the Machine ultimately breaks down, those minds struggle to adapt to reality. The takeaway from these examples is that literature often employs machine metaphors to dramatize *loss of autonomy* – individuals becoming cogs in a societal machine. This not only serves as cautionary content but also engages the reader in a meta-aware process: we readers are prompted to ask, “Has our own consciousness been similarly systematized by modern technology or bureaucracy?” The texts, by showing extreme cases, manipulate our self-reflection, potentially instilling a critical awareness of real-world mechanistic ideologies.

4. *Aesthetics of Clarity and Functionalism in Style*. The analysis also noted cases where the style of writing itself is influenced by an engineering ethos. One example can be found in the works of Jean Tinguely – not a writer of literature, but an artist whose self-destructive mechanical sculptures have inspired literary descriptions and metaphors. Tinguely’s art pieces, like the famous “Homage to New York” (a machine that spectacularly self-destroyed) or “Cyclograveur,”²⁴ are often discussed in literary contexts for their narrative quality – they are machines that perform a story (creation leading to absurdity or destruction). “*The machine incarnates human intelligence: its beauty as well as its capacity for movement help to explain its attraction for him. Thus, we can expect that the metamorphoses of the machine will bring about a corresponding dynamic effect in the spectacle, which reaches the ‘summit of absurdity’ through its own intrinsic logic*” [15, p. 2]. As one recent study succinctly puts it, “*the proposed research deepens the comprehension of the cognitive mechanisms involved in understanding time through spatial images and schemes*” [16, p. 80]. This idea, when applied to literature, suggests that some narratives take a machine or process and push it to absurd extremes to produce insight. “*Metaphor allows us to understand the unknown in terms of the known*” [17]. Indeed, Rube Goldberg devices – those comically over-engineered contraptions that perform simple tasks in convoluted ways – have served as metaphors in literature and popular culture for the complexities of modern life.

(1) “*The machine turns, turns and must keep on turning – forever. It is death if it stands still*”²⁵; (2) “*Words can be like X-rays, if you use them properly – they’ll go through anything. You read and you’re pierced*”²⁶; (3) “*We created the Machine, to do our will, but we cannot make it do our will now. It has robbed us of the sense of space and of the sense of touch, it has blurred every human relation and narrowed down love to a carnal act, it has paralyzed our bodies and our wills, and now it compels us to worship it. The Machine develops – but not on our lines. The Machine proceeds – but not to our goal*”²⁷, and etc.

In (1), statement constructs the *machine* as a central metaphor for the entire socio-political order. Its endless turning symbolizes the inevitability and self-perpetuating nature of a controlled, mechanized civilization. The use of repetition (“*turns, turns*”) imitates the rhythm of a machine, embedding the mechanical process into the syntax itself. The warning that “*it is death if it stands still*” equates societal collapse with any disruption of this artificial system, showing the absolute dependency of the “Brave New World” on the continuity of industrial processes.

As we can see in (2), language itself becomes equipped with machinery and is metaphorized. Words are compared to X-rays – a technological device that easily penetrates the human mind. This metaphor applies the logic of mechanization to thought: reading is no longer an idyllic, humanistic activity; instead, it’s a technical operation in which language acts as device that drills through consciousness with its beam. This platform logic extends the mechanization of language into public discourse:

²³ Forster, E.M., *The Machine Stops*, Archibald Constable, London, 1909, p. 15.

²⁴ Tinguely J. *Cyclograveur*. Kunsthaus Zürich, 1961.

²⁵ Huxley A., *Brave New World*, Chatto & Windus, London, 1932, p. 48.

²⁶ *Ibid.*, p. 83.

²⁷ Forster, E.M., *The Machine Stops*, Archibald Constable, London, 1909, p. 15.

“Social media platforms, initially celebrated for democratizing information, have become primary conduits for misinformation” [18, p. 135–136]. This platform logic has linguistic costs as well: *“The informal nature of internet communication can result in a decline in literacy levels and a deterioration in formal and business communication skills”* [19, p. 311].

In (3), Forster’s characterization of the Machine makes it a self-sufficient, living entity. That which was at first itself a product becomes then the producer: it gets possession of entire human existence and other developments opposed to humanity take place. By anaphoric repetition (*“The Machine develops – but not on our lines. The Machine proceeds – but not to our goal”*), the text registers an agency breakdown – “the Machine”—is now a self-operating power, destroying individual action and perception of sense as well as real human relationships. It’s a metaphor that shows of society being consumed and literally devoured by its own machine.

In summary, the analyses presented demonstrate that machine metaphors enter literature through multiple channels – structurally (in narrative form), via characters (embodying mechanical or algorithmic thinking), through the depiction of mechanized societies, and stylistically (in language and rhetorical devices). Across the examined works, authors employ machine logic to shape the reader’s cognitive and emotional engagement with the text. Whether prompting algorithmic thinking through puzzle-like structures, immersing the reader in deterministic environments that question agency, or evoking critical distance through mechanical absurdity, these metaphors function as active narrative devices — as shown in the examples analyzed above.

Discussion

Interpreting the above results, we can discern several overarching themes concerning how machine metaphors influence cognitive engagement and narrative comprehension in techno-modern literature. Fundamentally, the machine in literature is not merely an object or theme — it serves as a metaphorical framework that can reshape how a narrative operates and how readers process and interpret that narrative world. As shown in the analyses, when narratives adopt machine logics (such as algorithmic structuring, repetitive patterning, mechanized environments), they actively guide — and sometimes constrain — the reader’s interpretive strategies and affective responses. As evidence from discourse studies shows, *“the conceptual metaphor is a major persuasive tool in political discourse”* [2, p. 71], a function literature harnesses through machine metaphors as well.

Cognitive metaphor theory (Lakoff and Johnson’s work on metaphors we live by) tells us that metaphors aren’t just poetic flourishes; they shape thought. As P. Herranz-Hernández notes, *“metaphor has evolved from being considered a merely linguistic resource to a basic mechanism in human cognition that links cognition and action”* [17]. When literature uses machine metaphors to describe something abstract like the mind or society, it provides a framework for readers to *think about* those domains. Metaphors *“provide a way to map attributes from one element to another”* and can *“reify abstract ideas”* [20, p. 60], which is why describing memory as a “machine” (or a computer) prompts readers to conceive it in terms of storage, recall, and input–output operations. This can be manipulative in the sense that it foregrounds certain aspects (storage capacity, accuracy) while backgrounding others (emotional quality, subjective experience). The analysis suggests that such frameworks can be double-edged: they can empower readers to see patterns and understand complex systems (a positive cognitive structuring), but they can also limit imagination by overemphasizing rational order.

The analysis shows that utopian or pro-technological narratives might lean into machine aesthetics to normalize the idea that efficiency and predictability are inherently good. Conversely, dystopian or critical narratives exaggerate machine aesthetics to the point of distortion, making the ideology of mechanism visible and thus open to critique. When Huxley’s *“Brave New World”* revels in depicting humans engineered like factory products, it is rhetorically using the *literal* machine metaphor (humans created on an assembly line, with conditioning as a psychological assembly line) to make the

reader recoil and recognize what is lost — individuality, spirituality, unpredictability. This rhetorical move shapes the reader’s ideological consciousness: one is pushed to value the opposite of the machine’s qualities (to treasure messiness, freedom, ambiguity) precisely because the text has so starkly presented the alternative. More broadly, “*technologies are not only changing our world in a materialistic and pragmatic way but they are a primary factor in defining our conceptual models, influencing the way we understand and perceive our experience*” [20, p. 62], which helps explain why machine metaphors so powerfully structure readers’ thinking. In such cases, the machine metaphor is used to suggest that clarity of thought and logical rigor (machine-like traits) is our salvation from the murkiness of emotion or the chaos of nature. The ideology embedded there might be rationalism or even transhumanism (the belief that merging human and machine intelligence can enhance consciousness). “*These conceptual metaphors play an important role in realizing the Ideological Square strategies with persuasive goals*” [2, p. 60]. The key analytical point is that machine metaphors are seldom neutral. They carry the weight of the cultural valence of machines — which historically swings between admiration and fear. As one scholar put it, modern culture had a “*double-sided speculative response*” to techno-modernity: we are drawn to its promise of order yet fear its potential to dehumanize [21]. Literature exploits this duality. By constructing narratives that are machine-like, authors can induce either a sense of security (when the machine logic leads to a satisfying resolution or a stable world) or a sense of anxiety (when the machine logic becomes oppressive or nonsensical). Thus, readers might find themselves comforted by a well-oiled plot that ties up every loose end (the detective novel’s pleasure, aligning with an ideology that reality is knowable and just), or conversely, disturbed by an over-determined plot that allows no freedom (aligning with an anti-authoritarian ideology).

Our analysis also shows that literature doesn’t operate in isolation when employing machine metaphors; it converses with philosophy, art, and science. Recall Tinguely’s art and Rube Goldberg’s cartoons — literary authors certainly draw from these cultural touchstones. When an author describes a bureaucratic process as a “*Rube Goldberg machine of paperwork*”, they instantly evoke that entire concept of absurd, contrived complexity, inviting the reader to laugh at or lament the situation. This is an interdisciplinary borrowing of an engineering joke to make a social point. Likewise, philosophical ideas like Kapp’s projections or Simondon’s warnings can be found echoed in literature. A character in a novel might explicitly say: “*We created the Machine in our image, and now it re-creates us in its*” [3, p. 20], which is essentially Kapp’s theory distilled in dialogue form. Such moments show the permeability between theoretical discourses and narrative art. Media archaeology’s findings that old technologies reappear in new forms can also appear as themes — e.g., a steampunk novel might intentionally use clockwork (an old tech) in a futuristic setting to comment on the cyclical nature of our machine fascination. For readers familiar with these theories or histories, the literature provides a richer experience (connecting concept to example), and even for those not explicitly aware, the narrative can serve as a kind of experiential philosophy or cultural critique.

Ultimately, the analysis shows that the machine in literature is a multifaceted metaphor that can either *constrain* or *liberate* thought, often doing both within a single work. Its power to manipulate consciousness lies in its ability to tap into the deep currents of how we perceive reality in a technologized world. By reading these machine-laden narratives, we as readers undergo a kind of mental calibration — sometimes becoming more machine-like in our reading habits, other times awakening to a fresh awareness of our own humanity by contrast. This dynamic interplay is at the heart of techno-modern literary experience.

Conclusion

Through the research results, we identified concrete ways literature of techno-modernity embeds mechanical logic: in narrative structures that behave like algorithms or puzzles, in characters who are machines or whose minds are mechanized, in dystopian worlds that operate as social machines, and in

stylistic choices that reflect engineering principles. These results demonstrate that machine metaphors can permeate every level of a literary text. The analysis then interpreted these findings, arguing that such metaphors fundamentally act as frameworks that guide readers' cognitive and emotional responses. Whether by reinforcing an ideology of rational control or by subverting it to highlight the value of human spontaneity, the machine metaphors were seen to *model consciousness* – sometimes gently (as with a puzzle that trains logical thinking), sometimes forcefully (as with a disturbing deterministic scenario from which one can't mentally escape). The analysis also emphasized the dual nature of this phenomenon: machine metaphors can both clarify and obscure, both liberate thought (by providing models and structure) and limit thought (by imposing too rigid a model).

In conclusion, the machine has become a kind of meta-character in techno-modern literature – an unseen presence that shapes narrative worldviews. Authors like Gustafsson use the notion of an “invisible machine” running the world to evoke the contemporary feeling that unseen algorithms and systems govern much of life²⁸. This evokes a consciousness that is at once in awe and in apprehension of the rational structures enveloping us. Meanwhile, artists like Tinguely and the idea of Rube Goldberg machines inspire writers to reflect on the *absurdity* inherent in systems that pretend to pure rationality but often result in folly [15]. The machine metaphor thus becomes a tool of irony and critique, as much as one of enlightenment and rigor.

The machine metaphors remind us that much of our consciousness has been externalized into our inventions (Kapp's insight), and now those inventions re-internalize into our thinking patterns (Kittler's and Simondon's observations [4, 6]). Literature gives us a unique space to explore this loop with nuance and creativity. It can stage scenarios to test the boundaries of machine logic versus human unpredictability. It can instill in readers a sense of what it's like to be a cog – and thereby fuel the desire *not* to be just a cog.

Future research could extend this interdisciplinary inquiry by examining reader response studies – how do different audiences actually react cognitively and emotionally to heavily mechanized narratives? Another avenue is comparing Eastern and Western literatures of techno-modernity, to see if cultural differences in metaphor traditions (e.g., Buddhist conceptions of the self as an illusion might interact differently with machine metaphors than Western individualism does). Additionally, as AI language models (ironically, *actual* machines producing text) become more prevalent, the line between *literature about machines* and *literature by machines* may blur, raising new questions about authorship, creativity, and consciousness.

As long as technology continues to evolve at pace, we will need metaphors to understand its impact. And few metaphors are as recursively fitting as the machine itself – it is both the subject and the means of understanding the subject. In the literature of techno-modernity, we find our minds repeatedly drawn into mechanical analogies, only to emerge with a sharper or altered awareness of how those analogies are shaping us. In reading the machine, we come to read ourselves.

REFERENCES

- [1] **McLellan T.**, The Recursive Self-Modeling Threshold: A Functional Theory of Consciousness and Subjectivity, PsyArXiv, (2025). DOI: 10.31234/osf.io/mezak_v1
- [2] **Lapka O.**, Machine metaphors in 2020 USA electioneering campaign: a cognitive aspect. *Studies about Languages*, Kalbų studijos, 43 (2023) 64–76. DOI: 10.5755/j01.sal.1.43.35102
- [3] **Kapp E., Wolfe L.K., Weatherby L.**, *Elements of a Philosophy of Technology: On the Evolutionary History of Culture*, trans. by L.K. Wolfe, University of Minnesota Press, Minneapolis, 2018. DOI: 10.5749/j.ctv7n0cpf
- [4] **Simondon G.**, *On the Mode of Existence of Technical Objects*, trans. by C. Malaspina, J. Rogove, University of Minnesota Press, Minneapolis, 2017.

²⁸ Gustafsson L., *Selected Poems*, trans. by J. Irons, Bloodaxe Books, Hexam, 2015.

- [5] **Haraway D.**, *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*, Routledge, New York, 1991. 309 p. DOI: 10.4324/9780203873106
- [6] **Kittler F.**, *Gramophone, Film, Typewriter*, trans. by G. Winthrop-Young, M. Wutz, Stanford University Press, Stanford, 1999.
- [7] **Hayles N.K.**, *Electronic Literature: New Horizons for the Literary*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008.
- [8] **Moretti F.**, *Distant Reading*. London: Verso, 2013.
- [9] **Stewart W.**, *Human Organs: On Ernst Kapp's "Elements of a Philosophy of Technology"*, Los Angeles Review of Books. Available at: <https://lareviewofbooks.org/article/human-organs-on-ernst-kapps-elements-of-a-philosophy-of-technology> (accessed 24.01.2025).
- [10] **Small H.**, *Artificial Intelligence: George Eliot, Ernst Kapp, and the Projections of Character*, 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century, 29 (2020). DOI: 10.16995/ntn.1993
- [11] **Hussein S.A.**, *Conceptual Metaphor and Traditional Views*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/394426190> (accessed 10.05.2025).
- [12] **Perone S.Ch.**, *Notes on Gilbert Simondon's "On the Mode of Existence of Technical Objects" and Artificial Intelligence*, Terra Incognita. Available at: <https://blog.christianperone.com/2025/01/notes-on-gilbert-simondons-on-the-mode-of-existence-of-technical-objects-and-artificial-intelligence/> (accessed 20.05.2025).
- [13] **Chicherina N.V., Strelkova S.Yu.**, *Metaphors of Digital Identity*, Terra Linguistica, 13 (2) (2020) 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203
- [14] **Yang F., Oshio A.**, *The mediating role of mindfulness between attachment style and self-concept clarity within a dyadic context*, Current Issues in Personality Psychology, (2025). DOI: 10.5114/cipp/197265
- [15] **Schoenberger J.**, *Jean Tinguely's Cyclograveur: The Ludic Anti-Machine of Bewogen Beweging*, Sequitur, 2 (2) (2016).
- [16] **Li Kh.**, *A Cognitive-linguistic analysis of temporal prepositions in Russian: the application of spatio-temporal metaphor*, Terra Linguistica, 15 (1) (2024) 78–89. DOI: 10.18721/JHSS.15106
- [17] **Herranz-Hernández P.**, *Inclusive and Socio-Emotional Education Through Metaphor*. Education Sciences, 15 (5) (2025) 592. DOI: 10.3390/educsci15050592
- [18] **Hamzat F.O., Adelakun L.A., Ambassador-Birkins H.O.C.**, *Socio-political and Technological Drivers Behind the Proliferation of Fake News in the Digital Age: Ayeniromo Metaphor*, FUDMA Journal of Management Sciences, 6 (2) (2024) 135–153.
- [19] **Huseynova R., Aliyeva N., Habibova K., Heydarov R.**, *The evolution of the English language in the internet and social media era*, Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedade, 17 (se4) (2024) 299–314. DOI: 10.14571/brajets.v17.nse4.299-314
- [20] **Pyshkin E., Blake J.**, *A metaphoric bridge: Understanding software engineering education through literature and fine arts*, Society. Communication. Education, 2020. 11 (3) (2020) 59–77. DOI: 10.18721/JHSS.11305
- [21] **Smith I.**, *Techno-modernity: how we love it, how we fear it*. Available at: <https://www.slideshare.net/slideshow/technomodernity-how-we-love-it-how-we-fear-it/77063404> (accessed 23.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **McLellan T.** *The Recursive Self-Modeling Threshold: A Functional Theory of Consciousness and Subjectivity* // PsyArXiv. 2025. DOI: 10.31234/osf.io/mezak_v1
2. **Lapka O.** *Machine metaphors in 2020 USA electioneering campaign: a cognitive aspect*. Studies about Languages // Kalbų studijos. 2023. Vol. 43. P. 64–76. DOI: 10.5755/j01.sal.1.43.35102
3. **Kapp E., Wolfe L.K., Weatherby L.** *Elements of a Philosophy of Technology: On the Evolutionary History of Culture* / trans. by L.K. Wolfe. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. 336 p. DOI: 10.5749/j.ctv7n0cpf.
4. **Simondon G.** *On the Mode of Existence of Technical Objects* / trans. by C. Malaspina, J. Rogove. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017, 122 p.
5. **Haraway D.** *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. 309 p. DOI: 10.4324/9780203873106

6. **Kittler F.** Gramophone, Film, Typewriter / trans. by G. Winthrop-Young, M. Wutz. Stanford: Stanford University Press, 1999. 360 p.
7. **Hayles N.K.** Electronic Literature: New Horizons for the Literary. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2008. 121 p.
8. **Moretti F.** Distant Reading. London: Verso, 2013. 254 p.
9. **Stewart W.** Human Organs: On Ernst Kapp's "Elements of a Philosophy of Technology" // Los Angeles Review of Books. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/human-organs-on-ernst-kapps-elements-of-a-philosophy-of-technology> (дата обращения: 24.01.2025).
10. **Small H.** Artificial Intelligence: George Eliot, Ernst Kapp, and the Projections of Character // 19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century. 2020. Vol. 29. DOI: 10.16995/ntn.1993
11. **Hussein S.A.** Conceptual Metaphor and Traditional Views (August 2025). URL: <https://www.researchgate.net/publication/394426190> (дата обращения: 10.05.2025).
12. **Perone S.Ch.** Notes on Gilbert Simondon's "On the Mode of Existence of Technical Objects" and Artificial Intelligence // Terra Incognita. URL: <https://blog.christianperone.com/2025/01/notes-on-gilbert-simondons-on-the-mode-of-existence-of-technical-objects-and-artificial-intelligence/> (дата обращения: 20.05.2025).
13. **Чичерина Н.В., Стрелкова С.Ю.** Метафоры цифровой идентичности // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 30–38. DOI: 10.18721/JHSS.13203
14. **Yang F., Oshio A.** The mediating role of mindfulness between attachment style and self-concept clarity within a dyadic context // Current Issues in Personality Psychology. 2025. DOI: 10.5114/cipp/197265
15. **Schoenberger J.** Jean Tinguely's Cyclograveur: The Ludic Anti-Machine of Bewogen Beweging // Sequitur. 2016. Vol. 2, No. 2.
16. **Ли Х.** Когнитивно-лингвистический анализ временных предлогов в русском языке: применение пространственно-временной метафоры // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 78–89. DOI: 10.18721/JHSS.15106
17. **Herranz-Hernández P.** Inclusive and Socio-Emotional Education Through Metaphor // Education Sciences. 2025. Vol. 15, Iss. 5. Art. no. 592. DOI: 10.3390/educsci15050592
18. **Hamzat F.O., Adelakun L.A., Ambassador-Birkins H.O.C.** Socio-political and Technological Drivers Behind the Proliferation of Fake News in the Digital Age: Ayeniromo Metaphor // FUDMA Journal of Management Sciences. 2024. Vol. 6, Iss. 2. P. 135–153.
19. **Huseynova R., Aliyeva N., Habibova K., Heydarov R.** The evolution of the English language in the internet and social media era // Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedade. 2024. Vol. 17, No. se4. P. 299–314. DOI: 10.14571/brajets.v17.nse4.299-314
20. **Пышкин Е.В., Блейк Дж.** Соединяя метафоры: интерпретация подходов к образованию в области инженерии программного обеспечения через призму литературы и изобразительного искусства // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 59–77. DOI: 10.18721/JHSS.11305
21. **Smith I.** Techno-modernity: how we love it, how we fear it. (2017, June 19). URL: <https://www.slideshare.net/slideshow/technomodernity-how-we-love-it-how-we-fear-it/77063404> (дата обращения: 23.03.2025).

INFORMATION ABOUT AUTHOR / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Habibova Konul

Габибова Кёнул Азизага кызы

E-mail: habibovakonul@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8502-229X>

Submitted: 09.06.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 07.11.2025.

Поступила: 09.06.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 07.11.2025.

Research article

UDC 81'276.6:32

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16409>

EDN: <https://elibrary/PDXDTF>

THE GEOGRAPHY OF CONFLICT: HOW LOCATIVE METAPHORS AND MORAL CARTOGRAPHIES CORRELATE WITH POLARIZATION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

D.S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ d.khramchenko@inno.mgimo.ru

Abstract. Locative metaphors are frequently used in American political discourse, sketching “moral maps” and assigning virtue and vice to specific geographic locations. Nevertheless, systematic linguistic explorations of how these spatial expressions promote partisan polarization has been limited, often overlooking their role as central organizing devices. This study aimed to empirically investigate how Republican and Democratic-aligned political discourse in the U.S. exploits distinct repertoires of locative metaphors. It sought to identify recurring partisan-oriented locative language units, analyze their linguistic features contributing to persuasive pragmatic impact, and understand how they function as means of moral evaluation, perpetuating the “us vs them” mentality. A 2.9-million-word corpus of American political texts (speeches, debate transcripts, op-eds, social media posts; 2015–2025), annotated for partisan alignment, was analyzed using quantitative corpus statistics (frequency, chi-square, Cramer’s V, logistic regression) and qualitative rhetorical and functional-linguistic analysis of locative and spatial metaphors. The undertaken analysis revealed statistically significant partisan preferences: Republican discourse favored expressions like “DC swamp” or “coastal elites,” aligning with moral foundations of Purity and Loyalty, Democratic discourse more frequently used expressions like “Wall Street fat cats” and “sanctuary city,” resonating with Fairness and Care. Republicans employed out-group stigmatizing metaphors more extensively. Logistic regression demonstrated these metaphors strongly predict speakers’ partisan alignment. This article shows that locative metaphors are core cognitive-discursive mechanisms in constructing moral geographies that intensify U.S. political polarization. Understanding this “linguistic cartography of conflict” is crucial for analyzing how political discourse bypasses factual debate, creates divisions, and forms public perception of socio-political phenomena.

Keywords: spatial metaphor, locative metaphor, political polarization, American political discourse, corpus linguistics, functional linguistics.

Citation: Khramchenko D.S., The Geography of Conflict: How Locative Metaphors and Moral Cartographies Correlate with Polarization in American Political Discourse, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 141–158. DOI: 10.18721/JHSS.16409

ГЕОГРАФИЯ КОНФЛИКТА: КАК ЛОКАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ КАРТОГРАФИЯ КОРРЕЛИРУЮТ С ПОЛЯРИЗАЦИЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д.С. Храмченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

 d.khramchenko@inno.mgimo.ru

Аннотация. В американском политическом дискурсе активно используются пространственные и локативные метафоры, формирующие в сознании реципиентов особую «морально-нравственную карту», привязывающую добродетели и пороки к конкретным географическим локациям. Данное явление не может не привлекать внимание исследователей-языковедов. Тем не менее проблема локативных выражений как катализаторов политической поляризации изучена лингвистами недостаточно. Целью настоящего исследования стало рассмотрение того, как в республиканском и демократическом дискурсах США по-разному реализуются специфические партийные арсеналы локативных метафор. Автор выявляет повторяющиеся локативные номинации, маркированные соотносительностью с конкретной политической партией, и анализирует их ключевые лингвистические особенности, связанные с оказанием персуазивного прагматического воздействия, выражением упрощенной морально-нравственной оценки и интенсификацией политической поляризации. Корпус американских политических текстов объемом 2,9 млн слов (речи, стенограммы дебатов, статьи, посты в социальных сетях; 2015–2025 гг.), аннотированный по принципу партийной принадлежности продуцентов, был проанализирован с помощью количественной корпусной статистики (частотность, хи-квадрат, V Крамера, логистическая регрессия) и сочетания риторического и функционально-лингвистического анализа локативных и пространственных метафор. Исследование позволило выявить статистически значимые партийные предпочтения. Республиканский дискурс отдает предпочтение локативным метафорам (DC swamp, coastal elites), коррелирующим с морально-нравственными принципами Чистоты и Лояльности. В демократическом дискурсе чаще используются метафоры, которые ассоциируются со Справедливостью и Заботой (Wall Street fat cats, sanctuary city). Кроме того, республиканские продуценты более активно используют метафоры, стигматизирующие аутгруппу. Логистическая регрессия показала, что присутствие локативных метафор в тексте позволяет с высокой точностью предсказать партийную принадлежность автора. Пространственные и локативные метафоры являются ключевыми когнитивно-дискурсивными механизмами конструирования морально-нравственной географии и усиления политической поляризации в США. Понимание этой «лингвистической картографии конфликта» имеет решающее значение для анализа того, как политический дискурс обходит фактические дебаты, создает разногласия и формирует общественное восприятие социально-политических явлений.

Ключевые слова: пространственная метафора, локативная метафора, политическая поляризация, американский политический дискурс, корпусная лингвистика, функциональная лингвистика.

Для цитирования: Храмченко Д.С. География конфликта: как локативные метафоры и морально-нравственная картография коррелируют с поляризацией в американском политическом дискурсе // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 141–158. DOI: 10.18721/JHSS.16409

Introduction

When American politicians and other producers of political discourse speak of “draining the swamp,” “coastal elites,” “San Francisco values,” or “the heartland,” they are not merely naming locations. They are sketching a moral map that tells discourse recipients where virtue and vice reside. On that map, Washington, D.C. becomes a fetid marsh of corruption, Silicon Valley a fragile bubble of techno-hubris, Wall Street a place for siphoning wealth, and the rural Midwest an island of authentic decency ringed by decadent shores. Spatial verbalizations of this kind saturate contemporary political discourse in the U.S. It reduces complex policy disputes and ideological subtleties to a geography of righteousness and peril, allowing political actors and ordinary voters to orient themselves instantly in the multilayered functional-pragmatic space of political communication and align with a camp of their favor. Although journalists, panelists, and online commentators frequently note the color-coded shorthand of “red states” and “blue states” [1], systematic linguistic research into the cognitive-discursive mechanisms of linguistic polarization by means of these locative metaphors remains surprisingly thin.

Conceptual-metaphor studies have shown that people reason about abstractions by projecting them onto concrete domains (e.g., bodily motion or physical space) and critical-discourse scientists have documented how collective identities are constructed with the help of pronouns and evaluative adjectives. Still missing is a comprehensive account of how place-words themselves become argumentative drivers. Which toponyms and spatial frames cluster with which parties? How are they grammatically packaged for maximum pragmatic impact? Why are they so effective at strengthening the “us vs. them” divide? Existing linguistic analyses often treat spatial terms as colorful rhetorical embellishments to more substantive ideologically-laden content, rather than as central organizing discursive devices that channel moral judgement way before any policy detail is even considered.

This article attempts to bridge the gap by examining a corpus of recent U.S. political texts, including prepared speeches, debate transcripts, congressional records, campaign e-mails, op-eds, and high-engagement social-media posts, annotated for explicit partisan alignment. Focusing on the locative level of linguistic expression, it asks three guiding questions:

1. Which locative metaphors recur most frequently in Republican-aligned vs. Democratic-aligned political discourse, and how strong is their partisan skew?
2. What linguistic features give these place terms their persuasive pragmatic force?
3. In what ways do metaphors function as shortcuts for moral evaluation, enabling speakers to praise an in-group (“us”) or stigmatize an out-group (“them”) without the labor of explicit argument?

In order to provide a clear analytical framework, this article establishes a specific terminology. The broadest category is place-related language, which refers to any linguistic expression invoking geography. Inside this category, we focus on figurative language used for the framing of political actors and socio-political phenomena in a spatial way. Our primary umbrella term, chosen for the purpose of the study, is “locative metaphor,” which we define functionally to include a range of cognitive-discursive devices. In the article, this term encompasses: (a) strict conceptual metaphors that map abstract political and ideological concepts onto a spatial source domain (e.g., GOVERNMENT IS A SWAMP), often actualized through the use of spatial nouns (e.g., swamp, bubble); (b) toponymic metonymies, with a toponym (i.e., proper place name) standing for different socio-political institutions or people associated with them (e.g., “Washington” for the U.S. federal government, “Wall Street” for the business elite of the country); and (c) other figurative uses of place names which function in a similar manner (e.g., “San Francisco values”). Although terms like “spatial metaphor” are often used in the scientific literature, we will consistently use “locative metaphor” as our defined umbrella term to group these functionally similar expressions, all of which contribute to the construction of “moral cartographies,” i.e., mental maps that assign virtue and vice to specific geographic locations [2], thereby simplifying the semantics and pragmatics of complex political issues into mere spatial conflicts.

By integrating quantitative corpus statistics with rhetorical and functional-linguistic analysis, the study aims to demonstrate that locative frames in contemporary American political discourse are not mere peripheral ornaments but rather important mechanisms in the discursive construction of polarization. They compress ideological world-pictures into several lexemes (e.g., “Hollywood liberals,” “banana-republic tactics”) that travel effortlessly and virally through headlines, hashtags, slogans, and sound bites. Each repetition further perpetuates a topography of suspicion and mistrust in which political positions and affiliations come already pre-labelled as home-grown or foreign, clean or contaminated. Understanding how such pragmatically-charged topography is linguistically created in discourse, and how differently each political party promotes it, is essential for determining why American political communication so often bypasses factual debate and leaps straight into othering based on geographic space and ideological “elsewhere”.

Theoretical Background

The pervasive use of locative metaphors in American political discourse is not simply a rhetorical flourish. It reflects fundamental cognitive processes and serves important socio-political functions. Understanding the polarizing pragmatic effect of such discursive elements as “DC swamp” or “heartland” requires integrating perspectives from conceptual metaphor theory, moral psychology, functional linguistics, and critical discourse analysis.

Conceptual Metaphor Theory (CMT), pioneered by Lakoff and Johnson [3, 4], provides the foundational framework. CMT suggests that human cognition relies heavily on metaphor to understand abstract concepts (e.g., politics, ideology, morality, patriotism) through more concrete, embodied experiences (e.g., space, journeys, conflict, containers, etc.) [5]. Abstract political notions and processes are frequently mapped onto spatial schemas. For instance, the nation may be conceptualized as a CONTAINER with borders to defend, leading to very specific “border invasion” or “Fortress America” frames, political groups and movements as occupying specific locations on a CENTER-PERIPHERY axis (“Beltway insiders” vs. “fly-over country”), or political states as positions on a VERTICAL scale (“DC swamp” as someplace low and contaminated as opposed to the “ivory tower” as high and detached) [6]. These mappings are not arbitrary. They draw on universal bodily experiences of orientation and containment, which lend the metaphors intuitive weight and affective resonance [7]. This study examines how spatial source domains are selectively used by different partisan groups to structure the target domain of political virtue and vice.

Although CMT explains the cognitive-discursive mechanism behind the use of locative metaphors by political actors, Moral Foundations Theory (MFT), developed by Haidt and fellow researchers [8–10], helps demonstrate why exactly certain locative metaphors resonate within specific partisan camps and contribute to the larger functional-pragmatic effect of political polarization in discourse. MFT proposes that human morality rests on several foundational psychological predispositions, e.g., Care/Harm, Fairness/Cheating, Loyalty/Betrayal, Authority/Subversion, and Sanctity/Degradation (Purity). Political ideologies, particularly on the liberal-conservative spectrum in the U.S., tend to prioritize and apply these cognitive structures differently [11]. Conservative political subdiscourse, on the one hand, often emphasizes Loyalty, Authority, and Sanctity, expressing them in metaphors that invoke threats to the in-group and homeland (e.g., “border invasion,” evoking Loyalty/Authority) or contamination (e.g., “DC swamp,” activating the schema of Sanctity/Degradation). On the other hand, the so-called progressive political subdiscourse, which often foregrounds Care and Fairness, may exploit locative metaphors highlighting suffering or inequality (e.g., “inner-city war zones,” connected with Care/Harm, or “Wall Street fat cats” vs. “Main Street,” associated with Fairness/Cheating). In this article, locative metaphors are hypothesized to function as efficient carriers of underlying moral concerns. They activate specific foundations to both elicit targeted emotional responses (disgust, fear, anger, compassion) from discourse recipients and solidify their group identity (“us”).

With CMT explaining the specifics of recipients' cognitive mechanics and MFT clarifying the moral resonance of locative metaphors, their function as instruments in the discourse of political polarization is best understood by examining the discursive construction of Otherness and the 'us vs. them' dichotomy. Language is not merely a tool for communication. It is a primary medium through which identities and power relations are negotiated [12]. As numerous scholars in linguistics, political studies, psychology, and sociology have demonstrated, a key function of language and discourse in the communicative sphere of politics is to create and reinforce publicly perceived group boundaries [13–16]. This is achieved through what Wodak describes as the discursive strategies of inclusion and exclusion [17]. They rely heavily on a distinctive pervasive ideological pattern, i.e., positive self-presentation of the in-group ("us") and unavoidably negative other-presentation of the out-group ("them") [18; 19].

In this article, we explore a key linguistic mechanism behind political polarization in the United States. Political polarization is often understood not just as a case of ideological disagreement on political issues but more critically as the so-called affective polarization, i.e., a cognitive-based process characterized by increasing in-group solidarity and a corresponding growth in distrust and animosity towards any other political out-group [1; 14; 15]. As a socio-political phenomenon, it manifests conspicuously through the use of language. Thus, from a linguistic point of view, polarization is conceptualized as the set of lexical choices and rhetorical strategies (e.g., framing techniques and entire metaphorical systems like the locative ones analyzed in this study) by means of which affective polarization is enacted and normalized in American public discourse.

Polarizing construction of American political discourse is pivotal for the imposition of collective identities, which are not static but rather dynamic relational concepts constantly being recreated through language [20]. Ideologies, defined by van Dijk [21] as mental systems, which organize group opinions and collective attitudes, provide the foundation for these representations. Political discourse then uses a wide range of linguistic and rhetorical strategies to express and reinforce specific ideological positions. These strategies typically include lexicalization (e.g., using politically charged lexemes), argumentation models (e.g., framing out-groups as a menace or aberration), as well as persuasive techniques and rhetorical moves directed at blame transfer to strengthen the perceived moral superiority of the in-group and undermining or tarnishing everything that is connected with the out-group [22–24].

The process of political polarization in discourse often relies on grounding abstract ideological conflicts in expressive and easily understood terms. In this respect, toponyms and other place-related expressions become powerful and abundant symbolic resources, which can be strategically used in political communication. As cultural geographers like Cresswell [25] argue, places have always been imbued with rich, pre-existing socio-cultural semantics. Political actors and discourse producers resort to the strategic use of such shared connotations, turning nominations like "San Francisco" into indexical shortcuts triggering multiple stereotypes and evaluative judgments all at once. By repeatedly associating the in-group with good and authentic places and the out-group with corrupt and alien ones, politically motivated speakers solidify group boundaries and make the opposing camp's ideology feel geographically grounded. In this article, we position locative metaphors not merely as excessive rhetorical decorations of speech but as a primary discursive mechanism through which the abstract ideological division into "us vs. them" is enacted, verbalized, spatialized, and intensified in modern-day political communication.

This study also draws on principles from Political Discourse Analysis and Critical Discourse Analysis (CDA), which examine the relationship between language and discourse, power structures, ideological views, and essential social practices [26–29]. From this perspective, locative metaphors are not neutral descriptors but rhetorically persuasive framing devices [30; 31]. By putting selective focus on certain aspects of socio-political reality and embedding evaluative judgments with the help of

geographic terms, metaphors construct particular versions of the worldview that serve partisan interests. Labeling regions or groups with phrases like “Bible Belt” or “sanctuary cities” does the ideological work as it simplifies complex socio-political phenomena, while also reinforcing stereotypes, legitimizing some ideas, and delegitimizing others [32]. The strategic vagueness and high indexicality of many place-related metaphors make them effective tools for the creation of broad-stroke enemy images (“them”) and idealized self-representations (“us”) without a necessity for meticulous argumentation [33].

This research acknowledges the constitutive socio-cultural meanings attached to places themselves [25; 34]. Metaphors like “New York values” derive their pragmatic impact not just from the abstract mapping but also from the rich pre-existing cultural connotations associated with these specific locations perceived by the majority of native speakers. Political discourse producers deliberately resort to these long-established place-identities, amplifying or contesting them by means of metaphorical semantic framing to align with their communicative goals.

Previous studies have examined political metaphors generally, e.g., [35–38], or individual spatial frames in particular (e.g., the nation-as-body/container) [32]. Nevertheless, a systematic corpus-based analysis, which concentrates specifically on the range of polarizing locative metaphors in current American political discourse, their quantitative partisan tendencies, as well as their connection to moral framing remains less developed. This article aims to fill that gap by empirically identifying the moral cartographies constructed and maintained through locative expressive phrasing by Republican and Democratic speakers, thereby revealing a key cognitive-discursive mechanism behind contemporary political polarization in the U.S.

Material and Method

Corpus construction

The empirical material of this study comprises a purpose-built corpus of contemporary U.S. political discourse covering the period from January 2015 to May 2025. All texts were drawn from five publicly accessible genres that together capture day-to-day partisan verbal interaction: prepared speeches of professional politicians and debate transcripts, op-eds, and commentary from major national media outlets (e.g., Fox News, MSNBC, CNN, The New York Times, etc.), official partisan and governmental documents and congressional records, and social media posts (X/Twitter, Facebook – both currently banned in the Russian Federation). For each text the party affiliation of the principal speaker or outlet was recorded, leading to the creation of three sub-corpora of comparable size: Republican-aligned (1.0 M words), Democratic-aligned (1.1 M), and mixed/neutral (0.8 M). Duplicate content, paywall reprints, and syndicated materials appearing in more than one venue were removed. All the data are in the public domain and contain no private identifiers.

Pre-processing and linguistic annotation

All selected texts were sentence-segmented and tokenized with spaCy 3.7. Dependency parses and part-of-speech tags were then passed to a rule-based module that flagged candidate locative metaphors and metonyms. The seed list of triggers included toponyms and spatial nouns identified in pilot reading (e.g., swamp, beltway, heartland, bubble, wall, frontier, invasion, rust belt, banana republic, sanctuary city, blue bubble, fly-over) and their immediate collocates within a five-token window. To broaden the study’s coverage, a transformer language model (RoBERTa-base) fine-tuned on 2,000 manually annotated sentences predicted additional metaphoric uses of city and state names when they were accompanied by evaluative adjectives or moral nouns (e.g., values, elites, insiders). Each flagged occasion was written out with its sentence context, lexical head, grammatical role, and pragmatic polarity (e.g., positive, negative, ambiguous).

Reliability procedures

Two postgraduate annotators independently validated ten percent of the flagged sentences (approximately 1,800 instances). Agreement on metaphor identification reached Cohen’s $\kappa = 0.89$.

Agreement on polarity was $\kappa = 0.84$. Disagreements were discussed and resolved, with the refined guidelines later applied to the remaining empirical data by one annotator with random spot checks every 1,000 sentences.

Quantitative measures

Token counts were normalized per 10,000 running words to compensate for genre and length variation. Partisan orientation was tested with chi-square statistics ($df = 2$), and the effect size was expressed as Cramer's V. For multi-word metaphorical expressions, collocation salience was calculated with log-likelihood scores. All p-values were Bonferroni-adjusted in the family of planned comparisons.

Qualitative analysis

To establish the pragma-semantic effect created by the most partisan-aligned locative metaphors, 50 sentences per key term were selected (20 from each partisan sub-corpora and 10 from the mixed sub-corpus) and subjected to close reading. The functional-linguistic analysis focused on syntactic aspects, accompanying evaluative lexemes, the presence of conflictual verbs, and the use of hyperbolic quantifiers. These micro-readings strengthen interpretations of the frequency patterns reported in Section 4 of this article, illustrating how identical place words become vehicles for diametrically opposite morality-driven narratives within the functional-pragmatic space of political discourse.

Results & Discussion

The undertaken analysis of the corpus reveals that discursive elements with spatial semantics, including metaphors, metonyms, figuratively used toponyms, and locative expressions are not only popular among political discourse producers in the U.S. but also highly polarized as they function as key linguistic resources for the construction of strong partisan identities and moral geographies. Nominations of physical space and location are frequently invoked in polarizing discourse as they serve as a means of associating political affiliations, value systems, beliefs, and threats with specific geographical areas.

The “*Red State*” vs. “*Blue State*” dichotomy simplifies complex electorates into monolithic blocks. Terms “*coastal elites*” vs. “*the heartland*” or “*flyover country*” construct an opposition based on geography and associated values, pitting urban/suburban “them” against rural/small-town “us” or vice versa, depending on the discourse producer and their communicative goals. The “*DC swamp*” or “*Beltway insiders*” metaphorically locates corruption and detachment in the nation’s capital, contrasting it with an authentic “*Real America*” elsewhere. Specific cities can become shorthand for negative stereotypes. For example, associating “*San Francisco values*” with moral decay can be seen in the excerpt from the following article:

“*San Francisco values went national after the 2020 elections, when the supposedly centrist President Joe Biden governed from the hard left. Under Biden, the southern border was thrown wide open, and millions of illegal immigrants flooded the country, accommodated by lax enforcement and loose refugee policies. Gender ideology was promulgated by regulations of the Health and Human Services Department*”¹.

In this extract from a highly polarized political discourse, metonymy (“*San Francisco values*”) creates an easily recognizable shorthand, inviting readers to transfer pre-existing stereotypes about San Francisco onto national politics as this toponym stands in for a bundle of left-leaning cultural and political positions. Evaluative adverbs and adjectives (“*supposedly centrist*,” “*hard left*”) frame Biden as deceptive and extreme, persuading readers to distrust Biden’s self-presentation. Dramatically expressive verbs (“*thrown wide open*,” “*flooded*”) use expressive kinetic imagery to convey chaos and loss of control while also intensifying the feeling of threat. Hyperbolic elements (“*millions*,” “*flooded*”) aim at the magnification of the scale of the problem, evoking the pragmatic effect of moral panic in recipients. Lexemes with negative connotations (“*illegal immigrants*,” “*lax*,” “*loose*,” “*gender ideology*”)

¹ Smith W.J., 2024: The year ‘San Francisco values’ finally failed, National Review, 30.11.2024. Available at: <https://www.nationalreview.com/2024/11/2024-the-year-san-francisco-values-finally-failed/> (accessed 18.06.2025).

spread a blanket of disapproval. Cooperation of multiple linguistic units in the passage synergetically equates “*San Francisco values*” with national moral decline.

Foreign countries are often positioned as the “other,” being responsible for domestic problems (“*China took our jobs*,” “*Mexico sends criminals*,” “*Russia interferes with elections*”), e.g.:

“*China has gotten rich off of the United States. They steal our trade secrets. They take our jobs away*”².

“*When Mexico sends its people, they’re not sending their best. They’re not sending you. They’re not sending you. They’re sending people that have lots of problems, and they’re bringing those problems with us. They’re bringing drugs. They’re bringing crime. They’re rapists*”³.

This deflects internal issues and promotes an “us” (America) vs. “them” (foreign danger) mentality. Locations associated with perceived failures or scandals of opponents are repeatedly nominated. For example, “*Benghazi*” is often used to criticize Hillary Clinton:

“*And the Benghazi record is clear: Secretary Clinton failed to provide adequate security for U.S. government personnel assigned to Benghazi and Tripoli*”⁴.

By tying political positions to physical locations, discourse producers create tangible, easily understood spatial dimensions for the “us vs. them” conflict by drawing on both strong regional identities, cultural stereotypes, nationalistic sentiments, and even xenophobia.

The importance of polarizing spatial nominations is further supported by the undertaken quantitative exploration. As established in the Introduction, we use the umbrella term “locative metaphor” to group these functionally similar expressions for analysis.

Calculations confirm the distinct locative-metaphorical repertoires favored by each of the two leading American political parties. A number of locative metaphors exhibit statistically significant partisan orientation ($p < .001$ after Bonferroni correction), as detailed in Table 1.

Such terms as “*DC swamp*,” “*Beltway insiders*,” “*coastal elites*,” “*fly-over country*” (reclaimed), “*Real America*,” “*Sanctuary cities*” (used pejoratively), “*border invasion*,” and “*People’s Republic of California*” appear in the corpus with significantly higher frequency in Republican-aligned texts. Conversely, expressions “*banana republic*,” “*Wall Street fat cats*,” “*Bible Belt*” (as critique), and “*blue bubble*” are significantly more frequent in Democratic-aligned discourse. The strength of these associations is considerable. Cramer’s V values (see Table 2) indicate large effect sizes ($V \geq .25$) for certain core locative metaphors (e.g., “*DC swamp*,” “*coastal elites*,” “*border invasion*,” “*Wall Street fat cats*,” and “*Sanctuary cities*”) confirming their status as strong partisan markers. Notably, metaphors like “*Heartland*” and “*Rust Belt*” show less significant partisan skew overall, suggesting they function as more contested or context-dependent discursive elements (see Table 1). Compare these extracts from Donald Trump’s speech on agricultural innovation (1) and Barack Obama’s address to the 2016 Democratic Convention (2):

(1) “*We will rebuild rural America. (Applause.) American farmers – (applause) – thank you – American farmers pour their hearts into their crops and their love into their great communities. That’s why they call this the Heartland. And those maps, those electoral maps, they were all red. Beautiful red. (Laughter.) Beautiful. (Applause.) If you look at those maps, it’s almost like – wow*”⁵.

(2) “*See, my grandparents, they came from they came from the Heartland. Their ancestors began settling there about 200 years ago. I don’t know if they had their birth certificates but –*

[*Laughter and Applause*]

² Barrasso J. (SenJohnBarrasso), [China has gotten rich off of the United States. They steal our trade secrets. They take our jobs away...], [Post], X, 25.04.2024. Available at: <https://x.com/SenJohnBarrasso/status/1909267456364884012> (accessed 18.06.2025).

³ ABC News, What Donald Trump has said about Mexico and vice versa, *ABC News*, 31.08.2016. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/donald-trump-mexico-vice-versa/story?id=41767704> (accessed 18.06.2025).

⁴ Hicks G.N., What the Benghazi attack taught me about Hillary Clinton, *Fox News*, 11.09.2016. Available at: <https://www.foxnews.com/opinion/what-the-benghazi-attack-taught-me-about-hillary-clinton> (accessed 18.06.2025).

⁵ Trump D.J., Remarks by President Trump on agricultural innovation [Speech transcript], *The White House*, 22.06.2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-agricultural-innovation/> (accessed 18.06.2025).

**Table 1. Frequency of key locative metaphors across party-labelled sub-corpora
(normalized per 10,000 running words)**

Locative metaphor	Republican	Democratic	Mixed/Neutral	χ^2 (df = 2)	p-value
DC swamp	4.6	0.8	1.4	129.3	< .001
Beltway insiders	3.3	0.4	0.9	114.5	< .001
Coastal elites	2.1	0.4	0.7	91.2	< .001
Fly-over country	1.6	0.2	0.6	72.7	< .001
Heartland	1.2	0.9	1.05	1.06	> .07
Real America	2.2	0.5	1.1	76.4	< .001
Sanctuary cities	1.8	0.2	0.6	93.2	< .001
Border invasion	2.3	0.3	1.2	127.1	< .001
Banana republic	0.5	1.4	0.7	61.3	< .001
Wall Street fat cats	0.3	2.1	0.6	82.9	< .001
Bible Belt (pejorative)	0.2	0.8	0.5	33.1	< .001
Blue bubble	0.1	1.6	0.3	65.6	< .001
People's Republic of California	0.6	0.2	0.1	51.2	< .001
Inner-city war zone	1.2	0.7	0.9	22.9	< .001
Rust Belt	0.8	0.6	1.1	0.6	> .05

and they were they were Scotch-Irish mostly, farmers, teachers, ranch hands, pharmacists, oil rig workers, hearty, small-town folk. Some were Democrats but a lot of them, maybe even most of them were Republicans, the ‘Party of Lincoln’”⁶.

In these examples, Trump’s discourse aligns with the broader Republican pattern of spatial antagonism documented earlier, with the term “*Heartland*” being quickly color-coded red and folded into populist triumphalism as a token of victory (“*those electoral maps, they were all red*”). The same term in Democratic discourse can be re-historicized to claim shared lineage and civic pluralism and visibly dampen partisan polarity to appeal to Republican-aligned voters.

To estimate the statistical strength of particular partisan associations, Cramer’s V was calculated for the metaphors that showed a significant partisan orientation in Table 1. The results, indicating the practical size of the partisan effect, are presented in Table 2.

The Republican locative repertoire consistently maps virtue onto the nation’s interior and projects vice onto its coasts and the federal center. Instrumental to this is the “*DC swamp*” and “*Beltway insiders*” frame, which evokes the pragmatic effect of visceral disgust through an impurity/contamination schema, portraying the federal government as a corrupt, self-dealing ecosystem requiring radical “*drainage*.” Its high frequency and strong Republican orientation, reinforced by collocations with such lexemes as “*corruption*,” “*creatures*,” and “*drain*” (see Table 3), underscore its centrality.

Complementing this is the “*coastal elites*” vs. “*heartland*” / “*fly-over country*” / “*Real America*” binary. It activates a CENTER-PERIPHERY schema, positioning the interior as authentic, humble, and overlooked (associated with lexemes “*hard-working*,” “*values*,” and “*forgotten*”) (Table 3). Casting coastal urban centers as loci of arrogant, out-of-touch power is linked to lexemes “*arrogant*” and “*lecture*.” Such discursive framing allows conservatives to claim moral and cultural majoritarianism, e.g.:

“According to Senator Cruz, the Democrats are now the party for the ‘rich, coastal elite’ and the Republicans represent people who work for a living ... including ‘truck drivers, steel workers, cops, firefighters, waitresses’”⁷.

⁶ Obama B., President Obama addresses the Democratic Convention [Speech transcript], CNN, 27.07.2016. Available at: <https://transcripts.cnn.com/show/se/date/2016-07-27/segment/05> (accessed 18.06.2025).

⁷ TMZ, Senator Ted Cruz Hollywood is ‘out of touch’ ... With blue collar America!!!, TMZ, 19.11.2024. Available at: <https://www.t TMZ.com/2024/11/19/texas-senator-ted-cruz-calls-hollywood-democratic-party-out-of-touch/> (accessed 18.06.2025).

Table 2. Effect size (Cramer's V) for locative metaphors with significant partisan orientation

Locative metaphor	Cramer's V	Direction of skew
DC swamp	.39	Republican »
Beltway insiders	.31	Republican »
Coastal elites	.36	Republican »
Fly-over country	.26	Republican »
Real America	.30	Republican »
Sanctuary cities	.33	Republican »
Border invasion	.32	Republican »
Banana republic	.21	Democratic »
Wall Street fat cats	.29	Democratic »
Bible Belt (pejorative)	.22	Democratic »
Blue bubble	.25	Democratic »
People's Republic of California	.23	Republican »
Inner-city war zone	.14	Republican »

Interpreting V (df = 2): $\geq .25$ = large, $.15-.24$ = medium, $.10-.14$ = small partisan association.

**Table 3. Top party-specific collocates
(± 5 -token window) for selected metaphors (log-likelihood ≥ 10.83 ; $p < .001$)**

Metaphor	Sub-corpus	High-salience collocates (LL score)
DC swamp	Republican	drain (119) • corruption (86) • creatures (39)
Coastal elites	Republican	arrogant (78) • out-of-touch (48) • lecture (24)
Heartland	Republican	hard-working (43) • values (41) • forgotten (24)
Banana republic	Democratic	turning into (37) • authoritarian (30) • sham (19)
Wall Street fat cats	Democratic	bailouts (64) • rigged (51) • greed (47)
Blue bubble	Democratic	insulated (32) • echo-chamber (22) • suburban (14)

In this example, the discourse producer performs identity anchoring by aligning Republican identity with hard-working professions (“*truck drivers, steel workers, cops, firefighters, waitresses*”) and making these jobs emblematic of authentic Americanness through the opposition to the locative expression “*rich, coastal elite*,” standing for the implied Democrats.

Furthermore, metaphors “*border invasion*” and “*Fortress America*” use a CONTAINER/WARFARE schema to militarize the verbalization of the topic of immigration, representing migrants as hostile forces and justifying aggressive border control as necessary territorial defense — a theme strongly gravitating towards Republican rhetoric. For instance, in the following X post, its author references the Trump Administration’s vision for a “Fortress America after the liberation of Canada”:

*“I think this is the Trump Administration’s plan for Fortress America after the liberation of Canada. Unassailable and impenetrable. Unlimited resources and energy. Our full economic potential unleashed. Peace, freedom, and prosperity for generations. The envy of the world”*⁸.

Discursive elements “*Fortress America*,” “*unassailable*,” and “*impenetrable*” are directly connected with the metaphor of the fortress (CONTAINER + WAR). The lexeme “*liberation*” correlates with the WAR and MORAL SALVATION schemata. Implications that, if the whole country is a fortress, then any outsiders are potential invaders, and that current neighbors are potential hostiles or captives,

⁸ Tisdale Z. (ztisdale), I think this is the Trump Administration’s plan for Fortress America after the liberation of Canada., [Post], X, 03.03.2025. Available at: <https://x.com/ztisdale/status/1896561680194408898> (accessed 18.06.2025).

invite the discourse recipients to experience immigration and continental political and diplomatic relations not as policy puzzles but as a battle narrative with a guaranteed happy ending, but only if the walls hold.

Compact place-as-vice metonyms, e.g., “*San Francisco values*,” “*Hollywood liberals*,” or “*People’s Republic of California*” function as indexical shortcuts. They condense critical opinions on social liberalism and media influence into geographically anchored slurs that have become associated with moral decay or authoritarianism. This locative logic aligns strongly with MFT’s emphasis on Purity/Sanctity, Loyalty/In-group, and Authority, and contributes to the construction of a geography of a virtuous besieged core, threatened by internal decay and external assault. For example, Republican-aligned criticism of socio-political challenges in California in online political communication is often verbalized through the locative metaphor “*People’s Republic of California*,” likening the state to communist China and separating it from the rest of the country:

“*People’s Republic of California thanks ‘Dear Leader Newsom’ for his inspiring leadership...*”⁹.

“*Move away from the People’s Republic of California and you’ll find it much easier to live. A million dollar home in middle America is still a mansion. A million dollar home in Florida will get you an amazing house or significant acreage with a decent house*”¹⁰.

Democratic-aligned political discourse in the U.S. frequently inverts the Republican map or highlights different locative associations, often focusing on economic injustice, social progress, policies of inclusion, or threats to democratic norms originating from conservative or corporate centers of power. The enduring binary of “*Wall Street fat cats*” vs. “*Main Street*,” for instance, frames the economic conflict as a geographical struggle between predatory finance, linked with strong pragmatically-charged lexemes “*greed*,” “*rigged*,” and “*bailouts*” (see Table 3), and the implicitly wholesome productive economy, e.g.:

“*Wall Street is puking big-time, and the Sell buttons are working overtime whenever the word ‘tariff’ passes from Donald Trump’s lips. If you listen to the fat cat community long enough, you’d think Trump has been in office four years rather than four weeks, and that a small trade surcharge on a car from Mexico is leading us into economic Armageddon*”¹¹.

Vivid metaphors, including derogatory “*fat cat community*” and “*economic Armageddon*,” coupled with hyperbolization, generate the pragmatic effect of skepticism and ironically dismissive criticism of overreaction and fear-mongering by financial elites.

The “*banana republic*” metaphor relocates the U.S. to a space associated with democratic failure and corruption, typically deployed to reproach what is perceived as authoritarian tendencies or norm-breaking by Republicans, often co-occurring with lexemes “*turning into*,” “*authoritarian*,” and “*sham*” (Table 3). Its functional-pragmatic shock value derives from the conspicuous spatial mismatch with national self-perception, e.g.:

“*Mukasey, who served as the nation’s top law enforcement officer under President George W. Bush, told the Washington Post in an interview Monday that ‘it would be like a banana republic’ if Trump followed through on his threat at Sunday night’s debate*”¹².

Similarly, the critical use of the “*Bible Belt*” transforms a regional identity marker into a symbol of perceived religio-political rigidity. Metaphors like “*Sanctuary cities*” or “*Blue wall*” frame progressive policies as protective spaces, i.e., the so-called moral havens and defensive shields against what is perceived as harmful federal policies or regressive social forces with the help of BARRIER/

⁹ DuCate N. (Nick_duCat), People’s Republic of California thanks ‘Dear Leader Newsom’ for his inspiring leadership..., [Post], X, 08.05.2025. Available at: https://x.com/Nick_duCat/status/1920302173524529291 (accessed 18.06.2025).

¹⁰ Mason M. (mjmason184), Move away from the People’s Republic of California and you’ll find it much easier to live., [Post], X, 29.04.2025. Available at: <https://x.com/mjmason184/status/1917176851471978766> (accessed 18.06.2025).

¹¹ Gasparino C., Ignore the stock market – Wall Street dealing with painful detox from government spending addiction, *New York Post*, 10.03.2025. Available at: <https://nypost.com/2025/03/10/business/ignore-the-stock-market-wall-street-dealing-with-painful-detox-from-government-spending-addiction/> (accessed 18.05.2025).

¹² Wright D., Mukasey rips Trump threat: ‘It would be like a banana republic’, *CNN*, 11.10.2016. Available at: <https://edition.cnn.com/2016/10/11/politics/michael-mukasey-interview-trump-banana-republic/index.html> (accessed 18.06.2025).

CONTAINER schemas. Phrasing, that indicates areas of crisis, e.g., “*Rust Belt*,” “*opioid corridor*,” or “*inner-city war zones*,” and can sometimes be used by Republicans to criticize Democratic governance, is often employed by Democrats to highlight systemic neglect and demand economic justice, for instance, framing issues like gun violence as public health emergencies that requires intervention, drawing on Care/Harm framing. This repertoire borrows more heavily on MFT’s Care/Harm and Fairness/Cheating foundations, thus contributing to the construction of a geography where progressive enclaves offer refuge or models for justice against the background of economic exploitation and social regression, e.g., Los Angeles City Councilmember Curren D. Price Jr.’s statement:

“*Sanctuary cities are not just a legal framework. They represent a moral commitment to upholding human dignity, protecting families and ensuring that everyone, regardless of their immigrant status, can live without fear*”¹³.

Price’s utterance is a tightly packed moral frame wrapped in a rhetorically effective locative metaphor, which linguistically constructs Los Angeles under Democratic governance as a protective container whose legitimacy stems less from statutory texts than from an ethical imperative to shield vulnerable people.

To go beyond metaphors, the analysis of the framing function of this language was performed (Table 4). Its results reveal a notable asymmetry. Indeed, both parties use locative metaphors to stigmatize out-groups (“them”). However Republican political subdiscourse uses negative othering metaphors at a significantly higher rate compared to their use of positive in-group (“us”) metaphors. This quantitative finding suggests Republican rhetoric may rely more heavily on constructing external or internal enemies through locative framing, compared to Democratic rhetoric, which, although certainly being critical, shows a slightly more balanced, though still predominantly negative functional-pragmatic spatial orientation in the corpus.

Table 4 presents the aggregated frequencies of metaphors used in the corpus to praise “us” vs. those used to condemn “them”.

Table 4. Aggregate use of “us”-framing vs. “them”-framing locative metaphors (normalized per 10,000 words)

Stance category	Republican corpus	Democratic corpus	Mixed/Neutral corpus	χ^2 (df = 2)	p-value
In-group (“us”) locatives	6.1	3.2	2.6	56.4	< .001
Out-group (“them”) locatives	19.3	6.9	9.1	168.7	< .001

The study also confirms the strategic flexibility of certain metaphors. Analysis shows that locative geographical metaphors are polysemous and mutable, with a potential to be co-opted by the opposing side (e.g., conservatives calling progressive cities “*war zones*,” progressives sarcastically tweeting about “*Y’all-Qaeda*” in rural militias, Democrats occasionally labeling Republicans as “*coastal elites*” to show they themselves are what they try to condemn, etc.). Local context also matters. For example, “*Rust Belt*” in a Pittsburgh union hall carries a different pragmatic load than in a Wall Street earnings call. Figurative expressions like “*DC swamp*” and “*banana republic*” can be invoked by either side, depending on which party is currently in more power.

Despite the flexibility, the pattern of usage of locative metaphors is strongly indicative of partisanship. The logistic regression model (Table 5) demonstrates that the mere presence (or absence) of key metaphors in an utterance can predict the speaker’s partisan alignment with considerable accuracy. Odds ratios exceed 4 for Republican markers like “*DC swamp*” and “*coastal elites*” and fall below 0.3

¹³ Lozano A.V., Democratic-controlled cities are finalizing plans to oppose mass deportation, *NBC News*, 28.11.2024. Available at: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/democratic-controlled-cities-are-finalizing-plans-oppose-mass-deportat-rcna180851> (accessed 18.06.2025).

Table 5. Logistic regression predicting party alignment from the presence of locative metaphors (reference = Mixed/Neutral sentences)

Predictor (binary)	β	SE	z	p	Odds ratio
DC swamp	1.52	0.17	8.94	< .001	4.57
Coastal elites	1.44	0.12	12.0	< .001	4.22
Border invasion	1.36	0.21	6.48	< .001	3.9
Banana republic	-1.29	0.17	-7.59	< .001	0.28
Wall Street fat cats	-1.54	0.13	-11.85	< .001	0.21
Constant	-0.06	0.08	-0.75	.453	0.94

McFadden $R^2 = .34$; $N = 48\ 615$ sentence tokens containing at least one locative metaphor. Positive β values predict Republican alignment; negative β values predict Democratic alignment.

for Democratic markers like “*Wall Street fat cats*” and “*banana republic*.” This demonstrates their role not just as descriptive labels but as potent badges of ideological identity.

Mapping politics onto concrete spatial schemas, such as containers, journeys, verticality, or purity/contamination, allows metaphors to tap into intuitive embodied experiences [3; 7], resulting in bypassing complex policy arguments and direct activation of moral intuitions aligned with partisan worldviews [9]. This immediately achieves a desired pragmatic effect, evoking targeted responses from discourse recipients (e.g., disgust at the “*swamp*,” protectiveness of the “*heartland*,” fairness concerns about “*Wall Street*,” or care for the vulnerable in “*sanctuary cities*”). Toponyms function as powerful cultural shortcuts [25]; a mere use of proper nouns like “*Hollywood*” or “*Wall Street*” is enough to instantly conjure up complex associations, helping discourse producers to successfully frame socio-political issues and particular people either positively or negatively [6; 30], with simultaneous essentialization of vast groups (“*coastal elites*,” the “*Bible Belt*”) into easily targeted caricatures. Metaphors, such as “*Real America*” or “*blue wall*,” bestow partisan camps with symbolic ownership over the national identity or the country’s territory, driving political polarization even further as in-group solidarity of “us” is sustained against perceived illegitimate “others.” The brevity and vividness of locative metaphors grant them high media portability and hashtagness in headlines and social media posts. At the same time, their functional-pragmatic potential to trigger strong emotions makes them valuable in an affective attention economy [29].

The cumulative effect of this expressive, figurative locative political rhetoric, as argued by scholars like Chilton [32] and Lakoff [6], is the construction of distinct and often mutually exclusive moral geographies. Political disagreements and worldview clashes become spatialized conflicts between a virtuous “us” located in safe or authentic territory, and a corrupt dangerous “them” inhabiting contaminated places or alien spaces. This “rhetorical border wall” perpetuates linguistic polarization by making empathy feel like consorting with the enemy and compromise akin to treacherous territorial surrender. The data obtained in this study strongly suggest that locative metaphors are not merely descriptive but rather constitutive and even formative elements of political polarization, significantly reinforcing the “us vs. them” mentality, so typical of contemporary American politics.

Conclusion

The study has demonstrated that locative metaphors are fundamental strategic linguistic tools actively used in the construction and maintenance of moral geographies, a distinct cognitive-linguistic and functional-pragmatic mechanism behind political communication in the U.S. By mapping key abstract socio-political concepts onto concrete spatial schemas (e.g., swamps, heartlands, walls, bubbles, centers, and peripheries), partisan discourse producers create powerful, easily digestible frameworks for understanding who belongs where in the nation’s ideological dichotomy.

The analysis, integrating corpus-linguistic frequency data with qualitative rhetorical and functional-linguistic interpretation, revealed clearly differentiated and statistically significant partisan repertoires. Republican discourse predominantly exploits locative metaphors to portray a virtuous besieged interior (“heartland,” “Real America”) threatened by a corrupt coastal population (“coastal elites”), the federal center (“DC swamp”), and external forces (“border invasion”). This finding correlates well with a moral framework emphasizing purity, loyalty, and authority. Democratic discourse, on the other hand, often spatializes critical views on economic inequality (“Wall Street fat cats”) and social conservatism (“Bible Belt”), framing progressive physical spaces as protective havens (“sanctuary cities”) or defensive bastions (“blue wall”), which resonates more with moral foundations of care and fairness. The finding that out-group stigmatizing metaphors are particularly popular, especially in Republican-aligned sub-corpus, demonstrates their functionality in building strong in-group identities through discursively explicated binary oppositions.

Locative metaphors function to crystallize complex ideological positions into vivid, geographically anchored mental images that travel easily and virally through media ecosystems. The logistic regression results confirmed the diagnostic potential of these discursive units, playing the role of reliable markers of ideological affiliation.

The pervasiveness of polarizing locative metaphors contributes to the fractious nature of contemporary American politics. They convert policy debates into territorial disputes between morally identifiable zones and sustain an “us vs. them” mentality that hinders empathy and makes compromise appear as surrender and treachery. The “hostile maps” drawn by this rhetoric consequently define not only how partisan discourse producers speak but potentially how they perceive and process political reality itself.

Although the study, presented in this article, provides a detailed analysis of partisan locative language, it has several limitations. First, its focus may gravitate more towards the discourse of political elites and mediatext producers in the U.S. An important next step is to conduct audience reception studies to empirically estimate how American citizens interpret and are impacted by locative metaphorical framing, accepting or resisting these moral cartographies. Second, the corpus-based methodology identifies patterns of use but cannot definitively determine the intent of discourse producers or the real-time pragmatic and cognitive impact on a recipient. Experimental methods could further test the causal link between the public’s exposure to locative metaphors and noticeable changes in political attitudes within the American society. Third, the study’s temporal scope (2015–2025) captures a period of intense polarization. Longitudinal studies could track the evolution of these metaphors over considerably longer periods of time and a number of political administrations. Finally, dedicated cross-national and cross-cultural comparative analyses are needed to determine whether the “linguistic cartography of conflict” identified in the article is a unique feature of American political discourse or whether similar spatial cognitive-discursive mechanics operate in other political systems and regimes. Further work could also explore the potential for developing alternative, “bridging” metaphors that emphasize interdependence and cooperation rather than polarizing division and communicative confrontation.

Understanding the linguistic cartography of conflict is a crucial step toward managing and mitigating it. Until we become more conscious of how we map the political world through language and discourse, the role of locative metaphors in polarizing communication is likely to remain a significant feature of political life in America.

REFERENCES

- [1] **Kalmoe N.P., Mason L.**, *Radical American partisanship: Mapping violent hostility, its causes, and the consequences for democracy*, University of Chicago Press, Chicago, 2022.
- [2] **Cobarrubias S.**, The moral geographies of migration maps: spatial order as a normative basis for border control, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 51 (10) (2025) 2566–2592. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2461348
- [3] **Lakoff G., Johnson M.**, *Metaphors We Live By*, University of Chicago Press, Chicago, 1981.
- [4] **Lakoff G., Johnson M.**, *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*, Basic Books, New York, 1999.
- [5] **Kövecses Z.**, An extended view of conceptual metaphor theory, *Review of Cognitive Linguistics*, 18 (1) (2020) 112–130. DOI: 10.1075/rc1.00053.kov
- [6] **Lakoff G.**, *Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think*, 2^d ed., University of Chicago Press, Chicago, 2002. DOI: 10.7208/chicago/9780226471006.001.0001
- [7] **Johnson M.**, *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*, University of Chicago Press, Chicago, 2013.
- [8] **Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S.P., Ditto P.H.**, Moral Foundations Theory: The pragmatic validity of moral pluralism, *Advances in Experimental Social Psychology*, 47 (2013) 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4
- [9] **Haidt J.**, *The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion*, Pantheon Books, New York, 2012.
- [10] **Kivikangas J.M., Fernández-Castilla B., Järvelä S., Ravaja N., Lönnqvist J.E.**, Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis, *Psychological Bulletin*, 147 (1) (2021) 55–94. DOI: 10.1037/bul0000308
- [11] **Graham J., Haidt J., Nosek B.A.**, Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations, *Journal of Personality and Social Psychology*, 96 (5) (2009) 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
- [12] **Berger P.L., Luckmann T.**, *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Penguin Books, London, 1966.
- [13] **Acampa S., Nunziata F.**, The Discursive Dimensions of Pernicious Polarization. Analysis of Right-Wing Populists in Western Europe on Twitter, *Social Sciences*, 13 (6) (2024) 292. DOI: 10.3390/socsci13060292
- [14] **Dagnes A.**, *Us vs. Them: Political Polarization and the Politicization of Everything*, Super Mad at Everything All the Time, Palgrave Macmillan, Cham, 2019, pp. 119–165. DOI: 10.1007/978-3-030-06131-9_4
- [15] **Friedrichs G.M., Tama J.**, Polarization and US foreign policy: key debates and new findings, *International Politics*, 59 (2022) 767–785. DOI: 10.1057/s41311-022-00381-0
- [16] **Hamed D.**, Ideologically-based Polarisation and Racism in Discourse, *Journal of Law and Social Sciences*, 4 (1) (2020) 1–13. DOI: 10.53974/unza.jlss.4.1.382
- [17] **Wodak R.**, ‘Us’ and ‘Them’: Inclusion and Exclusion – Discrimination via Discourse, Identity, Belonging and Migration, ed. by G. Delanty, R. Wodak, P. Jones, Liverpool University Press, Liverpool, 2008, 54–77. DOI: 10.5949/liverpool/9781846311185.003.0004
- [18] **Walker A.C., Fugelsang J.A., Koehler D.J.**, Partisan language in a polarized world: In-group language provides reputational benefits to speakers while polarizing audiences, *Cognition*, 254 (2025) 106012. DOI: 10.1016/j.cognition.2024.106012
- [19] **Wilmot N.V., Vigier M., Humonen K.**, Language as a source of otherness, *International Journal of Cross Cultural Management*, 24 (1) (2023) 59–80. DOI: 10.1177/14705958231216936
- [20] **Yang Y., Chen X.**, Globalism or Nationalism? The Paradox of Chinese Official Discourse in the Context of the COVID-19 Outbreak, *Journal of Chinese political science*, 26 (2021) 89–113. DOI: 10.1007/s11366-020-09697-1
- [21] **Van Dijk T.A.**, Discourse analysis as ideology analysis, *Language & Peace*, ed. by R. Wodak, Routledge, London, 2005, pp. 41–58.
- [22] **Karjus A., Cuskley C.**, Evolving linguistic divergence on polarizing social media, *Humanities and Social Sciences Communications*, 11 (2024) 422. DOI: 10.1057/s41599-024-02922-9
- [23] **KhudaBukhsh A.R., Sarkar R., Kamlet M.S., Mitchell T.**, We Don’t Speak the Same Language: Interpreting Polarization through Machine Translation, *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 35 (17) (2021) 14893–14901. DOI: 10.1609/aaai.v35i17.17748

- [24] **Muñoz P., Bellogín A., Barba-Rojas R., Diez F.**, Quantifying polarization in online political discourse, *EPJ Data Science*, 13 (2024) 39. DOI: 10.1140/epjds/s13688-024-00480-3
- [25] **Cresswell T.**, *Place: A Short Introduction*, Blackwell Publishing, Malden, MA, 2004.
- [26] **Fairclough N.**, *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*, Routledge, London, 2013.
- [27] **Van Dijk T.A.**, *Critical Discourse Analysis*, *The Handbook of Discourse Analysis*, ed. by D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin, Blackwell Publishers, Malden, MA, 2015, pp. 466–485. DOI: 10.1002/9781118584194.ch22
- [28] **Wodak R.**, *The Politics of Fear: The Shameless Normalization of Far-Right Discourse*, Sage Publications, London, 2020. DOI: 10.4135/9781529739664
- [29] *Methods of Critical Discourse Studies*, ed. by R. Wodak, M. Meyer, 3^d ed., Sage Publications, London, 2015.
- [30] **Entman R.M.**, Framing: Toward clarification of a fractured paradigm, *Journal of Communication*, 43 (4) (1993) 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
- [31] **Lakoff G.**, *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame and Debate*, Chelsea Green Publishing, Hartford, 2004.
- [32] **Chilton P.**, *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*, Routledge, London, 2004. 240 p.
- [33] **Charteris-Black J.**, *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2011. DOI: 10.1057/9780230319899
- [34] **Tuan Y.-F.**, *Space and Place: The Perspective of Experience*, University of Minnesota Press, Minneapolis, MN, 1977. 235 p.
- [35] **Charteris-Black J.**, *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 278 p. DOI: 10.1057/9780230000612
- [36] **Koller V.**, *Analysing metaphor in discourse*, *Researching Discourse*, Routledge, London, 2020, pp. 77–96. DOI: 10.4324/9780367815042-5
- [37] **Harvey A.D.**, *Body Politic: Political Metaphor and Political Violence*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle-upon-Tyne, 2021.
- [38] **Musolff A.**, *Metaphorical framing in political discourse*, *Handbook of Political Discourse*, ed. by C.R. van der Houwen, P. Chilton, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, 2023, pp. 145–163. DOI: 10.4337/9781800373570.00019

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Kalmoe N.P., Mason L.** *Radical American partisanship: Mapping violent hostility, its causes, and the consequences for democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 2022. 216 p.
2. **Cobarrubias S.** The moral geographies of migration maps: spatial order as a normative basis for border control // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2025. Vol. 51, Iss. 10. P. 2566–2592. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2461348
3. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 256 p.
4. **Lakoff G., Johnson M.** *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999. 590 p.
5. **Kövecses Z.** An extended view of conceptual metaphor theory // *Review of Cognitive Linguistics*. 2020. Vol. 18, Iss. 1. P. 112–130. DOI: 10.1075/rcl.00053.kov
6. **Lakoff G.** *How Liberals and Conservatives Think*. 2^d ed. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 471 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226471006.001.0001
7. **Johnson M.** *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 273 p.
8. **Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S.P., Ditto P.H.** *Moral Foundations Theory: The pragmatic validity of moral pluralism* // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 47. P. 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4
9. **Haidt J.** *The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon Books, 2012. 528 p.

10. **Kivikangas J.M., Fernández-Castilla B., Järvelä S., Ravaja N., Lönnqvist J.E.** Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2021. Vol. 147, Iss. 1. P. 55–94. DOI: 10.1037/bul0000308
11. **Graham J., Haidt J., Nosek B.A.** Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, Iss. 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141
12. **Berger P.L., Luckmann T.** *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1966. 219 p.
13. **Acampa S., Nunziata F.** The Discursive Dimensions of Pernicious Polarization. Analysis of Right-Wing Populists in Western Europe on Twitter // *Social Sciences*. 2024. Vol. 13, Iss. 6. Art. no. 292. DOI: 10.3390/socsci13060292
14. **Dagnes A.** *Us vs. Them: Political Polarization and the Politicization of Everything // Super Mad at Everything All the Time*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 119–165. DOI: 10.1007/978-3-030-06131-9_4
15. **Friedrichs G.M., Tama J.** Polarization and US foreign policy: key debates and new findings // *International Politics*. 2022. Vol. 59. P. 767–785. DOI: 10.1057/s41311-022-00381-0
16. **Hamed D.** Ideologically-based Polarisation and Racism in Discourse // *Journal of Law and Social Sciences*. 2020. Vol. 4, Iss. 1. P. 1–13. DOI: 10.53974/unza.jlss.4.1.382
17. **Wodak R.** ‘Us’ and ‘Them’: Inclusion and Exclusion – Discrimination via Discourse // *Identity, Belonging and Migration* / ed. by G. Delanty, R. Wodak, P. Jones. Liverpool: Liverpool University Press, 2008. P. 54–77. DOI: 10.5949/liverpool/9781846311185.003.0004
18. **Walker A.C., Fugelsang J.A., Koehler D.J.** Partisan language in a polarized world: In-group language provides reputational benefits to speakers while polarizing audiences // *Cognition*. 2025. Vol. 254. Art. no. 106012. DOI: 10.1016/j.cognition.2024.106012
19. **Wilmot N.V., Vigier M., Humonen K.** Language as a source of otherness // *International Journal of Cross Cultural Management*. 2023. Vol. 24, Iss. 1. P. 59–80. DOI: 10.1177/14705958231216936
20. **Yang Y., Chen X.** Globalism or Nationalism? The Paradox of Chinese Official Discourse in the Context of the COVID-19 Outbreak // *Journal of Chinese political science*. 2021. Vol. 26. P. 89–113. DOI: 10.1007/s11366-020-09697-1
21. **Van Dijk T.A.** Discourse analysis as ideology analysis // *Language & Peace* / ed. by R. Wodak. London: Routledge, 2005. P. 41–58.
22. **Karjus A., Cuskley C.** Evolving linguistic divergence on polarizing social media // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Art. no. 422. DOI: 10.1057/s41599-024-02922-9
23. **KhudaBukhsh A.R., Sarkar R., Kamlet M.S., Mitchell T.** We Don’t Speak the Same Language: Interpreting Polarization through Machine Translation // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2021. Vol. 35, Iss. 17. P. 14893–14901. DOI: 10.1609/aaai.v35i17.17748
24. **Muñoz P., Bellogín A., Barba-Rojas R., Diez F.** Quantifying polarization in online political discourse // *EPJ Data Science*. 2024. Vol. 13. Art. no. 39. DOI: 10.1140/epjds/s13688-024-00480-3
25. **Cresswell T.** *Place: A Short Introduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. 168 p.
26. **Fairclough N.** *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge, 2013. 608 p.
27. **Van Dijk T.A.** Critical Discourse Analysis // *The Handbook of Discourse Analysis*, ed. by D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2015. P. 466–485. DOI: 10.1002/9781118584194.ch22
28. **Wodak R.** *The Politics of Fear: The Shameless Normalization of Far-Right Discourse*. London: Sage Publications, 2020. 360 p. DOI: 10.4135/9781529739664
29. *Methods of Critical Discourse Studies* // ed. by R. Wodak, M. Meyer. 3^d ed. London: Sage Publications, 2015. 272 p.
30. **Entman R.M.** Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, Iss. 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
31. **Lakoff G.** *Don’t Think of an Elephant! Know Your Values and Frame and Debate*. Hartford: Chelsea Green Publishing, 2004. 144 p.
32. **Chilton P.** *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, 2004.
33. **Charteris-Black J.** *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 370 p. DOI: 10.1057/9780230319899

34. **Tuan Y.-F.** Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1977.
35. **Charteris-Black J.** Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2004. DOI: 10.1057/9780230000612
36. **Koller V.** Analysing metaphor in discourse // Researching Discourse. London: Routledge, 2020. P. 77–96. DOI: 10.4324/9780367815042-5
37. **Harvey A.D.** Body Politic: Political Metaphor and Political Violence. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2021. 135 p.
38. **Musolff A.** Metaphorical framing in political discourse // Handbook of Political Discourse / ed. by C.R. van der Houwen, P. Chilton. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023. P. 145–163. DOI: 10.4337/9781800373570.00019

INFORMATION ABOUT AUTHOR / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Dmitry S. Khramchenko

Храмченко Дмитрий Сергеевич

E-mail: d.khramchenko@inno.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3038-8459>

Submitted: 24.05.2025; Approved: 15.10.2025; Accepted: 26.10.2025.

Поступила: 24.05.2025; Одобрена: 15.10.2025; Принята: 26.10.2025.

Research article

UDC 81'42 + 004.85

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16410>

EDN: <https://elibrary/LYKUVR>

ENHANCING LLM INTERPRETATION OF APPRAISALS IN SPANISH DIGITAL DISCOURSE

S. Sikorskii , M.L. Carrio-Pastor

Polytechnic University of Valencia, Valencia, Spain

 ssikors@upv.es

Abstract. This article examines the challenges Large Language Models (LLMs) face in interpreting evaluative language in digital discourse. These models often distort the semantics of evaluative expressions, hindering their accurate linguistic interpretation. The aim of the study is to determine whether integrating specialised knowledge improves a model's ability to correctly identify and classify evaluative meanings. Methodologically, the work draws on Martin and White's Appraisal Theory and includes an experimental evaluation of GPT-4 on a stratified corpus of posts from a social network. The analysis is conducted in two conditions – with and without external contextual knowledge – and the results are compared to expert annotations in terms of precision and recall. The findings demonstrate a substantial improvement in automatic classification: the accuracy of identifying evaluative categories increases, the range of detectable appraisal elements expands, and new patterns of meaning variation emerge. The conclusions emphasise that enriching LLMs with structured knowledge enhances the reliability of evaluative language analysis and provides deeper insight into how such meanings function in digital discourse. The proposed approach opens new avenues for improving automated methods for analysing evaluative meanings in linguistic research.

Keywords: appraisal analysis, context integration, Large Language Models, evaluative language, social media discourse.

Acknowledgements: Project CIAICO/2023/187, funded by the Conselleria d'Innovació, Universitats, Ciència i Societat Digital.

Citation: Sikorskii S., Carrio-Pastor M.L., Enhancing LLM Interpretation of Appraisals in Spanish Digital Discourse, Terra Linguistica, 16 (4) (2025) 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410

АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ЦИФРОВОМ ДИСКУРСЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

С. Сикорский , М.Л. Каррио-Пастор

Политехнический университет Валенсии, Валенсия, Испания

 ssikors@upv.es

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания оценочной лексики большими языковыми моделями (БЯМ) в цифровом дискурсе. Отмечается, что языковые модели нередко искажают семантику оценочных высказываний, что затрудняет их корректную лингвистическую интерпретацию. Цель исследования — определить, улучшает ли интеграция специализированного знания способность модели точно идентифицировать и классифицировать оценочные значения. Методологически работа опирается на теорию оценки Мартина и Уайта и включает экспериментальную проверку модели GPT-4 на стратифицированном корпусе сообщений в социальной сети. Анализ проводится в двух режимах — с использованием внешнего знания и без него — с последующим сопоставлением результатов с экспертной разметкой по показателям точности и полноты. Результаты демонстрируют существенное улучшение качества автоматической классификации: повышается точность определения оценочных категорий, расширяется спектр обнаруживаемых элементов, выявляются новые паттерны смысловой вариативности. В выводах подчеркивается, что обогащение БЯМ структурированным знанием повышает надежность анализа оценочной лексики и позволяет глубже понять механизмы ее функционирования в цифровом дискурсе. Предложенный подход открывает перспективы для совершенствования автоматизированных методов анализа оценочных значений в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: анализ оценочной речи, интеграция контекста, большие языковые модели, оценочная речь, дискурс в социальных сетях.

Финансирование: Project CIAICO/2023/187, funded by the Conselleria d'Innovació, Universitats, Ciència i Societat Digital.

Для цитирования: Сикорский С., Каррио-Пастор М.Л. Анализ оценочной лексики в испаноязычном цифровом дискурсе: преодоление ограничений больших языковых моделей // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 4. С. 159–184. DOI: 10.18721/JHSS.16410

Introduction

Large language models (LLMs) have revolutionized natural language processing through exposure to vast text corpora. LLMs develop in-context learning capabilities that enable them to generate contextually relevant responses without explicit task-specific training [1, 2]. However, these models exhibit persistent cultural biases in analysing evaluative language, often defaulting to anglophone normative frames that overlook how context shapes non-English attitudes [3, 4]. This limitation is particularly acute for non-English political and crisis discourse, where evaluative meaning is deeply entwined with local institutional norms, cultural values, and historical narratives.

Spanish, the world's second most widely spoken native language (L1), constitutes a major linguistic domain for digital political communication across Europe and Latin America, making it a critical test case for cross-cultural appraisal interpretation. Far less is known about how LLMs handle appraisal in major non-English digital spheres, despite the centrality of Spanish in global online crisis communication.

This study addresses these limitations through Martin and White's Appraisal Theory [5], rooted in Systemic Functional Linguistics. The framework distinguishes three domains of evaluative meaning – Attitude, Engagement, and Graduation – and is especially sensitive to Judgment subcategories such as propriety (ethical norms) and tenacity (persistence under adversity). These categories are crucial in crisis discourse, where institutional behaviour is evaluated against culturally embedded expectations [6, 7].

Context profoundly mediates evaluative interpretation, transforming neutral expressions into loaded assessments based on shared cultural frameworks [8, 9]. For instance, "traditional" may invoke positive propriety in conservative Spanish political talk but negative judgment in progressive critiques, highlighting polarity shifts via contextual interplay [10, 11]. Empirical studies demonstrate that evaluation processing changes when contextual cues are manipulated [12], and that culturally variant texts cannot be reliably interpreted through universalist or English-centric frameworks [13–15].

Recent assessments of LLMs indicate similar issues: cultural misalignment in non-English settings [3], inconsistent value alignment across languages [16], and insufficient sensitivity to culturally specific evaluative cues. Although multilingual strategies such as fine-tuning or prompt engineering [17–19] improve surface performance, they do not address the deeper problem that evaluative meaning is constituted – not merely modified – by cultural knowledge, especially in politically charged Spanish digital discourse [4].

To address this gap, the present study focuses on Spanish-language crisis communication during the 2024 DANA Valencia floods, using posts from X.com, Spain's most active platform for real-time political commentary and institutional accountability. X provides dense evaluative microtexts ideal for appraisal analysis; its use here is strictly academic¹.

To clarify the aim of this study, we formulate the following overarching research question: How does structured, multidimensional contextual modelling influence LLM-based appraisal interpretation in Spanish digital crisis discourse?

To address this, we investigate three focused research questions:

1. How does multidimensional cultural context integration via graph databases enhance LLM performance in Spanish appraisal analysis, particularly Judgment detection?
2. What systematic evaluation patterns in Spanish crisis discourse require cultural context for accurate interpretation, challenging English-centric frameworks?
3. Does structured context injection yield superior cross-cultural accuracy compared to baseline approaches?

Using 200 stratified Spanish posts about the 2024 DANA crisis, we compare GPT-4's performance with and without context injection. By integrating historical, social, political, cultural, and digital contextual metadata into a graph database, we show that cultural knowledge is constitutive of evaluative meaning, offering a scalable method for culturally responsive appraisal analysis in Spanish-speaking digital contexts.

Theoretical Background

Context Types and their Influence on Appraisal

From the diverse contextual factors discussed in the literature (e.g., [20–22]), five overarching dimensions of context are critical for cross-cultural understanding: Historical, Social, Cultural, Political, and (digital-specific) Thread Context. This selection is based on their demonstrated influence on evaluative meaning, their recurrent salience in social media interactions, and their potential for operationalization through identifiable markers (Figure 1).

Figure 1 not only lists these context types and their marker families (e.g., temporal reference, group norms, ideological stance), but also illustrates the conceptual influence relations between them such as historical context 'informing' cultural values or political structures 'guiding' social norms.

¹ In the Russian Federation, X (formerly Twitter) is blocked.

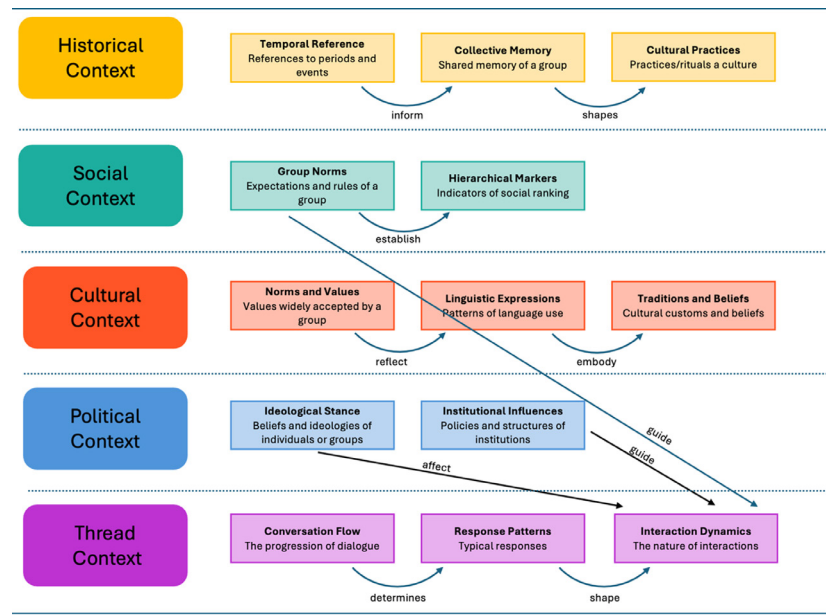

Fig. 1. Contextual integration for LLM-based appraisal analysis

These arrows represent theoretical pathways of contextual influence in discourse, rather than procedural steps in the computational method, and serve as a conceptual scaffold for the later modelling of contextual retrieval.

In this theoretical framework, different types of context contribute distinctly to the interpretation of appraisal:

Historical Context. Historical context provides a temporal dimension that anchors evaluations within broader narratives. As van Dijk [21] notes, historical context helps comprehend complex phenomena by providing a background against which communication occurs. This context shapes how judgments evaluate behaviour against past events and how affect connects to collective experiences. Historical references in digital discourse often function as evaluative shortcuts, activating shared interpretative frameworks. For instance, references to "La Transición" (*"Spain's democratic transition"*) in Spanish political discourse evoke specific normative expectations that shape how political actors are judged.

Social Context. Social context encompasses relationships, roles, and social structures that frame evaluations. KhosraviNik [22] emphasizes how social factors influence the production and interpretation of discourse, from immediate interpersonal dynamics to broader institutional structures. These social dimensions shape affective expressions, condition judgment criteria, and influence appreciation standards. In Spanish digital discourse, social markers like formal address terms (*"usted"*) or informal language signal particular evaluative frames that influence how attitude is expressed and interpreted.

Political Context. Political context introduces ideological frameworks and power dynamics that influence evaluative positioning. Van Dijk [21] shows how political contexts shape how speakers position themselves and others, often through strategic language use. These contexts determine which behaviours warrant positive or negative judgment and which values receive appreciation. Political markers in Spanish digital discourse (e.g., *"progresista"* vs. *"conservador"*) activate distinct evaluative frameworks that influence how policies, leaders, and social phenomena are assessed.

Cultural Context. Cultural context provides shared knowledge, values, and practices that ground evaluative meaning. Manca [23] demonstrates how cultural context intertwines with social and historical contexts to determine what is considered appropriate or inappropriate in communication. Cultural norms shape how emotions are expressed, which behaviours receive positive judgment, and what

qualities merit appreciation. Spanish digital discourse often exhibits more emotionally expressive language than English equivalents, reflecting cultural differences in affective communication norms.

Digital Discourse Context. Digital discourse introduces unique contextual elements through conversation structure, platform conventions, and multimodal resources. Thread context, as examined by Diethei et al. [20], significantly impacts how evaluations evolve across conversational exchanges. Digital markers like hashtags function as contextual frames that influence evaluative interpretation, while emojis and other multimodal elements modify evaluative meaning. These digital discourse features create complex contextual configurations that shape how appraisals are expressed and understood [24–27].

These types interact dynamically, per van Dijk [21], to shape interpretative environments essential for appraisal.

Contextual Interaction Mechanisms

Building on Kecskes' (2023) Dynamic Model of Meaning, we delineate three mechanisms for evaluative shaping in digital discourse, drawing from socio-cognitive analogs (e.g., dialogic syntax, pragmatic negotiation): a) Contextual Resonance: Activates frameworks beyond literals, with historical/cultural macros conditioning others [28, 29]. In Spanish crises, "El 15-M" resonates political Judgment (tenacity as collective persistence), amplifying propriety via shared echoes [30]. b) Contextual Shifting: Stable terms shift valences via configurations [31], mediated socio-politically in dynamic digital spaces [25, 32]. "Radical" signals positive tenacity in progressive Judgment but negative propriety in conservative. c) Contextual Evolution: Threads reconfigure frames diachronically [33, 34], evolving Judgment (e.g., positive tenacity shifting to ironic propriety in accumulating replies).

These imply LLM needs: cultural access for resonance [35], dynamic parsing for shifting [36], memory for evolution [37].

Spanish Digital Discourse: Contextual Characteristics

Spanish digital discourse, prevalent in global online environments [38], serves as a case study for contextual influences on appraisal. Spanish social media exhibits heightened context dependence, with increased engagement markers compared to English equivalents [39], reflecting cultural reliance on shared knowledge. For instance, idiomatic expressions like "Esto es más largo que un día sin pan"² ("This is longer than a day without bread") invoke cultural context to express negative appreciation of duration appearing in 14 instances (7%) This idiom frequently co-occurs with political dissatisfaction, e.g. "Esto es más largo que un día sin pan con el gobierno" ("This is longer than a day without bread with this government"), where temporal appraisal blends with negative propriety.

Spanish digital discourse often mirrors spoken conventions, deviating from written norms. Lage and Diego [40], identified oralized features in chats, extended in recent crisis analyses [41] to social media, where explicit Affect predominates [42]. In the DANA corpus, this includes expressions like "¡Vaya tela con este gobierno!" ("What a mess with this government!"), which conveys negative propriety and appears in 35 instances (18% of Judgments).

Similarly, emotional reactions include:

- "Da miedo ver como gestionan esto."
"It's scary to see how they're handling this."
→ Negative Affect: insecurity.
- "Letizia con cara de 'menudo palo estar aquí'... vergüenza."
"Letizia with a face of 'what a pain to be here... shameful.'"
→ Negative Judgment: propriety.

² Examples in this section are drawn from the DANA Valencia crisis corpus used in this study; the corpus construction and sampling procedure are described in Section Method.

- "Autocontrol nivel DIOSA"

"Self-control at GODDESS level"

→ Positive Appreciation: valuation + hyperbolic Graduation.

- "borbones corruptos haciendo el paripé."

"corrupt Bourbons putting on an act."

→ Negative Judgment: veracity + propriety.

Cultural contexts frame appraisals collectivistically, emphasizing community welfare and shared responsibility [43]. Qualitative evidence from protest calls [41], identity construction [44], and indigenous online forums [45] highlights first-person plural forms "Hemos conseguido algo importante" (*"We have achieved something important"*) graduating positive appreciation via collective achievement. In the DANA corpus, this manifests in 38% of Judgments, such as "estamos juntos en esto" (*"We're in this together"*) invoking tenacity as communal persistence during floods.

- "Aquí nadie se rinde"

"Nobody gives up here"

→ Collective tenacity, aligning with crisis rhetoric [7].

- "Gracias por ir y validar el dolor del pueblo."

"Thank you for going and validating the people's pain."

→ Positive Judgment: propriety.

- "Gracias por ir y validar el dolor del pueblo."

"Thank you for going and validating the people's pain."

→ Positive Judgment: propriety.

Noteworthy are culturally specific appraisals of bravery and honour:

- "El Rey le ha echado pelotas."

"The King showed guts."

→ Positive Judgment: tenacity + capacity.

- "Se la ha bancado con honor y probidad."

"He endured it with honour and integrity."

→ Positive Judgment: propriety.

These examples demonstrate how Spanish digital discourse intertwines institutional ethics, emotional response, and communal identity. They highlight the need for context-sensitive appraisal analysis that accounts for Spanish-specific evaluative configurations, which resist universal categories and depend on institutional, cultural, and collective baselines.

Method

Corpus and Operationalization

To operationalize the framework, we fused computational context injection with LLM analysis for empirical validation.

The corpus comprises 200 X.com posts, stratified-random sampled from #DANAValencia and #Valencialnundaciones queries via X's advanced search (October 29–November 15, 2024, aligning with flood peak and royal visits). From an initial pool of ~3,000 posts, we balanced supportive ($n = 100$, keywords like "apoyo" "support", "solidaridad" "solidarity") and critical ($n = 100$, keywords like "vergüenza" "shame/disgrace", "fracaso" "failure") replies, excluding bots/reposts via metadata filters. This ensured representation of evaluative language polarity in crisis discourse.

Tweets vary considerably in length: the shortest contain 2–4 tokens, while extended argumentative posts exceed 70 tokens, with emojis treated as separate tokens following multimodal corpus conventions. The mean tweet length is approximately 22–27 tokens, with a median of 18–20 tokens. This distribution captures the natural variation in crisis-related evaluative discourse and is appropriate for the study's aim of assessing a pilot appraisal annotation workflow.

A single expert (Spanish linguist, Universitat Politècnica de València) annotated using Martin and White framework [5], operationalizing Judgment subcategories. Propriety (ethical norms) was frequently realized through lexical items such as "vergüenza" (*"shame; moral disgrace"*) in 45% of negative instances. Tenacity (persistence, resilience) was commonly expressed through idioms such as "dio la cara" (*"he/she stepped forward; faced the situation"*) in supportive replies. Given the modest corpus size ($n = 200$), a single annotator suffices for initial validation, aligning with pilot practices in discourse analysis where multi-annotator ICR is typically applied at larger scales [6, 46]. For reliability, self-consistency checks re-annotated a 20% random subset (40 posts, per standard thresholds for intra-rater agreement in small corpora – McHugh [47] recommends at least 30 comparisons for precise estimates to balance effort and detect category drift, yielding 92% agreement. Disagreements (e.g., 3 propriety-tenacity overlaps) were resolved via framework reference, ensuring stability without inflating resources.

Drawing on mechanisms introduced in Section Theoretical Background, we implemented a two-stage appraisal procedure:

Stage 1: Transparent Scaffolding – Explicitly apply categories to discover evaluations, documenting Spanish resistances (e.g., collective propriety exceeding individual-centric English frames).

Stage 2: Context-Dependent Pattern Recognition – Identifying structures shaped by Spanish discourse conventions, such as "quedar bien/mal" (*"to look good/bad"*, social-image management modulating propriety), "vergüenza ajena" (*"second-hand embarrassment"*, a collective judgment device), and references to "La Transición" (*"Spain's democratic transition"*) anchoring tenacity and legitimacy evaluations.

This operationalization integrates lexical, cultural, and institutional cues to ensure compatibility between the annotation scheme and Spanish-specific evaluative practices.

The Design of the Proposal: Contextual Markers and Patterns

The operationalization of our multi-contextual framework requires systematic identification of linguistic and semiotic markers that activate specific interpretative frameworks within each contextual dimension. Drawing on Van Dijk's [21] socio-cognitive approach to context, KhosraviNik's [22] social media discourse framework, and Martin and White's appraisal categories [5], we propose a taxonomic classification of contextual markers that function as computational cues for activating contextual knowledge essential for culturally-informed evaluative interpretation.

Our marker classification addresses a fundamental challenge in cross-cultural appraisal analysis: the systematic detection of context-dependent evaluative triggers that operate beyond surface linguistic features. Unlike approaches that treat context as supplementary background information, our framework positions contextual markers as constitutive elements that actively shape – rather than merely influence-evaluative meaning formation.

The systematic taxonomy encompasses five contextual dimensions, each containing multiple marker types with distinct identificational and functional properties. This classification enables both theoretical analysis and computational implementation by providing explicit criteria for marker detection alongside their specific roles in activating evaluative frameworks. Table 1 presents the complete taxonomic structure.

Historical and cultural markers function as macro-contextual frames that condition the interpretation of political and social markers. For instance, references to "La Transición" (*"Spain's democratic transition"*) establish historical frameworks that modify how contemporary political terminology is evaluated.

Digital discourse markers, particularly emojis and platform conventions, systematically modify the evaluative intensity established by textual markers. The combination of political hashtags with specific emojis creates evaluative configurations unpredictable from individual marker analysis.

Table 1. Taxonomic structure of context dimensions

Dimension	Marker Type	Definition	Spanish Examples	English Translation	Identification Method	Appraisal Function
Historical	Temporal References	Direct lexical references to specific historical periods, events, or chronological markers that activate collective memory frameworks	"durante el franquismo," "desde la Transición," "en el 23-F"	"during Franco's regime," "since the Transition," "during the 23-F coup attempt"	Named entity recognition + historical knowledge base	Activates evaluative frameworks grounded in shared historical experience
	Collective Memory	Terms invoking shared cultural-historical experiences that carry implicit evaluative loading through collective remembrance	"los años de plomo," "la movida madrileña," "la crisis del 2008"	"the years of lead," "the Madrid scene," "the 2008 crisis"	Cultural lexicon matching + semantic field analysis	Establishes evaluative baseline through historical precedent
	Historical Analogies	Comparative constructions linking current situations to historical events with embedded evaluative implications	"como en el 23-F," "peor que en los 80," "igual que en la guerra"	"like during 23-F," "worse than in the 80s," "just like in the war"	Comparative syntax detection + historical entity linking	Transfers historical evaluative frameworks to contemporary assessment
Social	Formality Indicators	Address forms, register markers, and linguistic choices signaling social hierarchies and relationship dynamics	"usted" vs. "tú," "señor ministro," "oiga"	formal "you" vs. informal "you," "Mr. Minister," "listen"	Pragmatic register analysis + addressee detection	Modulates evaluative intensity based on social positioning
	Group Identity Signals	Linguistic markers establishing ingroup/out-group boundaries that frame evaluative standards and loyalties	"los nuestros," "esta gente," "la gente como nosotros"	"our people," "those people," "people like us"	Pronominal reference analysis + social deixis detection	Activates groupbased evaluative criteria and solidarity frameworks
	Solidarity Markers	Expressions of collective unity and shared identity that intensify evaluative meaning through group cohesion	"estamos juntos en esto," "todos a una," "somos familia"	"we're in this together," "all as one," "we are family"	Collective pronoun analysis + unity semantic field detection	Amplifies evaluative force through collective emotional investment
Political	Ideological Terminology	Lexical items associated with specific political positions that activate partisan evaluative frameworks	"neoliberal," "progresista," "conservador," "de izquierdas"	"neoliberal," "progressive," "conservative," "leftwing"	Political lexicon classification + ideological stance detection	Frames evaluative standards according to political worldview
	Institutional References	Mentions of political institutions, offices, or constitutional entities that activate institutional evaluation frameworks	"el Congreso," "la Moncloa," "el Constitucional," "las Cortes"	"Congress," "the Presidency," "the Constitutional Court," "Parliament"	Named entity recognition (political institutions) + constitutional knowledge base	Activates institutional propriety and constitutional legitimacy frameworks
	Political Hashtags	Platform-specific topic markers signaling political framing and mobilization contexts	"#EleccionesYa," "#CambioClimaticoYa" "#NoALaGuerra"	"#ElectionsNow," "#ClimateActionNow," "#NoToWar"	Hashtag extraction + political topic classification	Establishes political mobilization context for evaluative interpretation
Cultural	Cultural References	Allusions to shared cultural knowledge, traditions, or common expressions that modify evaluative interpretation	"ser más listo que el hambre," "como Pedro por su casa," "hacer el indio"	"to be smarter than hunger," "like Peter in his house," "to act the fool"	Cultural idiom detection + metaphorical expression analysis	Activates culture-specific evaluative schemas and value systems
	Value-laden Terms	Lexical items explicitly encoding cultural values and moral frameworks central to Spanish cultural identity	"respeto," "dignidad," "honor," "vergüenza," "orgullo"	"respect," "dignity," "honour," "shame," "pride"	Value semantic field analysis + cultural axiological mapping	Directly instantiates cultural value systems in evaluative assessment
	Regional Expressions	Dialectal and regional linguistic markers signaling geographic cultural positioning and local identity	"molar," "guay," "chachi," "flipar," "estar piripi"	"to be cool," "awesome," "great," "to freak out," "to be tipsy"	Regional dialect detection + geographic linguistic variation analysis	Signals regional cultural affiliation affecting evaluative authenticity
Digital Discourse	Thread Positioning Signals	Metalinguistic markers indicating structural position within digital conversation and discourse organization	"abro hilo," "como decía antes," "siguiendo el hilo," "cierro hilo"	"opening thread," "as I was saying," "following the thread," "closing thread"	Discourse marker detection + conversation structure analysis	Establishes evaluative context within ongoing digital dialogue
	Multimodal Elements	Non-textual semiotic resources (emojis, images, GIFs) that modify, intensify, or recontextualize textual evaluative meaning	😂, 😏, 🤔, 🙄, 🙊	laughing emoji, eye-roll emoji, clapping emoji, flexing emoji, clown emoji	Computer vision + emoji sentiment analysis + multimodal integration	Modulates evaluative polarity and intensity through visual-textual interaction
	Platform-specific Conventions	Format elements and interactive features specific to particular platforms that frame evaluative meaning	"RT @usuario," "via @," "#TT," "@ menciones"	"retweet @user," "via @," "trending topic," "@mentions"	Platform API analysis + social media convention detection	Activates platform-specific evaluative norms and interaction patterns

Marker combinations across dimensions create emergent evaluative meanings through what we term "contextual resonance." The phrase "como en la Transición" ("*as in Spain's democratic transition*") (historical) combined with "los progresistas" ("*the progressives*") (political) and 🤖 (digital) generates a complex evaluative framework that requires simultaneous access to multiple contextual knowledge bases.

Illustrative Inventory of Appraisal and Cultural Markers

Interpreting evaluative meaning in Spanish crisis discourse requires identifying the linguistic cues that typically signal Attitude (Affect, Judgment, Appreciation) and culturally embedded evaluative triggers. The following inventory presents representative examples of these markers as they appeared in the DANA corpus. It is not intended as an exhaustive lexicon, but rather as a demonstration of the types of expressions that guide appraisal interpretation within the framework of Martin and White [5].

Affect expressions in the corpus were often direct emotional reactions to institutional actions, crisis events, or political actors. Table 2 presents typical markers.

Table 2. Illustrative affect markers

Subtype	Spanish Examples	English Rendering	Appraisal Function
Dis/satisfaction	"¡Vaya tela!," "qué desastre," "así no avanzamos"	" <i>What a mess!</i> ," " <i>what a disaster</i> ," " <i>we can't progress like this</i> "	Signals frustration, displeasure, or negative emotional stance
In/security	"da miedo," "intranquilidad," "es para preocuparse"	" <i>It's scary</i> ," " <i>unease</i> ," " <i>something to worry about</i> "	Encodes emotional instability, fear, or perceived threat
Happiness/Relief	"menos mal," "alivio," "gracias por estar"	" <i>good thing</i> ," " <i>relief</i> ," " <i>thanks for being here</i> "	Expresses reassurance, gratitude, or positive emotional evaluation

These expressions frequently appeared alongside emojis (e.g., 😡, 😞, 🙏), which intensified or modified the affective force.

Judgment was the most frequent Attitude type in the dataset, encompassing evaluations of moral conduct, institutional responsibility, competence, and tenacity. Table 3 presents representative markers.

Table 3. Illustrative judgement markers

Subcategory	Spanish Examples	English Rendering	Appraisal Function
Propriety	"vergüenza," "ridículo," "poca dignidad," "no dio la cara," "ausente"	" <i>shame</i> ," " <i>ridiculous</i> ," " <i>little dignity</i> ," " <i>did not show up</i> ," " <i>absent</i> "	Evaluates ethical norms, moral obligations, and breaches of institutional duty
Capacity	"echó pelotas," "dio la cara," "aguantó," "estuvo ahí"	" <i>showed guts</i> ," " <i>faced the situation</i> ," " <i>held on</i> ," " <i>was there</i> "	Assesses persistence and resilience, often tied to civic responsibility
Tenacity	"incapaz," "fracasó," "no supo gestionar," "ineficiencia"	" <i>incapable</i> ," " <i>failed</i> ," " <i>did not know how to manage</i> ," " <i>inefficiency</i> "	Evaluates competence and effectiveness in crisis management
Veracity	"mentira," "manipulación," "cuento," "falso"	" <i>lie</i> ," " <i>manipulation</i> ," " <i>story</i> ," " <i>false</i> "	Judges honesty, credibility, and truthfulness

Implicit Judgment frequently emerged through understatement, irony, or omission. For instance, "no fue invitado" ("*wasn't invited*") functioning as an indirect sanction of political propriety.

Appreciation markers evaluated actions, crisis responses, symbolic gestures, and the perceived quality of institutional performance (Table 4).

Spanish crisis discourse often activates culturally shared evaluative frameworks. Several recurring triggers influenced appraisal interpretation (Table 5).

Table 4. Illustrative appreciation markers

Subtype	Spanish Examples	English Rendering	Function
Reaction	"gesto bonito," "detalle," "triste escena"	"nice gesture," "detail," "sad scene"	Aesthetic or emotional response to events and symbolic acts
Valuation	"acto importante," "papel clave," "momentos complicados"	"important act," "key role," "difficult moments"	Evaluates significance or social value of actions
Composition	"bien organizado," "mal planteado," "caos total"	"well organized," "poorly planned," "total chaos"	Evaluates coherence, planning, and structural quality

Table 5. Cultural and contextual triggers relevant to appraisal

Cultural Trigger	Example Expression	English Rendering	Cultural Significance	Evaluative Effect
Honour and dignity norms	"vergüenza ajena," "sin dignidad"	"vicarious shame," "without dignity"	Social expectations of institutional comportment	Strengthens negative propriety judgments
Collective identity	"estamos juntos en esto," "todos a una"	"we're in this together," "all as one"	Community-oriented ethos and shared responsibility	Amplifies positive/negative judgments via collective framing
Symbolic monarchy roles	"los Reyes se quedaron," "estuvieron presentes"	"the King and Queen stayed," "they were present"	Expectations tied to Spain's ceremonial monarchy	Reinterprets presence/absence as propriety or tenacity
Crisis duty expectations	"dar la cara," "estar al pie del cañón"	"face the situation," "be on the front line"	Norms of visibility and commitment in emergencies	Activates tenacity and propriety
Strategic exclusion	"no fue invitado," "ausente"	"was not invited," "absent"	Institutional condemnation expressed through omission	Functions as implicit negative propriety

These triggers regularly co-occurred with political identifiers and historical references, shaping evaluative polarity through contextual resonance.

Digital discourse features contributed additional layers of evaluative meaning. Frequent modifiers included:

- Emojis: 🙄 (sarcasm or dismissal), 👏 (praise or ironic applause), 🤡 (ridicule), 💪 (strength/tenacity);
- Hashtags: #vergüenza, #inundaciones, #DANAValencia (framing devices signalling stance);
- Thread markers: "abro hilo," "como decía antes" (structuring evaluative sequences);
- Image/GIF references: used to amplify or invert textual appraisal.

These multimodal elements often intensified Judgment readings or shifted polarity through sarcasm.

Validation of the Proposal

To operationalize our multi-contextual framework and demonstrate its systematic effects on appraisal interpretation, we developed a computational approach integrating graph database contextual modelling with LLM analysis. This implementation bridges theoretical linguistic frameworks with practical Natural Language Processing (NLP) applications, providing both empirical validation and a replicable methodology for context-aware appraisal analysis.

Our validation approach centres on systematic context injection using graph database architecture to model the complex relationships between contextual dimensions and evaluative interpretation. We constructed a comprehensive knowledge graph encoding the five contextual dimensions as interconnected nodes and relationships, enabling structured representation of the contextual complexity inherent in Spanish digital discourse.

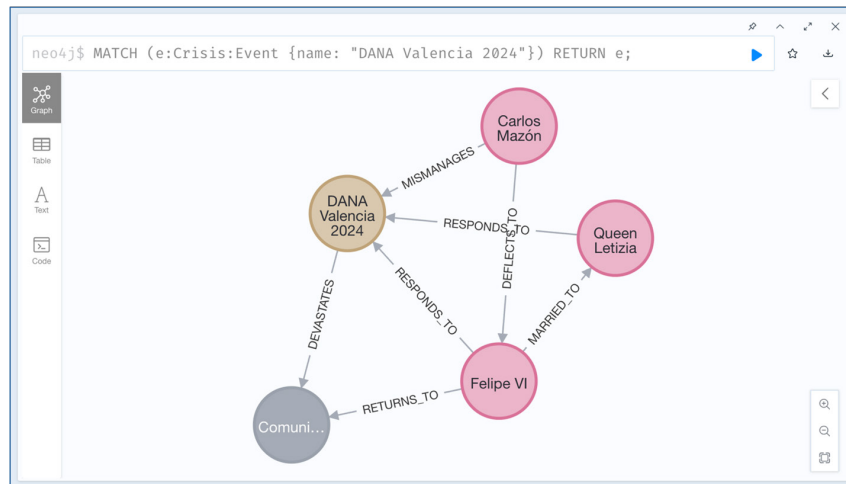

Fig. 2. Fragment of the contextual graph database for the DANA Valencia 2024 crisis

The graph database implementation modelled contextual entities as typed nodes: historical events (Paiporta incident, La Transición), political figures (Sánchez, Felipe VI), cultural concepts (institutional propriety, solidarity norms), social relationships (formality markers), and digital discourse structures (thread positioning, platform conventions). Relationships between nodes captured the theoretical interactions proposed in our framework, with weighted edges representing contextual influence strength based on discourse analysis patterns.

To illustrate the structure of the contextual modelling, Figure 2 displays a fragment of the Neo4j graph centred on the DANA Valencia 2024 Crisis-Event node. The subgraph shows its immediate connections to key contextual entities, including royal figures (Felipe VI, Queen Letizia), political actors (Carlos Mazón), and the affected regional entity. Figure 2 visualises these entities as typed nodes and the relationships between them through labelled edges, providing a concrete example of how heterogeneous contextual elements are represented within the database.

This fragment illustrates how the knowledge graph encodes contextually meaningful relationships that the system later retrieves during appraisal interpretation. Crisis-related behaviours (e.g., RESPONDS_TO, MISMANAGES, DEFLECTS_TO) function as structurally defined links that formalise institutional roles, crisis dynamics, and social expectations. Although only a small portion of the full database is shown, the example demonstrates how contextual associations are modelled and how these connections support targeted, non-redundant context injection during LLM analysis.

The operational value of this graph structure lies in its capacity to support selective, entity-driven context retrieval. When an entity such as Felipe VI or the DANA event is detected in a reply, the system traverses only the locally relevant neighbourhood of connected nodes, extracting relational patterns (e.g., crisis behaviours, institutional roles, territorial impact) as structured contextual metadata. This ensures that the LLM receives precise, discourse-relevant information rather than an undifferentiated dump of background knowledge. By constraining retrieval to the subgraph surrounding the referenced entities, the system avoids context pollution while preserving culturally and institutionally salient cues essential for accurate appraisal interpretation.

For the DANA crisis corpus, the knowledge graph incorporated 847 contextual nodes across all five dimensions, with 2,341 weighted relationships encoding Spanish-specific cultural knowledge, historical precedents, political dynamics, social hierarchies, and digital discourse conventions. This structured representation enabled systematic context injection rather than ad hoc contextual consideration.


```
{
  "contextual_metadata": {
    "political_actor": "King of Spain (Direct engagement)",
    "historical_precedent": "Remained when PM evacuated",
    "cultural_expectation": "Head of State, Captain General Armed Forces",
    "crisis_context": "DANA Valencia 2024 (223 casualties)",
    "symbolic_significance": "High",
    "institutional_contrast": "Higher than any Spanish politician"
  }
}
```

Fig. 3. Sample context extraction for DANA crisis corpus

The knowledge graph operationalizes theoretical relationships through typed nodes and labelled edges with contextual properties. The system performs selective context injection based on entity recognition, retrieving relevant contextual dimensions only when entities are identified in the target posts. Figure 3 illustrates the structured output generated after graph traversal, showing only the contextual slice relevant to the entity 'Felipe VI'. This figure does not represent the entire graph, but the result of multi-dimensional context filtering performed prior to LLM injection.

We employed GPT-4 as the base LLM for appraisal analysis, selected for its superior instruction-following capabilities, robust multilingual performance, and demonstrated capacity for complex contextual reasoning tasks. GPT-4 was selected for contextual framework testing because comparative studies demonstrate that major LLMs exhibit similar cross-cultural limitations, making model choice less critical than framework validation. Cao et al. [48] found that ChatGPT "exhibits a strong alignment with American culture, but adapts less effectively to other cultural contexts," with English prompts systematically reducing cultural variance – a pattern of Western bias documented across state-of-the-art models [4]. While domain-specific performance varies across GPT-4, Claude, and Gemini [16, 49], these differences appear task-specific rather than indicative of fundamental advantages for cross-cultural understanding. We employed GPT-4 as the base LLM for appraisal analysis, selected for its superior instruction-following capabilities, robust multilingual performance, and demonstrated capacity for complex contextual reasoning tasks³.

The computational validation implemented a controlled comparison between context-free and context-enhanced analysis through systematic context injection protocols.

Phase 1: Context-Free Analysis. GPT-4 analysed 200 sampled Spanish social media posts in isolation (without the context), applying Martin and White's appraisal categories [5] through crafted prompts requesting categorization of evaluative expressions as Affect, Judgment, or Appreciation with positive/negative polarity determination (see Figure 4). This phase established baseline LLM performance on Spanish evaluative discourse without contextual enhancement.

Figure 4 corresponds to Phase 1 of the evaluation procedure, showing the baseline prompt used for context-free appraisal analysis before applying contextual metadata.

Phase 2: Context-Enhanced Analysis. For each reply, the system queried the knowledge graph to retrieve relevant contextual metadata across all five dimensions. Graph traversal algorithms identified contextual nodes connected to entities mentioned in the target reply, generating structured contextual summaries including historical background, political relationships, cultural significance, social dynamics, and digital discourse positioning. This contextual metadata was systematically injected via API into GPT-4 prompts through analysis templates (see Figure 5).

³ Although the prompts used to guide the model were written in English, all linguistic material analysed by the LLM remained entirely in Spanish, and GPT-4 was instructed to produce all appraisal classifications exclusively in Spanish. English was selected as the prompt language for methodological reasons: recent evaluations of multilingual LLMs show that models often exhibit higher instruction-following stability and lower variance when task instructions are provided in English, even when processing non-English content [50, 51]. This tendency is not universal – performance varies by language and task – but English prompts frequently minimise misalignment effects caused by instruction parsing rather than linguistic content. We therefore used English solely at the level of metainstructions to ensure consistency and replicability, while keeping the analysed texts and the output language fully in Spanish.


```
You are an expert in Spanish discourse analysis using Appraisal Theory [5].

## POST TO ANALYSE:
"{reply_text}"

## TASK:
Analyse this Spanish social media reply for evaluative language using Martin and White's framework.

## ANALYSIS REQUIREMENTS:

### APPRAISAL ANALYSIS
Identify and categorize evaluative language:
- ATTITUDE: Judgment (Capacity, Tenacity, Veracity, Propriety),
  Affect (Satisfaction, Security, Happiness),
  Appreciation (Reaction, Composition, Valuation)
- ENGAGEMENT: Monogloss vs Heterogloss, Attribution patterns
- GRADUATION: Force and Focus

### OUTPUT FORMAT:
{
  "appraisal_instances": [
    {
      "text_span": "exact evaluative phrase",
      "category": "Judgment:Capacity|Affect:Security|etc",
      "polarity": "positive|negative|neutral"
    }
  ]
}
```

Fig. 4. Prompt for context-free analysis

Figure 5 corresponds to Phase 2 of the procedure, where database-derived contextual metadata is injected into the prompt to enable context-informed appraisal analysis.

To establish the baseline, a Spanish linguistics expert (Universitat Politècnica de València, specializing in digital discourse analysis) independently annotated all 200 posts using Martin and White's framework. The expert coded all instances for attitude category, polarity, and cultural specificity, providing baseline accuracy measurements for computational analysis comparison.

We compared three conditions: GPT-4 without context, GPT-4 with graph database context injection, and expert ground truth. Primary metrics included accuracy of computational conditions against expert annotations, precision and recall for appraisal detection, McNemar's test for statistical significance, and Cohen's d for effect size calculation. Secondary analysis involved expert validation of Spanish-specific patterns and correlation analysis between cultural marker presence and accuracy improvements.

Results

Our analysis demonstrates systematic improvements in LLM appraisal performance through cultural context integration (Table 6). The expert annotation served as the baseline for evaluating computational outputs across conditions.

Context integration significantly improved GPT-4's accuracy from 67.3% to 84.7% against expert annotations (McNemar's test: $p < 0.001$). Table 6 details detection counts and accuracy rates across conditions: context-free analysis, context-enhanced analysis, and expert baseline. The "Detection Increase" column quantifies additional instances surfaced by context (e.g., 111.1% more Judgments as well as 110.8% more total appraisals), while accuracy percentages match to expert codings. To illustrate qualitative improvements, several appraisals that the baseline model either missed or misclassified were detected only after contextual injection. For example:

- "Estar 20 minutos tras el barro y piedras, oye."
"Standing there 20 minutes under mud and stones, listen..."


```
You are analysing Spanish royal crisis discourse using Appraisal Theory with specific focus on evaluation patterns during the DANA Valencia 2024 crisis.

[FORMATTED DATABASE CONTEXT INCLUDING:]
## KEY FIGURES
**Felipe VI**: Role: King of Spain, Leadership Style: Direct engagement,
Crisis Style: Constitutional, Approval Rating: 5.7,
Crisis Management: Remained when PM evacuated

## LOCATIONS
**Paiporta**: DANA Deaths: 62, DANA Impact: Catastrophic,
Public Hostility: High, Royal Visit Date: 2024-11-03

## EVENTS
**DANA Valencia 2024**: Date: 2024-10-29, Casualties: 223,
Political Impact: High, Symbolic Significance: High

## POST TO ANALYSE:
"{reply_text}"

## ANALYSIS REQUIREMENTS:

### APPRAISAL ANALYSIS
Identify and categorize evaluative language using Martin and White's framework:
- ATTITUDE: Judgment (Capacity, Tenacity, Veracity, Propriety),
  Affect (Satisfaction, Security, Happiness),
  Appreciation (Reaction, Composition, Valuation)
- ENGAGEMENT: Monogloss vs Heterogloss, Attribution patterns, Dialogic positioning
- GRADUATION: Force (intensification, quantification), Focus (sharpen, soften)

### CONTEXTUAL INTEGRATION
Using database context: How does this reply relate to specific events, persons, or locations? How do appraisal patterns connect to broader crisis narrative? What institutional relationships are being evaluated?

OUTPUT FORMAT:
{
  "appraisal_instances": [
    {
      "text_span": "exact evaluative phrase",
      "category": "Judgment:Capacity|Affect:Security/etc",
      "polarity": "positive|negative|neutral",
      "contextual_significance": "how database context enhances interpretation"
    }
  ],
  "institutional_positioning": "relationship to royal/political authority",
  "crisis_narrative_connection": "how this fits broader DANA crisis story"
}
```

Fig. 5. Prompt for context enhanced analysis

→ Correctly identified as Positive Judgment: Tenacity, not mere observation.

- "Le creen el dolor a Letizia?"

"Do they believe Letizia's pain?"

→ Detected as Negative Judgment: Veracity, previously labelled as Affect.

These examples demonstrate how culturally anchored cues related to shame, honour, emotional authenticity, and symbolic presence require contextual metadata to be interpreted correctly.

Context proved particularly effective at detecting Appreciation evaluations (215.9% increase) and improving accuracy for negative polarity expressions (63.7% to 83.4%). All categories showed consistent improvement, with context-enhanced analysis achieving over 82% accuracy across all appraisal types, but invoked types lagged slightly (82.6%), suggesting limits in implicit polarity without fuller dialogic Engagement analysis.

A clear example of context-dependent invoked appraisal is the standalone acronym "VERDE". Without contextual metadata, the baseline model classified it as non-evaluative because it appears as a colour term. However, within Spanish discourse and monarchical support registers, the acronym is widely used to mean "Viva El Rey De España" ("Long live the King of Spain"). With context injection,

Table 6. Contextual enhancement with expert validation

	Metric	Annotation				Accuracy in %	
		Context-Free	Context-Enhanced	Expert Baseline	Detection Increase in %	Expert vs. Context-Free	Expert vs. Context-Enhanced
	Total Appraisals	416	877	642	110.8	67.3	84.7
Category	Affect	116	218	142	87.9	71.2	87.3
	Appreciation	44	139	116	215.9	69	85.3
	Judgment	244	515	384	111.1	64.8	83.9
Polarity	Negative	212	371	344	75	63.7	83.4
	Positive	196	457	298	133.2	72.1	86.2
Type	Inscribed	384	812	596	111.5	68.1	85.1
	Invoked	32	65	46	103.1	65.2	82.6

GPT-4 correctly identified it as Positive Appreciation: Valuation and Positive Judgment: Capacity/Propriety signalling symbolic support for the monarch. This demonstrates the necessity of cultural and intertextual context for detecting evaluations encoded in acronymic or formulaic expressions.

Table 7 reveals how context enhancement works beyond just improved accuracy. Beyond detection, context enabled qualitative shifts: surfacing missed appraisals in 116 posts (58%, e.g., invoked propriety in omission like "ausente" as deliberate exclusion) and reclassifying 144 instances (e.g., from Appreciation to Judgment in restraint descriptions). Expert validation confirmed 127 reclassifications (87.8%) as accurate, but 17 (12.2%) were overcorrections (e.g., context inflating tenacity in neutral persistence), highlighting potential for hallucinated cultural inferences.

Table 7. Systematic enhancement through contextual integration

Metric	Context-Free	Context-Enhanced	Expert validation	Change
Posts Analysed	200	200	200	N/A
Additional Detected Appraisals	0	116	N/A	58%
Reclassified Appraisals	164	144	127 confirmed	87.8% of shared

Analysis surfaced five context-dependent patterns shaping Judgment in the corpus (expert rejected Systemic Political Disengagement as non-specific crisis talk, reducing from six). Occurrences and percentages reflect proportion of 196 context-reliant instances; patterns fit Martin and White's framework but require Spanish cultural baselines for polarity/nuance (Table 8).

These patterns, validated in 85.3% of context-specific instances as requiring Spanish knowledge, manifest culturally shaped Judgment applications. Honour-Driven Valor (12% of instances) links personal courage expressions to civic duty expectations – evaluations requiring Spanish cultural knowledge about institutional responsibility. Institutional Moral Disgrace (15.5% of instances) employs shame based terms that reflect Spanish collectivist values about institutional behaviour.

Meaningful Exclusion (9% of instances) achieves criticism through strategic omission – stating someone "no fue invitado" ("wasn't invited") functions as institutional critique requiring understanding of Spanish protocol expectations. Ceremonial Monarchy as Symbolic Leadership (11% of instances) evaluates royal presence during crisis through constitutional monarchy frameworks unique to Spanish political culture.

Table 8. Spanish-specific appraisal patterns

Pattern Label	Appraisal type(s)	Example expressions	English rendering	Cultural significance	Occurrences	%
Honour-Driven Valor	Judgment: Tenacity	"echó pelotas," "dio la cara"	" <i>He showed guts,</i> " " <i>He faced the situation</i> "	Heroism grounded in civic responsibility	24	12
Institutional Moral Disgrace	Judgment: Propriety	"vergüenza," "pena," "ridículo"	" <i>Shame,</i> " " <i>disgrace,</i> " " <i>ridiculous</i> "	Moral judgment of institutional failure	31	15.5
Meaningful Exclusion	Judgment: Propriety	"no fue invitado," "ausente"	" <i>wasn't invited,</i> " " <i>absent</i> "	Critique by deliberate exclusion	18	9
Ceremonial Monarchy as Symbolic Leadership	Judgment: Propriety/ Capacity	"los Reyes se quedaron"	" <i>The Royals stayed</i> "	Elevating symbolic presence as duty	22	11
Institutionally-Aligned Emotional Display	Judgment: Propriety + Affect	"Letizia abraza a las víctimas"	" <i>Letizia embraces the victims</i> "	Emotionally authentic response aligned with institutional norms	42	21
Systemic Political Disengagement	Judgment: Capacity/ Propriety	"Sánchez ha huido," "fracasó"	" <i>Sánchez has fled,</i> " " <i>he failed</i> "	Abandonment of civic duty by political figures	16	8

Institutionally-Aligned Emotional Display (21% of instances – the most common pattern) combines emotional expression with institutional judgment in ways reflecting Spanish cultural norms about collective emotional expression. However, Systemic Political Disengagement (8% of instances) was identified by the expert as general crisis discourse rather than Spanish-specific.

Discussion

Our analysis of Spanish crisis discourse provides empirical evidence for the constitutive role of cultural context in cross-cultural appraisal analysis. The findings address the three research questions, highlighting the potential and limitations of structured contextual integration for enhancing LLM performance in non-English evaluative tasks.

Systematic Context Integration and LLM Performance Enhancement

The systematic integration of multi-dimensional cultural context demonstrates substantial effects on LLM appraisal analysis capabilities, with a 110.8% increase in detected instances (see Table 6) that extends beyond quantitative gains to qualitative interpretative depth. Context-enhanced analysis reveals evaluative complexity invisible to surface-level processing, particularly in the systematic emergence of judgment evaluations embedded within seemingly neutral descriptive language.

As we can see in Example 1, context-free analysis categorizes this as positive affect – emotional reassurance about royal presence. However, contextual integration activating knowledge of Prime Minister Sánchez's evacuation while the monarchy remained transforms the evaluative landscape entirely. The statement becomes complex judgment evaluation encompassing tenacity (persistence under adversity) and propriety (institutional duty fulfillment), demonstrating how cultural knowledge constitutes rather than supplements evaluative meaning.

The predominant transformation involves revelation of implicit judgment evaluations operating through Spanish cultural frameworks for institutional behaviour, collective responsibility, and symbolic leadership. These patterns suggest that Spanish evaluative discourse operates through culturally embedded mechanisms largely invisible to context-free computational analysis.

These findings build upon foundational work in evaluation studies that has long recognized context's crucial role in interpretative processes. Hunston and Thompson [8] established that evaluation

Example 1

Reply:	"Los Reyes se quedaron en la zona afectada mientras otros se marcharon."	"The Royals stayed in the affected area while others left."
Context-Free:	Affect: Security (positive emotional tone, interpreted as reassurance)	
Context-Enhanced:	<ul style="list-style-type: none">• Judgment: Tenacity – persistence in adversity• Judgment: Propriety – ethical commitment to presence• Affect: Admiration – invoked admiration for bravery	

serves multiple functions including expressing community value systems and constructing speaker-hearer relationships, while Martin and White [5] demonstrated how appraisal operates dialogically to position speakers relative to value systems and alternative viewpoints. Our analysis extends these insights by providing systematic evidence for how cultural context transforms evaluative interpretation in computational environments.

The enhancement in appraisal detection provides empirical evidence for Moroshkina's [9] theoretical claim that context can transform neutral language units into evaluative expressions, moving beyond her descriptive account to systematic documentation of transformative processes in Spanish digital discourse. Predominant shifts reveal implicit Judgments in neutral language, yet 12.2% over-corrections (see Table 7) underscore risks of contextual overdetermination, aligning with Tao et al. [4] Western misalignment but exposing LLM vulnerabilities in non-English polarity.

Context-Dependent Evaluation Patterns

Our analysis identifies systematic evaluation patterns that appear distinctively embedded within Spanish cultural frameworks. Honour-driven valor emerges through expressions like "echó pelotas" and "dio la cara" that link personal courage to institutional responsibility in culturally specific ways. These evaluations operate within Martin and White's Judgment: Tenacity category but require Spanish cultural knowledge about civic duty and collective responsibility for accurate interpretation.

Institutional moral disgrace operates through shame-based assessment that reflect Spanish collectivist frameworks emphasizing social harmony and institutional respect. As seen in Example 2, the statement "Sánchez no fue invitado a la ceremonia" demonstrates sophisticated evaluative mechanisms operating through strategic omission rather than explicit criticism. Surface neutrality masks judgment of political propriety: exclusion signals institutional disapproval without requiring explicit condemnation.

Example 2

Reply:	"Sánchez no fue invitado a la ceremonia."	"Sánchez was not invited to the ceremony."
Context-Free:	Factual, neutral report. No appraisal detected.	
Context-Enhanced:	<ul style="list-style-type: none">• Judgment: Propriety (negative) – implies moral impropriety, exclusion as institutional condemnation.• Attitude Modality: Possibly invoked through irony – rhetorical understatement masking criticism.	

Meaningful exclusion achieves evaluative force through cultural knowledge about Spanish institutional protocols and ceremonial significance. Without understanding these frameworks, exclusion statements remain informationally neutral. With contextual activation, they become sophisticated political evaluation achieving critical force through systematic understatement. This pattern occurs consistently across 18 instances in our subcorpus (see Table 8), suggesting systematic rather than isolated phenomena.

Example 3 reveals systematic appraisal reclassification when Spanish cultural contexts activate. Surface analysis categorizes this as appreciation of behavioural restraint. Contextual integration reveals judgment evaluation operating through Spanish frameworks for institutional authority, where

Example 3

Reply:	"Felipe estuvo correcto, sin grandes gestos."	" <i>Felipe was proper, without grand gestures.</i> "
Context-Free:	Appreciation: Valuation – interpreted as a neutral or positive aesthetic comment on restraint and composure.	
Context-Enhanced:	<ul style="list-style-type: none"> • Judgment: Propriety (positive) – behaviour viewed as ethically appropriate, reflecting public expectations of royal dignity. • Judgment: Capacity (optional reading) – possible interpretation of symbolic competence in representing national unity during crisis. • Attitude Modality: Possibly blended – culturally coded masculinity frames emotional restraint as moral strength, especially in patriarchal institutional roles. 	

emotional restraint signals leadership competence during collective trauma. This reclassification pattern – from Appreciation to Judgment – occurs in 87.8% of shared detections (see Table 7), indicating systematic interpretative transformation rather than random variation.

The Spanish-specific patterns we identify provide empirical support for established observations about cultural differences in discourse strategies. Ivorra-Pérez and Giménez-Moreno [39] documented systematic differences between Spanish and English digital discourse, particularly regarding contextual dependence in communication strategies. Our documentation of honour-driven valor, institutional moral disgrace, and meaningful exclusion extends such comparative analysis into evaluative language territory, demonstrating how Spanish cultural frameworks systematically shape appraisal beyond surface linguistic features.

The emergence of strategic omission as evaluative practice aligns with Van Dijk's [21] socio-cognitive framework for understanding how political contexts shape discourse positioning strategies. Our analysis provides specific mechanisms through which Spanish political culture achieves evaluative force through systematic understatement, offering empirical grounding for theoretical frameworks about context-dependent meaning while identifying culturally specific manifestations requiring specialized analytical approaches.

Structured Context Injection and Computational Enhancement

The graph database approach demonstrates significant potential for improving cross-cultural appraisal analysis accuracy through structured context injection. The systematic context injection protocol reveals interpretative transformations invisible to ad hoc contextual approaches. Historical events like the DANA crisis activate complex relationship networks connecting institutional figures, geographical locations, cultural values, and political dynamics. The graph structure captures these multidimensional relationships representing contextual influence strength, enabling dynamic context retrieval rather than static information provision. This operationalizes KhosraviNik [22] social-computational integration, validating Zhang [11] dependency arguments.

While our computational validation demonstrates clear performance improvements, future research would benefit from additional validation approaches. The systematic reclassification of 87.8% of shared detections provides strong evidence for contextual enhancement effects, though future multi-coder ICR needed for pattern consistency.

Methodological Limitations and Future Directions

Several methodological constraints limit the generalizability of this study. The corpus comprises 200 posts from a single crisis event, which restricts the scope of claims that can be made about broader Spanish evaluative discourse. The dataset was intentionally bounded to enable controlled comparison between context-free and context-augmented conditions, but larger and multi-event corpora will be required for more robust generalization. Token-length distribution, thematic scope, and sampling window have been specified to clarify the characteristics of the dataset.

A further limitation concerns the use of a single expert annotator. Although multi-annotator designs are the preferred standard for assessing inter-coder reliability, single-coder annotation is sometimes

employed in exploratory and pilot-stage linguistic studies, where the primary goal is methodological development and internal consistency [46, 52, 53]. Nonetheless, this design necessarily limits conclusions about annotation stability across coders. Future work will therefore adopt multi-annotator protocols, including double-blind coding, adjudication procedures, and inter-coder reliability metrics such as Krippendorff's α , to strengthen the robustness of the appraisal annotations.

In addition, although the computational validation demonstrates consistent improvements under context-augmented conditions, larger datasets and independent expert evaluation will be needed to fully assess interpretive robustness. Extending the analysis to multiple crisis contexts and to Spanish varieties beyond the Peninsular domain will further test the generality of the proposed framework. Integrating the contextual-graph approach with established Spanish discourse-analytic models may also help consolidate theoretical alignment.

Author Contribution and Study Significance

This study makes three key contributions. First, it provides empirical evidence that culturally structured context substantially enhances LLM-based appraisal interpretation in Spanish crisis discourse, improving accuracy from 67.3% to 84.7%. Second, it identifies five culturally embedded evaluation patterns – honour-driven tenacity, institutional moral disgrace, emotional authenticity, collectivist propriety, and symbolic valuation – that shape Judgment in Spanish digital communication and are not detectable through English-centric or context-free approaches. Third, it proposes a reproducible graph-based context-injection workflow that integrates cultural, institutional, and historical meta-data into LLM processing. These contributions advance both computational appraisal analysis and cross-cultural LLM evaluation.

Conclusions

This study advances the linguistic description of evaluative meaning in Peninsular Spanish crisis discourse and demonstrates how appraisal resources behave in digital environments. The analysis identifies five discourse-level appraisal patterns – institutional moral sanction, honour-linked tenacity, emotional authenticity judgments, collectivist responsibility, and symbolic valuation – that structure Judgment and Graduation in Spanish crisis communication. These findings refine the understanding of how evaluative stance is encoded in Spanish, showing that key Judgment subtypes (especially Propriety, Capacity, and Tenacity) are activated through interactional cues, rhetorical framing, and discourse sequencing rather than through lexical items alone. In doing so, the study contributes new empirical evidence to Appraisal Theory and offers a more detailed linguistic characterisation of evaluation in crisis-related communication.

In direct response to the research questions, the findings demonstrate that incorporating discourse-level contextual information substantially improves the linguistic interpretation of appraisal in Spanish. Regarding RQ1, integrating structured contextual cues enhanced the accuracy of Judgment detection, particularly Propriety and Capacity, by enabling the model to recognise evaluative configurations grounded in discourse organisation rather than lexicon-only patterns. For RQ2, the results show that the appraisal patterns identified here (e.g., institutional propriety, moral accountability, leadership legitimacy, crisis-response expectations) rely on pragmatic and interactional cues that must be made explicit for correct polarity and target assignment. For RQ3, the context-augmented model consistently outperformed the baseline, producing more stable polarity assignments and richer linguistic coherence across posts, indicating that context-sensitive modelling supports more precise, linguistically faithful appraisal annotation in Spanish.

Methodologically, the study demonstrates that context-informed modelling has clear benefits for linguistic analysis: accuracy improved from 67.3% to 84.7%, and implicit Judgments, often missed in surface-level appraisal extraction, were more reliably detected. This workflow illustrates how computational tools can meaningfully support theory-driven linguistic analysis when designed to preserve linguistic nuance rather than prioritise general-purpose predictions.

Future work should expand the corpus size and include multi-coder reliability assessment to test the stability of the appraisal patterns across Spanish varieties. Further comparative studies across Romance and Slavic languages may clarify to what extent the evaluation patterns observed here are language-specific or cross-linguistically recurrent. Overall, the study contributes both new empirical insights into Spanish evaluative discourse and a replicable approach to integrating Appraisal Theory with computational linguistic methods.

REFERENCES

- [1] **Bigelow E.J., Lubana E.S., Dick R.P., Tanaka H., Ullman T.D.**, In-Context Learning Dynamics with Random Binary Sequences, arXiv:2310.17639v3, 2023. DOI: 10.48550/ARXIV.2310.17639
- [2] **Wibisono K.C., Wang, Y.**, From Unstructured Data to In-Context Learning: Exploring What Tasks Can Be Learned and When, arXiv:2406.00131v2, 2024. DOI: 10.48550/ARXIV.2406.00131
- [3] **Naous T., Xu W.**, On The Origin of Cultural Biases in Language Models: From Pre-training Data to Linguistic Phenomena, arXiv:2501.04662v1, 2025. DOI: 10.48550/ARXIV.2501.04662
- [4] **Tao Y., Viberg O., Baker R.S., Kizilcec R.F.**, Cultural bias and cultural alignment of large language models, PNAS Nexus, 3 (9) (2024) pgae346. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgae346
- [5] **Martin J.R., White P.R.R.**, The Language of Evaluation: Appraisal in English, Palgrave Macmillan, New York, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910
- [6] **Bednarek M.**, Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus, Continuum, London, 2006.
- [7] **Puspita D., Pranoto B.E.**, The attitude of Japanese newspapers in narrating disaster events: Appraisal in critical discourse study, Studies in English Language and Education, 8 (2) (2021) 796–817. DOI: 10.24815/siele.v8i2.18368
- [8] Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse, ed. by S. Hunston, G. Thompson, Oxford University Press, Oxford, 2000. DOI: 10.1093/oso/9780198238546.001.0001
- [9] **Moroshkina H.**, Specificities of the Mutual Influence of Context and Assessment in French Evaluative Utterances, Advanced Education, 12 (2019) 244–248. DOI: 10.20535/2410-8286.148506
- [10] **Ingendahl M., Woitzel J., Propheter N., Wänke M., Alves H.**, From Deviant Likes to Reversed Effects: Re-Investigating the Contribution of Unaware Evaluative Conditioning to Attitude Formation, Collabra: Psychology, 9 (1) (2023) 87462. DOI: 10.1525/collabra.87462
- [11] **Zhang, D.**, Evaluation in Context, Australian Journal of Linguistics, 37 (1) (2017) 76–80. DOI: 10.1080/07268602.2015.1091282
- [12] **Moran T., Nudler Y., Bar-Anan Y.**, Evaluative Conditioning: Past, Present, and Future, Annual Review of Psychology, 74 (2023) 245–269. DOI: 10.1146/annurev-psych-032420-031815
- [13] **Kareem R., Farhan H.**, The Language of Evaluation in Jose Saramago’s Blindness via Appraisal Theory, International Linguistics Research, 5 (1) (2022) 25–36. DOI: 10.30560/ilr.v5n1p25
- [14] **Lim W., Wu Q.**, Vague language and context dependence, Frontiers in Behavioral Economics, 2 (2023) 1014233. DOI: 10.3389/frbhe.2023.1014233
- [15] **Tilakaratna N., Mahboob A.**, Appraisal in the time of conflict, Linguistics and the Human Sciences, 8 (1) (2013) 63–90. DOI: 10.1558/lhs.v8i1.63
- [16] **Liu H., Cao Y., Wu X., Qiu C., Gu J., Liu M., Hershcovich D.**, Towards realistic evaluation of cultural value alignment in large language models: Diversity enhancement for survey response simulation, Information Processing & Management, 62 (4) (2025) 104099. DOI: 10.1016/j.ipm.2025.104099
- [17] **Gupta V., Chowdhury S.P., Zouhar V., Rooein D., Sachan M.**, Multilingual Performance Biases of Large Language Models in Education, arXiv:2504.17720v2, 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2504.17720
- [18] **Hengle A., Bajpai P., Dan S., Chakraborty T.**, Can LLMs reason over extended multilingual contexts? Towards long-context evaluation beyond retrieval and haystacks, arXiv:2504.12845v1, 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2504.12845
- [19] **Huang Z., Zhu W., Cheng G., Li L., Yuan F.**, MindMerger: Efficient Boosting LLM Reasoning in non-English Languages, arXiv:2405.17386v1, 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2405.17386
- [20] **Diethei D., Colley A., Wienert, J., Schoning J.**, Different Length, Different Needs: Qualitative Analysis of Threads in Online Health Communities, 2022 IEEE 10th International Conference on Healthcare Informatics (ICHI), Rochester, MN, 2022, pp. 348–356. DOI: 10.1109/ICHI54592.2022.00056

- [21] **Van Dijk T.A.**, *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*, Cambridge University Press, Cambridge, 2008.
- [22] *Social Media and Society: Integrating the digital with the social in digital discourse*, ed. by M. KhosraviNik, John Benjamins Publishing Company, 2023. DOI: 10.1075/dapsac.100
- [23] **Manca E.**, *Context and Language*, Università del Salento, 2012.
- [24] **Felbo B., Mislove A., Søgaard A., Rahwan I., Lehmann S.**, Using millions of emoji occurrences to learn any-domain representations for detecting sentiment, emotion and sarcasm, *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Copenhagen, 2017, pp. 1615–1625. DOI: 10.18653/v1/D17-1169
- [25] **Sykes J.M.**, Emergent Digital Discourses: What Can We Learn From Hashtags and Digital Games to Expand Learners' Second Language Repertoire?, *Annual Review of Applied Linguistics*, 39 (2019) 128–145. DOI: 10.1017/S0267190519000138
- [26] **Zappavigna M., Logi L.**, *Emoji and Social Media Paralanguage*, Cambridge University Press, Cambridge, 2024. DOI: 10.1017/9781009179829
- [27] **Hadour T.**, The pragmatics of hashtags in French tweets, *Internet Pragmatics*, 8 (1) (2025) 86–112. DOI: 10.1075/ip.00117.had
- [28] **Du Bois J.W.**, Towards a dialogic syntax, *Cognitive Linguistics*, 25 (3) (2014) 359–410. DOI: 10.1515/cog-2014-0024
- [29] **Pöldvere N., Johansson V., Paradis C.**, Resonance in dialogue: The interplay between intersubjective motivations and cognitive facilitation, *Language and Cognition*, 13 (4) (2021) 643–669. DOI: 10.1017/langcog.2021.16
- [30] **Kamsinah N.N., Nuraziza A.**, Pragmatic Analysis in Digital Communication: A Case Study of Language Use on Social Media, *International Journal of Economics, Commerce, and Management*, 1 (4) (2024) 375–383. DOI: 10.62951/ijecm.v1i4.259
- [31] **Eragamreddy Dr.N.**, Exploring Pragmatics: Uncovering the Layers of Language and Meaning, *International Journal of Current Science Research and Review*, 7 (3) (2024) 1886–1895. DOI: 10.47191/ijcsrr/V7-i3-50
- [32] **Eke C., Asak M., Adeyem O.**, Pragmatics and Communication in the Digital Age: A Focus on the Nigerian Experience, *Advance Journal of Linguistics and Mass Communication*, 9 (2) (2025) 34–52. Available at: <https://aspjournals.org/Journals/index.php/Ajlmc/article/view/1057> (accessed 08.12.2025).
- [33] **Herring S.C.**, The Coevolution of Computer-Mediated Communication and Computer-Mediated Discourse Analysis, *Analyzing Digital Discourse*, ed. by P. Bou-Franch, P. Garcés-Conejos Blitvich, Palgrave Macmillan, Cham, 2019, 25–67. DOI: 10.1007/978-3-319-92663-6_2
- [34] **Kopf S.**, Unravelling social media critical discourse studies (SM-CDS) – four approaches to studying social media through the critical lens, *Critical Discourse Studies*, (2025) 1–18. DOI: 10.1080/17405904.2025.2463622
- [35] **Bisk Y., Holtzman A., Thomason J., Andreas J., Bengio Y., Chai J., Lapata M., Lazari-dou A., May J., Nisnevich A., Pinto N., Turian J.**, Experience Grounds Language, *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*, Online, 2020, pp. 8718–8735. DOI: 10.18653/v1/2020.emnlp-main.703
- [36] **Sap M., Gabriel S., Qin L., Jurafsky D., Smith N.A., Choi Y.**, Social Bias Frames: Reasoning about Social and Power Implications of Language, *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, Online, 2020, pp. 5477–5490. DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.486
- [37] **Asher N., Lascarides A.**, *Logics of Conversation*, Cambridge University Press, Cambridge, 2005.
- [38] **Aquino Y., Bento P., Buzelin A., Dayrell L., Malaquias, S., Santana C., Estanislau V., Dutenhofner P., Evangelista G.H.G., Porfírio L.G., Grossi C.S., Rigueira P.B., Almeida V., Pappa G.L., Meira W.**, *Discord Unveiled: A Comprehensive Dataset of Public Communication (2015–2024)* // arXiv:2502.00627v1. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2502.00627
- [39] **Ivorra-Pérez F.M., Giménez-Moreno R G.-M.**, The level of context dependence of engagement markers in Peninsular Spanish and US business websites, *Revista de Lenguas Para Fines Específicos*, 24.2 (2018) 38–53. DOI: 10.20420/rlfe.2018.364
- [40] **Lage A.H., Diego Á.R.**, La oralización de textos digitales: Usos no normativos en conversaciones instantáneas por escrito, *Caracteres: Estudios Culturales y Críticos de La Esfera Digital*, 2 (2) (2013) 92–108.

- [41] **Alarcón Silva M., Cárdenas Neira C.**, Convocatoria de protesta a través de Instagram, un análisis socio cognitivo de estrategias discursivas en el contexto del movimiento social en Chile (2019–2020), *Revista Latina de Comunicación Social*, 79 (2021) 127–149. DOI: 10.4185/RLCS-2021-1524
- [42] **Deas N., Turcan E., Mejia I.E.P., McKeown K.**, MASIVE: Open-Ended Affective State Identification in English and Spanish, *Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Miami, FL, 2024, pp. 20467–20485. DOI: 10.18653/v1/2024.emnlp-main.1139
- [43] **Millán-Franco M., Domínguez De La Rosa L., Gómez-Jacinto L., Hombrados-Mendieta M.I., García-Cid A.**, Análisis discursivo sobre el sentido de comunidad de los latinoamericanos en Málaga, *Migraciones internacionales*, 12, (2021) 5. DOI: 10.33679/rmi.v1i1.2137
- [44] **Águila Díaz J.**, Los efectos perniciosos de una identidad colectiva excluyente. El caso del rap español, *Encrucijadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales*, 23 (3) (2024) v2301. Available at: <https://recyt.fecyt.es/index.php/encrucijadas/article/view/96747> (accessed 08.12.2025).
- [45] **Falconi Calvachi F.R., Velásquez Cajas Á.P., Lema Flores K.M., Lomas Chacón P.E.**, Análisis crítico del discurso intercultural en Facebook. Caso ‘Conaie Comunicación’, *Culturas Revista de Gestión Cultural*, 8 (2) (2021) 101–122. DOI: 10.4995/cs.2021.16529
- [46] **Krippendorff K.**, *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*, SAGE Publications, Inc., Thousand Oaks, CA, London, New Delhi, 2019. DOI: 10.4135/9781071878781
- [47] **McHugh M.L.**, Interrater reliability: The kappa statistic, *Biochemia Medica*, 22 (2012) 276–282. DOI: 10.11613/bm.2012.031
- [48] **Cao Y., Zhou L., Lee S., Cabello L., Chen M., Hershovich D.**, Assessing Cross-Cultural Alignment between ChatGPT and Human Societies: An Empirical Study, *Proceedings of the First Workshop on Cross-Cultural Considerations in NLP (C3NLP)*, ed. by S. Dev, V. Prabhakaran, D. I. Adelani, D. Hovy, L. Benotti, Association for Computational Linguistics, Dubrovnik, 2023, pp. 53–67. DOI: 10.18653/v1/2023.c3nlp-1.7
- [49] **Ashrafimoghari M., Doroudi S., Tabatabaei S.M.S., Valipour M.**, Comparative analysis of GPT-4, Gemini AI, and Claude: Strengths and weaknesses in content generation. SSRN, 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4681307
- [50] **Moroni L., Aula-Blasco J., Conia S., Baucells I., Perez N., Suárez S.P., Sallés A., Ostendorff M., Falcão J., Son G., Gonzalez-Agirre A., Navigli R., Villegas M.**, Multi-LMentry: Can Multilingual LLMs Solve Elementary Tasks Across Languages?, *Proceedings of the 2025 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Suzhou, 2025, pp. 34114–34145. DOI: 10.18653/v1/2025.emnlp-main.1731
- [51] **Schut L., Gal Y., Farquhar S.**, Do Multilingual LLMs Think In English?, *arXiv:2502.15603v1*, 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2502.15603
- [52] **Anglin K., Boguslav A., Hall T.**, Improving the Science of Annotation for Natural Language Processing: The Use of the Single-Case Study for Piloting Annotation Projects, *Journal of Data Science*, 20 (3) (2022) 339–357. DOI: 10.6339/22-JDS1054
- [53] **Artstein R., Poesio M.**, Inter-Coder Agreement for Computational Linguistics, *Computational Linguistics*, 34 (4) (2008) 4. DOI: 10.1162/coli.07-034-R2

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Bigelow E.J., Lubana E.S., Dick R.P., Tanaka H., Ullman T.D.** In-Context Learning Dynamics with Random Binary Sequences // *arXiv:2310.17639v3*. 2023. DOI: 10.48550/ARXIV.2310.17639
2. **Wibisono K.C., Wang Y.** From Unstructured Data to In-Context Learning: Exploring What Tasks Can Be Learned and When // *arXiv:2406.00131v2*. 2024. DOI: 10.48550/ARXIV.2406.00131
3. **Naous T., Xu W.** On The Origin of Cultural Biases in Language Models: From Pre-training Data to Linguistic Phenomena // *arXiv:2501.04662v1*. 2025. DOI: 10.48550/ARXIV.2501.04662
4. **Tao Y., Viberg O., Baker R.S., Kizilcec R.F.** Cultural bias and cultural alignment of large language models // *PNAS Nexus*. 2024. Vol. 3, Iss. 9. Art. no. pgae346. DOI: 10.1093/pnasnexus/pgae346
5. **Martin J.R., White P.R.R.** *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p. DOI: 10.1057/9780230511910
6. **Bednarek M.** *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus*. London: Continuum, 2006. 253 p.

7. **Puspita D., Pranoto B.E.** The attitude of Japanese newspapers in narrating disaster events: Appraisal in critical discourse study // *Studies in English Language and Education*. 2021. Vol. 8, No. 2. P. 796–817. DOI: 10.24815/siele.v8i2.18368
8. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse* / ed. by S. Hunston, G. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2000. 238 p. DOI: 10.1093/oso/9780198238546.001.0001
9. **Moroshkina H.** Specificities of the Mutual Influence of Context and Assessment in French Evaluative Utterances // *Advanced Education*. 2019. Iss. 12. P. 244–248. DOI: 10.20535/2410-8286.148506
10. **Ingendahl M., Woitzel J., Propheter N., Wänke M., Alves H.** From Deviant Likes to Reversed Effects: Re-Investigating the Contribution of Unaware Evaluative Conditioning to Attitude Formation // *Collabra: Psychology*. 2023. Vol. 9, Iss. 1. Art. no. 87462. DOI: 10.1525/collabra.87462
11. **Zhang D.** Evaluation in Context // *Australian Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 37, Iss. 1. P. 76–80. DOI: 10.1080/07268602.2015.1091282
12. **Moran T., Nudler Y., Bar-Anan Y.** Evaluative Conditioning: Past, Present, and Future // *Annual Review of Psychology*. 2023. Vol. 74. P. 245–269. DOI: 10.1146/annurev-psych-032420-031815
13. **Kareem R., Farhan H.** The Language of Evaluation in Jose Saramago's *Blindness* via Appraisal Theory // *International Linguistics Research*. 2022. Vol. 5, No. 1. P. 25–36. DOI: 10.30560/ilr.v5n1p25
14. **Lim W., Wu Q.** Vague language and context dependence // *Frontiers in Behavioral Economics*. 2023. Vol. 2. Art. no. 1014233. DOI: 10.3389/frbhe.2023.1014233
15. **Tilakaratna N., Mahboob A.** Appraisal in the time of conflict // *Linguistics and the Human Sciences*. 2013. Vol. 8, Iss. 1. P. 63–90. DOI: 10.1558/lhs.v8i1.63
16. **Liu H., Cao Y., Wu X., Qiu C., Gu J., Liu M., Hershcovich D.** Towards realistic evaluation of cultural value alignment in large language models: Diversity enhancement for survey response simulation // *Information Processing & Management*. 2025. Vol. 62, No. 4. Art. no. 104099. DOI: 10.1016/j.ipm.2025.104099
17. **Gupta V., Chowdhury S.P., Zouhar V., Rooein D., Sachan M.** Multilingual Performance Biases of Large Language Models in Education // *arXiv:2504.17720v2*. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2504.17720
18. **Hengle A., Bajpai P., Dan S., Chakraborty T.** Can LLMs reason over extended multilingual contexts? Towards long-context evaluation beyond retrieval and haystacks // *arXiv:2504.12845v1*. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2504.12845
19. **Huang Z., Zhu W., Cheng G., Li L., Yuan F.** MindMerger: Efficient Boosting LLM Reasoning in non-English Languages // *arXiv:2405.17386v1*. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2405.17386
20. **Diethel D., Colley A., Wienert J., Schoning J.** Different Length, Different Needs: Qualitative Analysis of Threads in Online Health Communities // 2022 IEEE 10th International Conference on Healthcare Informatics (ICHI). Rochester, MN, 2022. P. 348–356. DOI: 10.1109/ICHI54592.2022.00056
21. **Van Dijk T.A.** *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 283 p.
22. *Social Media and Society: Integrating the digital with the social in digital discourse* // ed. by M. KhosraviNik. John Benjamins Publishing Company, 2023. 210 p. DOI: 10.1075/dapsac.100
23. **Manca E.** *Context and Language*. Università del Salento, 2012. 105 p.
24. **Felbo B., Mislove A., Søgaard A., Rahwan I., Lehmann S.** Using millions of emoji occurrences to learn any-domain representations for detecting sentiment, emotion and sarcasm // *Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Copenhagen, 2017. P. 1615–1625. DOI: 10.18653/v1/D17-1169
25. **Sykes J.M.** Emergent Digital Discourses: What Can We Learn From Hashtags and Digital Games to Expand Learners' Second Language Repertoire? // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2019. Vol. 39. P. 128–145. DOI: 10.1017/S0267190519000138
26. **Zappavigna M., Logi L.** *Emoji and Social Media Paralanguage*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 252 p. DOI: 10.1017/9781009179829
27. **Hadour T.** The pragmatics of hashtags in French tweets // *Internet Pragmatics*. 2025. Vol. 8, Iss. 1. P. 86–112. DOI: 10.1075/ip.00117.had
28. **Du Bois J.W.** Towards a dialogic syntax // *Cognitive Linguistics*. 2014. Vol. 25, Iss. 3. P. 359–410. DOI: 10.1515/cog-2014-0024
29. **Pöldvere N., Johansson V., Paradis C.** Resonance in dialogue: The interplay between intersubjective motivations and cognitive facilitation // *Language and Cognition*. 2021. Vol. 13, Iss. 4. P. 643–669. DOI: 10.1017/langcog.2021.16

30. **Kamsinah N.N., Nuraziza A.** Pragmatic Analysis in Digital Communication: A Case Study of Language Use on Social Media // *International Journal of Economics, Commerce, and Management*. 2024. Vol. 1, Iss. 4. P. 375–383. DOI: 10.62951/ijecm.v1i4.259
31. **Eragamreddy Dr.N.** Exploring Pragmatics: Uncovering the Layers of Language and Meaning // *International Journal of Current Science Research and Review*. 2024. Vol.7, No. 3. P. 1886–1895. DOI: 10.47191/ijcsrr/V7-i3-50
32. **Eke C., Asak M., Adeyem O.** Pragmatics and Communication in the Digital Age: A Focus on the Nigerian Experience // *Advance Journal of Linguistics and Mass Communication*. 2025. Vol. 9, No. 2. P. 34–52. URL: <https://aspjournals.org/Journals/index.php/Ajlmc/article/view/1057> (дата обращения: 08.12.2025).
33. **Herring S.C.** The Coevolution of Computer-Mediated Communication and Computer-Mediated Discourse Analysis // *Analyzing Digital Discourse* / ed. by. P. Bou-Franch, P. Garcés-Conejos Blitvich. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 25–67. DOI: 10.1007/978-3-319-92663-6_2
34. **Kopf S.** Unravelling social media critical discourse studies (SM-CDS) – four approaches to studying social media through the critical lens // *Critical Discourse Studies*. 2025. P. 1–18. DOI: 10.1080/17405904.2025.2463622
35. **Bisk Y., Holtzman A., Thomason J., Andreas J., Bengio Y., Chai J., Lapata M., Lazaridou A., May J., Nisnevich A., Pinto N., Turian J.** Experience Grounds Language // *Proceedings of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP)*. Online, 2020. P. 8718–8735. DOI: 10.18653/v1/2020.emnlp-main.703
36. **Sap M., Gabriel S., Qin L., Jurafsky D., Smith N.A., Choi Y.** Social Bias Frames: Reasoning about Social and Power Implications of Language // *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Online, 2020. P. 5477–5490. DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.486
37. **Asher N., Lascarides A.** *Logics of Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 526 p.
38. **Aquino Y., Bento P., Buzelin A., Dayrell L., Malaquias S., Santana C., Estanislau V., Dutenhefner P., Evangelista G.H.G., Porfirio L.G., Grossi C.S., Rigueira P.B., Almeida V., Pappa G.L., Meira W.** Discord Unveiled: A Comprehensive Dataset of Public Communication (2015–2024) // *arXiv:2502.00627v1*. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2502.00627
39. **Ivorra-Pérez F.M., Giménez-Moreno R.G.-M.** The level of context dependence of engagement markers in Peninsular Spanish and US business websites // *Revista de Lenguas Para Fines Específicos*. 2018. Vol. 24.2. P. 38–53. DOI: 10.20420/rlfe.2018.364
40. **Lage A.H., Diego Á.R.** La oralización de textos digitales: Usos no normativos en conversaciones instantáneas por escrito // *Caracteres: Estudios Culturales y Críticos de La Esfera Digital*. 2013. Vol. 2, Núm. 2. P. 92–108.
41. **Alarcón Silva M., Cárdenas Neira C.** Convocatoria de protesta a través de Instagram, un análisis socio cognitivo de estrategias discursivas en el contexto del movimiento social en Chile (2019–2020) // *Revista Latina de Comunicación Social*. 2021. Núm. 79. P. 127–149. DOI: 10.4185/RLCS-2021-1524
42. **Deas N., Turcan E., Mejia I.E.P., McKeown K.** MASIVE: Open-Ended Affective State Identification in English and Spanish // *Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Miami, FL, 2024, pp. 20467–20485. DOI: 10.18653/v1/2024.emnlp-main.1139
43. **Millán-Franco M., Domínguez De La Rosa L., Gómez-Jacinto L., Hombrados-Mendieta M.I., García-Cid A.** Análisis discursivo sobre el sentido de comunidad de los latinoamericanos en Málaga // *Migraciones internacionales*. 2021. Vol. 12. Art. núm. 5. DOI: 10.33679/rmi.v1i1.2137
44. **Águila Díaz J.** Los efectos perniciosos de una identidad colectiva excluyente. El caso del rap español. Encrucijadas // *Revista Crítica de Ciencias Sociales*. 2024. Vol. 23, Núm. 3. Art. núm. v2301. URL: <https://recyt.fecyt.es/index.php/encrucijadas/article/view/96747> (дата обращения: 08.12.2025).
45. **Falconi Calvachi F.R., Velásquez Cajas Á.P., Lema Flores K.M., Lomas Chacón P.E.** Análisis crítico del discurso intercultural en Facebook. Caso ‘Conaie Comunicación’ // *Culturas Revista de Gestión Cultural*. 2021. Vol. 8, Núm. 2. P. 101–122. DOI: 10.4995/cs.2021.16529
46. **Krippendorff K.** *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi: SAGE Publications, Inc., 2019. 422 p. DOI: 10.4135/9781071878781
47. **McHugh M.L.** Interrater reliability: The kappa statistic // *Biochemia Medica*. 2012. Vol. 22. P. 276–282. DOI: 10.11613/bm.2012.031

48. **Cao Y., Zhou L., Lee S., Cabello L., Chen M., Hershcovich D.** Assessing Cross-Cultural Alignment between ChatGPT and Human Societies: An Empirical Study // Proceedings of the First Workshop on Cross-Cultural Considerations in NLP (C3NLP) / ed. by S. Dev, V. Prabhakaran, D. I. Adelani, D. Hovy, L. Benotti, Dubrovnik: Association for Computational Linguistics, 2023. P. 53–67. DOI: 10.18653/v1/2023.c3nlp-1.7
49. **Ashrafimoghari M., Doroudi S., Tabatabaei S.M.S., Valipour M.** Comparative analysis of GPT-4, Gemini AI, and Claude: Strengths and weaknesses in content generation // SSRN, 2024. DOI: 10.2139/ssrn.4681307
50. **Moroni L., Aula-Blasco J., Conia S., Baucells I., Perez N., Suárez S.P., Sallés A., Ostendorff M., Falcão J., Son G., Gonzalez-Agirre A., Navigli R., Villegas M.** Multi-LMentry: Can Multilingual LLMs Solve Elementary Tasks Across Languages? // Proceedings of the 2025 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Suzhou, 2025. P. 34114–34145. DOI: 10.18653/v1/2025.emnlp-main.1731
51. **Schut L., Gal Y., Farquhar S.** Do Multilingual LLMs Think In English? // arXiv:2502.15603v1. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2502.15603
52. **Anglin K., Boguslav A., Hall T.** Improving the Science of Annotation for Natural Language Processing: The Use of the Single-Case Study for Piloting Annotation Projects // Journal of Data Science. 2022. Vol. 20, Iss. 3. P. 339–357. DOI: 10.6339/22-JDS1054
53. **Artstein R., Poesio M.** Inter-Coder Agreement for Computational Linguistics // Computational Linguistics. 2008. Vol. 34, Iss. 4. Art. no. 4. DOI: 10.1162/coli.07-034-R2

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Sergei Sikorskii

Сикорский Сергей

E-mail: ssikors@upv.es

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1874-4394>

Maria Luisa Carrio-Pastor

Каррио Пастор Мария Луиса

E-mail: lacarrio@upv.es

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3040-5362>

Submitted: 24.07.2025; Approved: 30.11.2025; Accepted: 05.12.2025.

Поступила: 24.07.2025; Одобрена: 30.11.2025; Принята: 05.12.2025.